

*В. С. Собкин
Е. М. Марич*

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

Дошкольный возраст

Российская Академия Образования
Центр Социологии Образования

В. С. Собкин, Е. М. Марич

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ
дошкольный возраст

Москва
2002

УДК 301
ББК 60.59
С 54

Печатается по решению Ученого Совета
Центра социологии образования РАО

Рецензенты

доктор психологических наук, член-корреспондент РАО
В.А. Петровский

доктор психологических наук
Б.Д. Эльконин

С 54 Собкин В.С., Марич Е.М. Социология семейного воспитания: дошкольный возраст. Труды по социологии образования. Том VII. Выпуск XII. — М.: Центр социологии образования РАО, 2002. — 247 с.

УДК 301

Монография основана на результатах социологического исследования, проведенного в рамках исследовательской Программы Центра социологии образования РАО по изучению социологических проблем дошкольного воспитания. В книге приводятся материалы социологического опроса родителей и обследования детей старшего дошкольного возраста.

В работе анализируются ценностные ориентации и воспитательные стратегии родителей, их отношение к государственной системе дошкольного воспитания. Особое внимание уделено изучению влияния демографических и социально-стратификационных факторов на формирование родительских стратегий воспитания. Специальный акцент сделан на выявлении типов реализуемых родителями стратегий при воспитании мальчиков и девочек в полной и неполной семье. Исследовано влияние родительских воспитательных стратегий на развитие ребенка.

Книга адресована специалистам в области педагогики, психологии, социологии и культурологии, работникам системы дошкольного воспитания, а также тем родителям, кто интересуется социологическими и психологическими проблемами воспитания. Материалы данной монографии могут быть использованы при подготовке студентов педагогических, социологических и психологических факультетов вузов, на курсах повышения квалификации работников сферы образования.

ISBN 5-901289-02-1

© ЦСО РАО, 2002

© В.С. Собкин, Е.М. Марич, 2002

© А.Б. Пожарский, Обложка, оформление, 2002

Содержание

СПИСОК ДИАГРАММ И ТАБЛИЦ	6
Введение	9

ЧАСТЬ 1

Ценностные ориентации и воспитательные стратегии родителей детей дошкольного возраста

Глава I. Жизненные ориентации родителей детей дошкольного возраста	15
1.1.1. Значимость различных ценностей в структуре жизненных ориентаций родителей	15
1.1.2. Оценка родителями своих жизненных перспектив	22
1.1.3. Страхи и опасения родителей	25
1.1.4. Опыт структурного анализа ценностных ориентаций родителей детей дошкольного возраста	29
Глава II. Воспитательные стратегии родителей детей дошкольного возраста	41
1.2.1. Цели воспитания	43
1.2.2. Стили взаимодействия с ребенком	56
1.2.3. Наказание и поощрение	62
1.2.4. Особенности эмоционального самочувствия родителей при общении с детьми	74
1.2.5. Опыт структурного анализа воспитательных стратегий родителей	77
Глава III. Особенности семейного воспитания	103
1.3.1. Распределение бюджета времени	103
1.3.2. Ребенок и семейный досуг	106
1.3.3. Роль семьи в передаче ребенку культурного опыта	111

ЧАСТЬ 2

Отношение родителей детей дошкольного возраста к детскому саду

Глава I. Выбор детского сада	123
2.1.1. Родители перед дилеммой: воспитывать ребенка дома или в детском саду?	123
2.1.2. Мотивация, определяющая желание родителей воспитывать ребенка в детском саду	128
2.1.3. Получение предварительной информации при выборе детского сада	133
2.1.4. Ориентации родителей на получение дополнительных услуг в детском саду	135
Глава II. Удовлетворенность родителей развитием ребенка в детском саду	140
2.2.1. Удовлетворенность родителей различными асpekтами воспитания их ребенка в детском саду	140
2.2.2. Оценка родителями влияния детского сада на личностное развитие их ребенка	141
2.2.3. Удовлетворенность родителей условиями деятельности детского сада	146
Глава III. Отношение родителей к содержанию дошкольного воспитания	154
2.3.1. Отношение родителей к образовательным программам	154
2.3.2. Степень знакомства родителей с образовательными программами	157
Глава IV. Отношение родителей к воспитателю детского сада	158
2.4.1. Удовлетворенность родителей профессиональной квалификацией воспитателя	159
2.4.2. Мнение родителей о том, как воспитатель оценивает их ребенка	159
2.4.3. Общение родителей с воспитателем по поводу своего ребенка	160
2.4.4. Мнение родителей об отношении их ребенка к воспитателю	166
Глава V. Общение родителей с ребенком по поводу детского сада	170
2.5.1. Поведение родителей в случае отказа ребенка идти в детский сад	170
2.5.2. Ребенок о детском саде	173
Глава VI. Готовность родителей к оказанию помощи детскому саду	181
2.6.1. Степень готовности родителей к оказанию помощи детскому саду	181
2.6.2. Возможные формы участия родителей в оказании помощи детскому саду	182

ЧАСТЬ 3**Семья и особенности развития ребенка старшего
дошкольного возраста: опыт социологического
анализа**

Глава I. Особенности интеллектуального развития ребенка-дошкольника	191
Глава II. Особенности эмоционально-личностной сферы детей дошкольного возраста	199
2.1. Сравнительный анализ рисунков детей из полных и неполных семей	201
2.2. Опыт структурного анализа детских рисунков «Моя семья»	209
2.3. Особенности эмоционального состояния детей в детском саду	228
Глава III. Особенности игры современных дошкольников	234
Заключение	242
ЛИТЕРАТУРА	244

СПИСОК ДИАГРАММ И ТАБЛИЦ

Диаграммы

Значимость различных жизненных ценностей для родителей детей дошкольного возраста и родителей старшекласников	17	Значимость стиля взаимодействия с ребенком, ориентированного на поддержание статусно-ролевой возрастной вертикали для родителей разных возрастных когорт	60
Значимость ценностей «успешная профессиональная деятельность», «достижение материального благосостояния» и «воспитание детей» для родителей с общим средним и высшим образованием	18	Ориентация на поддержание активности и свободы самовыражения ребенка родителями мальчиков и девочек	61
Значимость жизненных ценностей «достижение материального благополучия», «полноценное общение с друзьями» и «счастливая супружеская жизнь» для матерей состоящих, и не состоящих в браке	21	Использование наказаний сына замужними и незамужними матерями	69
Распределение доли «оптимистов», «сомневающих» и «пессимистов» среди родителей дошкольников в группах с разным уровнем материальной обеспеченности	24	Использование наказаний «постановка в угол» и «отказ выполнить свое обещание» родителями разных возрастных когорт	71
Размещение позиций отцов и матерей в пространстве факторов F1 (родительство — супружество) и F2 (традиционалистская полоролевая модель) в зависимости от семейного статуса и пола ребенка	36	Мотивация необходимости применения наказаний, связанная с поддержанием социально-статусной вертикали («дети должны видеть и чувствовать контроль со стороны взрослых») отцов и матерей с разным уровнем образования	73
Размещение позиций отцов и матерей в пространстве факторов F1 (родительство — супружество) и F3 (общекультурная норма — межличностное общение) в зависимости от семейного статуса и пола ребенка	38	Фиксация родителями негативных эмоциональных состояний при взаимодействии с собственным ребенком в зависимости от материального статуса семьи	76
Значимость развития волевой сферы ребенка для разных возрастных групп родителей	49	Схема анализа воспитательных стратегий родителей	78
Различия в значимости целевых ориентаций при воспитании своего ребенка у отцов и матерей со средним и высшим образованием	51	Размещение по оси фактора F1 отцов, замужних и незамужних матерей, воспитывающих сына или дочь	85
Значимость развития волевой сферы ребенка в нормативной и реальной целевых структурах стратегий воспитания для отцов с разным уровнем образования	55	Размещение по оси фактора F2 замужних и незамужних матерей, воспитывающих сына	88
Значимость развития в ребенке «уважения к старшим» (способности поддержания статусно-возрастной вертикали) в нормативной и реальной целевых структурах стратегий воспитания для замужних и незамужних матерей мальчиков	55	Размещение по оси фактора F3 отцов, замужних и незамужних матерей, воспитывающих мальчиков и девочек	91
		Воспитательные стратегии, характеризующие тип социальных ситуаций развития мальчиков и девочек в полной и неполной семье	93
		Доля родителей со средним и высшим образованием, не посетивших в течение последнего месяца каких-либо культурных центров со своим ребенком	110

Оценка замужними и незамужними матерями, воспитывающими мальчиков, роли детского сада и семьи в передаче ребенку новых знаний	112	Ориентация замужних и незамужних матерей на воспитание ребенка в круглосуточной группе детского сада	149
Оценка значимости замужними и незамужними матерями различных родительских обязанностей	116	Фиксация родителями различных возрастных когорт дефектов в развитии своего ребенка	151
Возрастная динамика предпочтений родителями различных форм воспитания своего ребенка	124	Родители, отмечающие дефекты в развитии собственного ребенка, в различных социальных стратах	152
Ориентации отцов и матерей с разным уровнем материальной обеспеченности на воспитание ребенка в государственных и частных детских садах	125	Темы, обсуждаемые в ходе общения родителей с воспитателями, по мнению воспитателей и родителей	163
Ориентации отцов и матерей с разным уровнем образования на воспитание своего ребенка в государственных и частных детских садах	126	Мнение родителей в разных возрастных когортах о том, что у их ребенка «есть несколько ребят в группе, с которыми он дружит»	177
Возрастная динамика изменения значимости для отцов и матерей мотивации «общение со сверстниками и полноценное развитие личности ребенка» при определении ребенка в детский сад	129	Мнения родителей с разным уровнем образования о том, что их ребенок «дружит со всеми детьми в группе детского сада»	178
Важность для отцов и матерей со средним и высшим образованием содержания обучающих и воспитательных программ при выборе детского сада	131	Мнение родителей в разных возрастных когортах о том, что их ребенок «дружит со всеми ребятами в группе детского сада»	179
Влияние различных социальных факторов на мнение родителей относительно необходимости наличия психолога в детском саду	138	Готовность родителей к оказанию материальной помощи детскому саду в зависимости от уровня благосостояния семьи	183
Мнения родителей с разным уровнем образования относительно необходимости различных дополнительных услуг в детском саду	138	Готовность родителей к оказанию помощи в «уборке помещений или ремонте группы детского сада» в зависимости от уровня их материальной обеспеченности	184
Удовлетворенность интеллектуальным и речевым развитием ребенка отцов и матерей с разным уровнем материальной обеспеченности	141	Доля родителей, готовых оказывать помощь в организации культурно-образовательных мероприятий в детском саду (организация праздника, экскурсий, культпохода) в различных возрастных когортах	185
Мнения матерей в различных возрастных когортах об изменениях, произошедших с их ребенком после поступления в детский сад	143	Средние показатели успешности выполнения теста Л. А. Венгера мальчиками и девочками из полных и неполных семей	192
Мнение родителей из разных возрастных когорт о позитивном влиянии детского коллектива на личностное развитие ребенка	145	Результаты выполнения детьми заданий по тесту Л. А. Венгера в зависимости от использования родителями поощрений и наказаний	195
Доля родителей, указавших, что содержание ребенка в детском саду для них либо «очень дорого», либо «дороговато», в различных возрастных группах	147	Результаты выполнения теста Л. А. Венгера девочками и мальчиками из полных и неполных семей в зависимости от уровня образования их матерей	197
		Размещение рисунков мальчиков и девочек из полных и неполных семей в пространстве факторов F1 («отцовская доминанта — материнская доминанта») и F2 («неполная семья — полная семья»)	217

Таблицы:

Значимость различных жизненных ценностей для отцов и матерей детей дошкольного возраста	16	Значения по осям выделенных факторов отцов мальчиков и девочек, замужних и незамужних матерей мальчиков и девочек	82
Опасения отцов и матерей детей дошкольников относительно собственного будущего	25	Распределение ежедневного бюджета времени родителей детей дошкольного возраста относительно основных видов деятельности	104
Распределение ответов родителей о наиболее важных качествах, которые семья должна воспитывать в детях	44	Темы, касающиеся собственного ребенка, которые обсуждают родители с воспитателями детского сада	162
Распределение ответов родителей о наиболее значимых качествах, которые они стремятся воспитать у своего ребенка	48	Показатели эмоционального тонуса рисунка «Моя семья»	202
Сопоставление нормативных и реальных целевых ориентаций воспитательных стратегий родителей детей дошкольного возраста	54	Особенности изображения членов семьи на рисунках детей из полных и неполных семей	204
Нормативные ориентации отцов и матерей на стили взаимодействия с ребенком	57	Расположение Я-фигуры в рисунках «Моя семья» мальчиков и девочек из полных и неполных семей	207
Реальные ориентации отцов и матерей на стили взаимодействия с собственным ребенком	59	Выраженность различных элементов в рисунке «Моя семья» мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста из полных и неполных семей	209
Виды наказаний ребенка, которые предпочитают использовать родители и воспитатели детских садов	67	Сюжеты рисунков детей-дошкольников «Я в детском саду»	229
Эмоциональные состояния, которые испытывают родители при общении со своим ребенком	75	Варианты изображения Я-фигуры в рисунках детей-дошкольников «Я в детском саду»	230
Весовые нагрузки параметров воспитательных стратегий по факторам F1, F2, F3	80	Показатели эмоционального тонуса рисунка «Я в детском саду»	232

Введение

Эта книга завершает цикл работ, выполненных нами в рамках исследовательской Программы ЦСО РАО по изучению социологических проблем в сфере дошкольного образования и воспитания. По материалам данной Программы были опубликованы две монографии. Одна из них посвящена социологическому исследованию жизненных ценностей и профессиональных ориентаций воспитателей детских садов [44]. Другая, — касается проблематики особенностей национального воспитания в дошкольном возрасте [47]. Здесь же мы уделим основное внимание особенностям семейного воспитания детей старшего дошкольного возраста.

Книга построена на материалах, полученных в ходе социологического опроса около тысячи родителей (941 респондент). Отметим, что в анкетном опросе принимали участие лишь те родители, чьи дети посещают детский сад. На этот момент следует обратить специальное внимание, поскольку сегодня далеко не все семьи пользуются услугами системы дошкольного воспитания. Так, по данным статистической отчетности «охват» детей системой дошкольного воспитания в 90-е годы последовательно сокращался и в настоящее время лишь около половины семей (а в отдельных регионах и еще меньше) отдают своего ребенка в детский сад.

Наряду с опросом родителей в книге используются также материалы специально проведенного нами обследования детей старшего дошкольного возраста (623 ребенка). Это именно те дети, родители которых участвовали и в нашем социологическом опросе. В ходе обследования детей мы использовали как диагностические методики, так и глубинные интервью, которые были направлены на выявление особенностей интеллектуального развития и эмоционального самочувствия детей, а также на сформированность у них игровой деятельности. Таким образом, при разработке и реализации исследовательской Программы мы попытались осуществить комплексный, междисциплинарный подход, совмещая как методы социологического, так и психологического исследования. Более того, подчеркнем, что и при интерпретации полученных результатов мы касаемся не только классических социологических сюжетов, связанных с влиянием социально-стратификационных факторов на воспитательные установки родителей, но и затрагиваем, собственно, психологическую проблематику о взаимоотношениях детей и их родителей. На наш взгляд, это необходимо, поскольку основным предметом настоящего исследования является «социальная ситуация развития» в том

ее понимании как она задается и определяется в логике культурно-исторического подхода школы Л.С.Выготского.

После этих предварительных замечаний кратко остановимся на тех вопросах, относительно которых и структурируется основное содержание книги. Выделим лишь главные сюжеты.

Первый из них связан с анализом особенностей *ценностных ориентаций родителей* детей старшего дошкольного возраста. Здесь для нас важно было рассмотреть несколько аспектов. Один из них касается иерархии жизненных ценностей родителей. Причем в данном случае мы стремимся выявить своеобразие динамики изменения структуры жизненных ценностей родителей по мере взросления их ребенка. Поэтому в ходе анализа полученных результатов, опираясь на наши предыдущие исследования [46], проведено специальное сопоставление ценностных ориентаций родителей детей-дошкольников и родителей старшеклассников, где показано, как значимость самой ценности воспитания ребенка «отходит» у родителей на второй план по мере его взросления. Иными словами, важно выяснить, как логика взросления самого ребенка трансформирует родительскую позицию. Другой аспект связан с определением той роли, которую играет ребенок в эмоциональном переживании родителями собственной социальной успешности. Здесь мы уделяем особое внимание тому, в какой степени маленький ребенок является тем центром, который определяет «эмоционально-ценностной кругозор» взрослого относительно таких модальностей как жизненный «оптимизм — пессимизм». В данном случае здесь для нас важно выявить аффективную значимость ребенка в общей структуре жизненных опасений и страхов родителей. И, наконец, третий аспект касается влияния демографических и социально-стратификационных факторов на особенности ценностной структуры, характеризующей своеобразие родительской позиции при воспитании ребенка-дошкольника. При этом центральное значение для нас в ходе анализа имеет влияние самой успешности супружеской жизни на ценностные ориентации родителей. В этой связи особенно важно сопоставить своеобразие ценностных ориентаций замужних и незамужних матерей, воспитывающих мальчиков и девочек. Иными словами, мы попытаемся выявить влияние успешности супружеской жизни и пола ребенка на трансформацию ценностных структур, определяющих своеобразие родительской позиции при воспитании ребенка в полной и неполной семье.

Второй сюжет, относительно которого разворачивается содержание данной книги, касается исследования непосредственно *родительских воспитательных стратегий*. Следует отметить, что сам вопрос о «воспитательной стратегии» весьма слабо проработан в теоретическом плане и, как правило, сводится к рассмотрению либо *стилей взаимодействия* (авторитарный стиль, демократический и т.п.) взрослого с ребенком, либо *тактик родительского поведения* (диктат, опека, конфронтация, мирное сосуществование, сотрудничество) при воспитании ребенка в семье [32]. В данной же работе мы предлагаем иной подход

к анализу родительских стратегий воспитания, пытаюсь развернуть его в логике деятельностной парадигмы [18]. При этом, в первую очередь, мы опираемся, на представление о трех фазах деятельности: ориентировочно-целевая, исполнение, контроль, которые наиболее отчетливо были выделены П.Я. Гальпериным [12]. Исходя из этого, при разработке инструментария нашего исследования, были сформулированы специальные вопросы, касающиеся целей воспитания, особенностей взаимодействия родителей с ребенком, форм применения наказаний и поощрений ребенка, а также самооценок родителей относительно успешности своего взаимодействия с детьми. Подчеркнем, что помимо традиционного социологического анализа, направленного на выявление особенностей влияния демографических и социально-стратификационных факторов относительно выделенных блоков (ориентировка, исполнение, контроль), нами предпринят и специальный метод обработки данных, ориентированный на выявление *типов родительских стратегий*, который позволяет сопоставить особенности целеполагания со способами взаимодействия и нормами контроля поведения при воспитании ребенка.

Третий сюжет, в принципе, традиционен для социологического исследования. Он касается отношения родителей к системе дошкольного воспитания. В данном случае мы попытаемся выявить как мотивы, определяющие желание родителей воспитывать ребенка в детском саду, так и степень их удовлетворенности различными аспектами деятельности детского сада: отношение к содержанию образовательных программ, кадровому обеспечению, материально-техническому обеспечению, оплате дополнительных услуг и т.п. При этом мы уделим специальное внимание сравнению мнений родителей с разным материальным и образовательным статусом. Особая линия анализа полученных материалов связана с сопоставлением оценок замужних и незамужних матерей, что позволит выявить социальную роль детского сада при воспитании ребенка в неполной семье.

Наконец, четвертый сюжет, которым мы и завершаем книгу, посвящен изучению интеллектуального развития и эмоционального самочувствия детей старшего дошкольного возраста. Основной задачей здесь является сопоставление реализуемых родителями воспитательных стратегий с особенностями развития ребенка-дошкольника. При этом подчеркнем, что основаниями для соотнесения родительских стратегий и уровней детского развития выступают четыре типа семейных ситуаций: воспитание мальчика в полной семье, воспитание девочки в полной семье, воспитание мальчика в неполной семье, воспитание девочки в неполной семье. Иными словами, мы попытаемся выявить не только то, как влияет неполнота семьи на трансформацию материнской позиции в ситуации воспитания мальчиков или девочек в неполной семье, но и то, как подобные трансформации традиционалистской модели материнского поведения влияют на интеллектуальное развитие ребенка и его эмоциональное самочувствие. В этом, пожалуй, и состоит новизна реализуемого нами подхода.

Понятно, что мы перечислили только основные сюжеты. Надеемся, что сам читатель при чтении книги выделит и другие содержательные линии, которые, возможно, покажутся ему более главными и существенными.

В. Собкин, Е. Марич
Москва — Баковка, 2002 г.

Благодарности. Считаем своим долгом, выразить признательность сотрудникам Центра социологии образования РАО, которые принимали участие в разработке Программы исследования и сборе эмпирического материала на разных этапах реализации Проекта: Л. Утробиной, Ю. Сухович, Ю. Евстигнеевой, М. Хлебниковой, О. Асадулиной, А. Новаковской, И. Мещерякову.

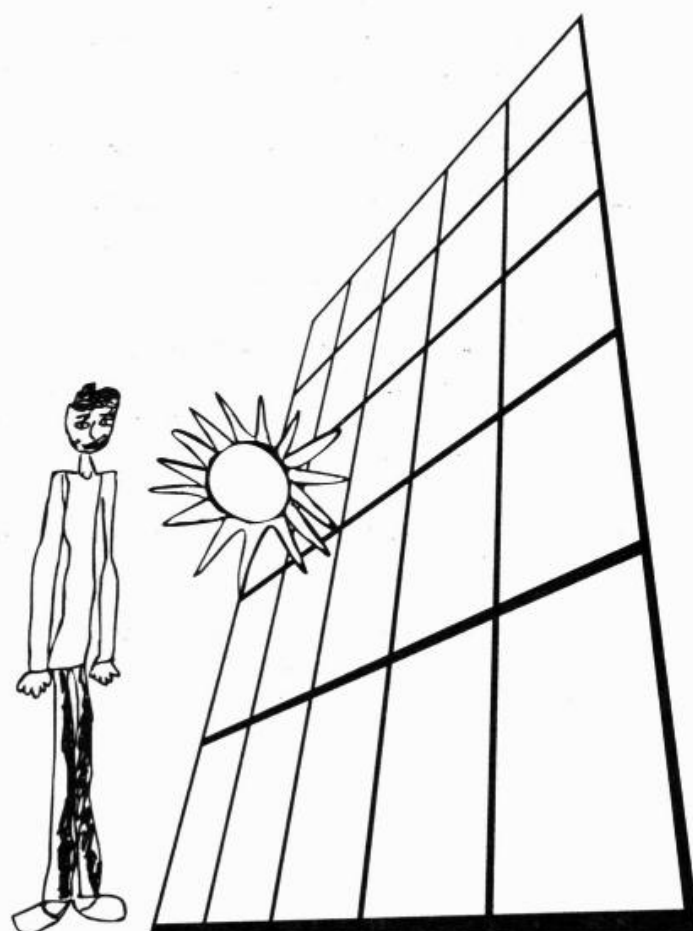
Мы также признательны П.С. Писарскому как за его помощь в математической обработке материалов исследования, так и за продуктивную критику отдельных частей работы на протяжении ее написания.

Мы благодарны Е.О. Смирновой как за постоянное и терпеливое консультирование нас в области проблематики дошкольного воспитания, так и за участие в написании последней части книги.

Мы хотели бы выразить признательность руководителю Московского Комитета по образованию Л.П. Кезиной и ее заместителю Л.Е. Курнешовой за организационную поддержку Проекта.

И, наконец, отдельно выражаем благодарность всем родителям и их детям, которые приняли участие в нашем исследовании.

Часть 1

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РОДИТЕЛЕЙ
ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

Глава I. Жизненные ориентации родителей детей	
дошкольного возраста	15
1.1. Значимость различных ценностей в структуре жизненных ориентаций родителей	15
1.2. Оценка родителями своих жизненных перспектив	22
1.3. Страхи и опасения родителей	25
1.4. Опыт структурного анализа ценностных ориентаций родителей детей дошкольного возраста	29
Глава II. Воспитательные стратегии родителей	
детей дошкольного возраста	41
2.1. Цели воспитания	43
2.2. Стили взаимодействия с ребенком	56
2.3. Наказание и поощрение	62
2.4. Особенности эмоционального самочувствия родителей при общении с детьми	74
2.5. Опыт структурного анализа воспитательных стратегий родителей	77
Глава III. Социокультурные особенности	
семейного воспитания	103
3.1. Распределение бюджета времени родителей	103
3.2. Ребенок и семейный досуг	106
3.3. Роль семьи в передаче ребенку культурного опыта	111

Глава I

ЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В данной главе мы рассмотрим три основных сюжета. Первый из них касается значимости различных ценностей в общей структуре жизненных ориентаций родителей. Второй — общей оценки родителями своих жизненных перспектив. И, наконец, третий сюжет связан с анализом тех жизненных аспектов, относительно которых возникают наибольшие опасения у родителей детей дошкольного возраста. В этой связи мы полагаем, что опасения («страхи») особым образом характеризуют аффективную значимость «жизненных ценностей».

Основная цель нашего исследования состоит в выявлении влияния различных демографических и социально-стратификационных факторов (уровень материального положения, уровень образования, полнота семьи и др.) на структуру жизненных ориентаций родителей, оценку ими своих жизненных перспектив, значимости тех или иных угроз. Рассмотрению этих вопросов и посвящены первые три раздела. В заключительном четвертом разделе мы предпримем попытку структурного анализа, который направлен на выявление особенностей взаимосвязи жизненных ценностей и различных страхов родителей детей дошкольного возраста. При этом основной задачей для нас будет обнаружение своеобразия ценностно-смысловых ориентаций различных типов родительских позиций в зависимости от структурных особенностей семьи.

1.1. ЗНАЧИМОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОДИТЕЛЕЙ

При ответе на вопрос о значимых жизненных ценностях в качестве основной ценности 75,7% родителей отметили «воспитание детей». На втором месте значится «счастливая супружеская жизнь» — 67,7%; на третьем — «хорошее здоровье» (53,9%). На четвертом, пятом и шестом соответственно: «достижение материального благосостояния» (32,2%), «успешная профессиональная деятельность» (27,9%) и «полноценное общение с друзьями» (14,1%). Это те ценности, которые респонденты выделяют в качестве приоритетных. Другие же ценности отмечают лишь немногие: «полноценное приобщение к культуре» — 6,0%, «религия» — 2,0%, «успешная политическая карьера» — 1,7%. Мы привели средние данные, фиксирующие структуру жизненных приоритетов

родителей. Однако в зависимости от различных социально-стратификационных факторов значимость ценностей существенно изменяется. Проиллюстрируем это на ряде примеров.

Влияние полоролевой родительской позиции (отец/мать) на структуру жизненных ценностей. В таблице 1 приведены данные о значимости тех или иных ценностей среди отцов и матерей детей дошкольного возраста.

Таблица 1. Значимость различных жизненных ценностей для отцов и матерей детей дошкольного возраста (%)

	Отцы N=334	Матери N=607	P <
Воспитание детей	64,4	82,2	.0001
Счастливая супружеская жизнь	67,7	67,6	
Хорошее здоровье	45,8	58,6	.0001
Достижение материального благосостояния	43,4	26,0	.0001
Успешная профессиональная деятельность	41,0	21,0	.0001
Полноценное общение с друзьями	14,1	14,3	
Полноценное приобщение к культуре	4,2	6,8	
Религия	2,1	2,0	
Успешная политическая карьера	1,8	1,7	

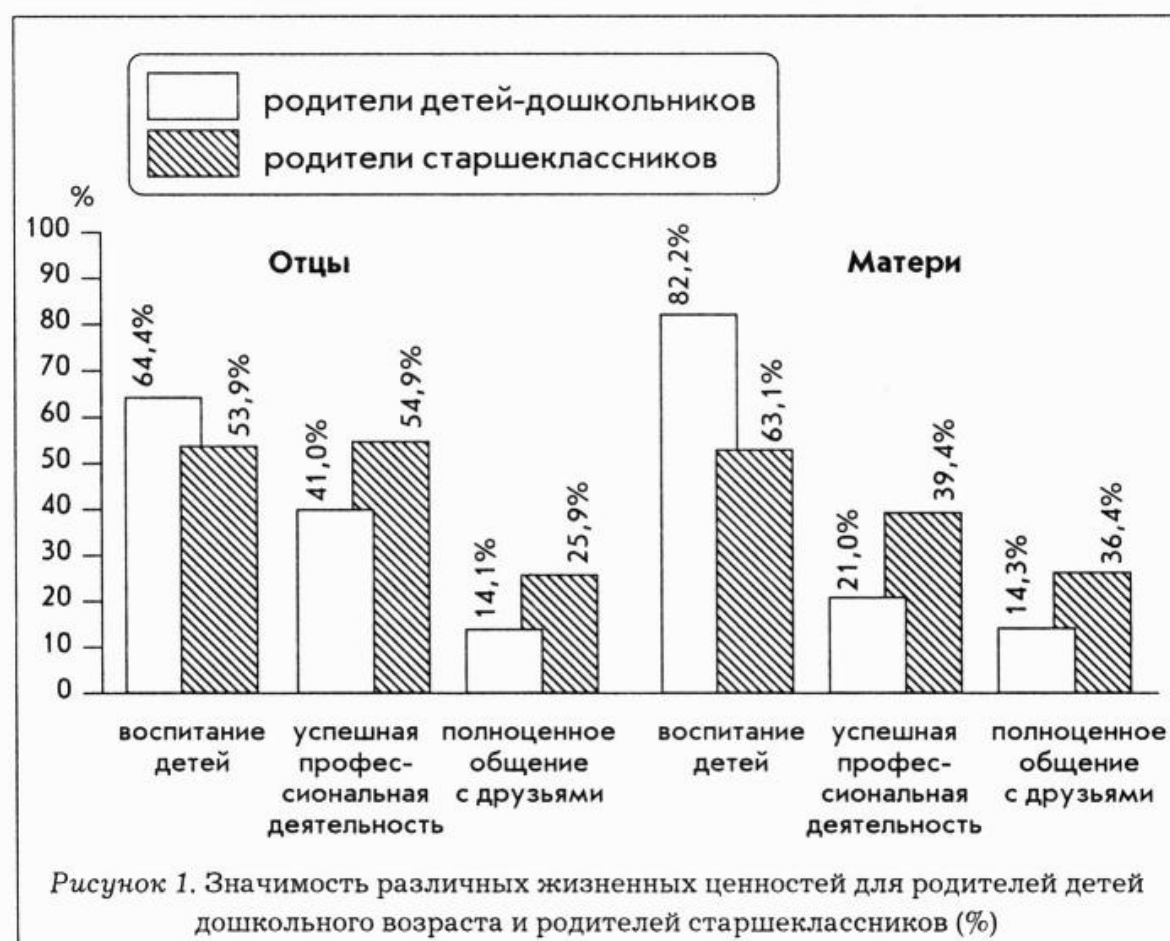
Приведенные в таблице данные весьма показательны и свидетельствуют о влиянии полоролевой позиции — «отец» или «мать» — на значимость жизненных ценностей. Так, мы видим, что «воспитание ребенка» и свое «хорошее здоровье» существенно более значимо для матерей. Отцы же чаще отмечают «успешность в профессиональной деятельности» и «достижение материального благосостояния». В принципе подобные различия жизненных ценностей фиксируют сохранение традиционалистских полоролевых жизненных ориентаций среди современных родителей детей дошкольного возраста.

На наш взгляд, стоит отметить также и то, что значимость «счастливой супружеской жизни» в одинаковой степени крайне высоко оценивается как отцами, так и матерями: и для отцов, и для матерей детей дошкольного возраста «счастливая супружеская жизнь» в равной степени оказывается приоритетной жизненной ценностью. Этот момент важен, поскольку позволяет поставить вопрос о значимости для родителей тех или иных жизненных ценностей в зависимости от возраста их ребенка. В этой связи сопоставим структуру жизненных ценностей родителей детей-дошкольников с данными другого нашего исследования, где анализировалась структура жизненных ценностей родителей детей-старшеклассников (В.С. Собкин, П.С. Писар-

ский, 1994). На рисунке 1 приведены данные, фиксирующие статистически значимые различия между родителями детей-дошкольников и родителями старшеклассников относительно таких ценностей, как «успешная профессиональная деятельность», «воспитание детей» и «полноценное общение с людьми».

Как видно из рисунка, по сравнению с родителями детей дошкольного возраста, среди родителей старшеклассников существенно ниже доля тех, кто отмечает как значимую для себя жизненную ценность «воспитание детей». И, наоборот, среди родителей (как у отцов, так и у матерей) старшеклассников существенно выше значимость таких ценностей, как «успешная профессиональная деятельность» и «полноценное общение с друзьями». Это позволяет сделать вывод о том, что по мере взросления их ребенка структура жизненных ценностей родителей существенно изменяется. Причем характерно, что направленность этих изменений одинакова как у отцов, так и у матерей. Воспитание ребенка как жизненная ценность «отходит на второй план», и все более важными оказываются успешность в собственной профессиональной деятельности и полноценное общение со своими друзьями. Иными словами, по мере взросления ребенка обнаруживается своеобразный феномен «отстранения» от ребенка со стороны родителей и их переориентация на достижение собственного профессионального успеха, поддержание социальных связей и общения вне семьи.

При этом подчеркнем, что если возраст ребенка весьма заметно перестраивает структуру жизненных ценностей родителей,

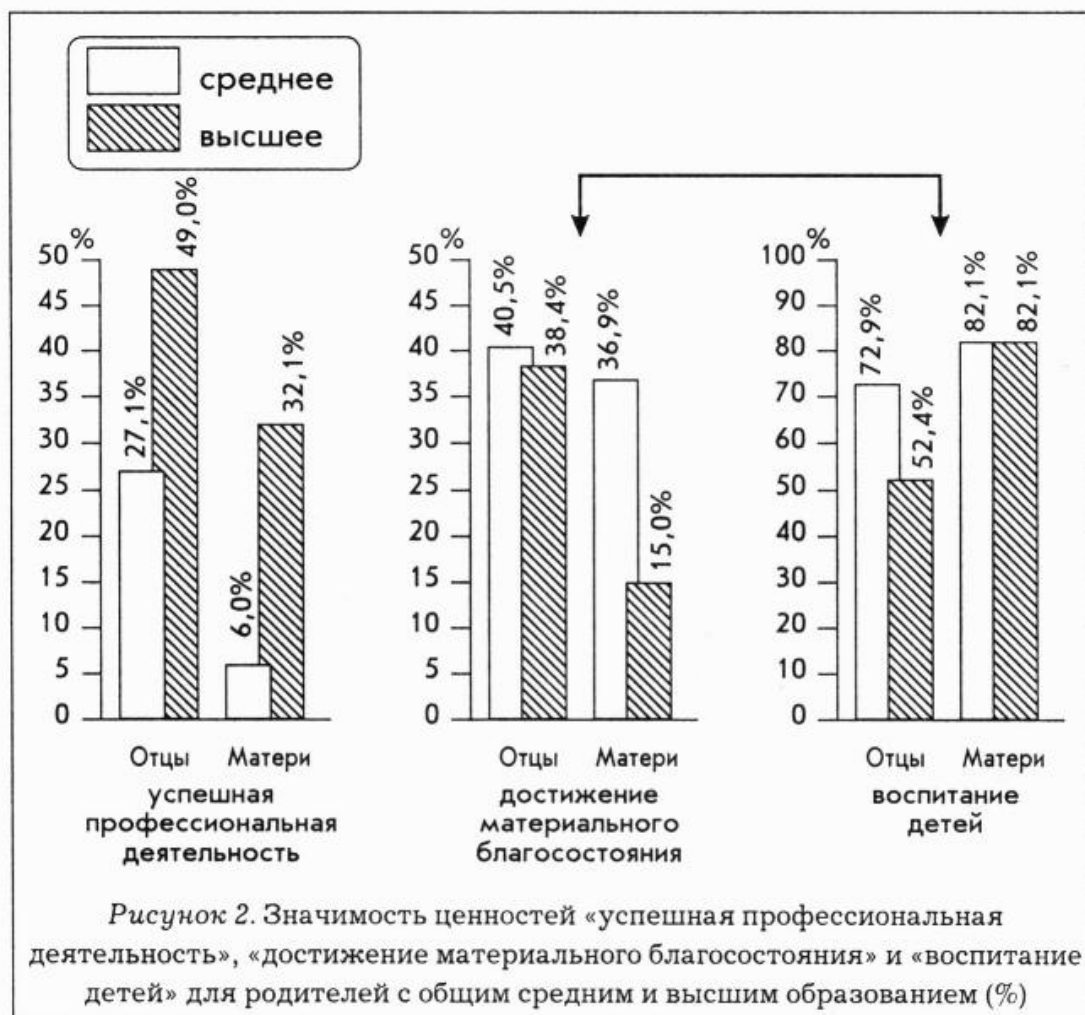

то возраст самих родителей не оказывает здесь какого-либо существенного влияния. Как показывает анализ полученных данных, родители детей-дошкольников, принадлежащие к разным возрастным когортам, практически не отличаются между собой по структуре своих жизненных ценностных ориентаций. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ценностные ориентации родителей детей-дошкольников принципиально определяются не столько возрастом родителей, сколько возрастом их ребенка, характеризуя ценностную специфику родительской (материнской или отцовской) позиции на данном этапе развития ребенка.

Влияние социально-стратификационных факторов на значимость жизненных ценностей. Особый интерес представляет анализ влияния социально-стратификационных факторов (уровня образования и материального положения) на значимость для родителей тех или иных жизненных ценностей. Полученные нами данные позволяют выделить ряд характерных тенденций.

Так, уровень образования родителей оказывает влияние на их отношение к трем ценностям: «успешная профессиональная деятельность», «достижение материального благосостояния» и «воспитание детей» (см. рис. 2).

Как видно из приведенных на рисунке данных, родители с высшим образованием придают более высокую значимость успешности своей профессиональной деятельности (различия

статистически значимы на уровне .001). Причем эта тенденция характерна как для отцов, так и для матерей. В принципе подобные результаты вполне ожидаемы, поскольку родители с высшим образованием обладают более высоким уровнем профессиональной квалификации, и в силу этого значимость профессиональной успешности для них и оказывается более высокой.

На наш взгляд, нетривиальны результаты, фиксирующие отношение родителей с разным уровнем образования к таким ценностям, как «достижение материального благосостояния» и «воспитание детей». Здесь влияние уровня образования проявляется по-разному у отцов и матерей. Так, если на отношение к ценности «достижение материального благосостояния» у отцов уровень их образования не оказывает какого-либо влияния, то у матерей различия явно выражены: 36,9% среди матерей со средним образованием и вдвое меньше (15,0%) среди матерей с высшим образованием (различия статистически значимы на уровне .0001). Иной характер носит отношение родителей к такой ценности, как «воспитание детей». Здесь, наоборот, уровень образования не оказывает какого-либо влияния на изменение значимости этой ценности среди матерей. У отцов же картина иная: среди родителей со средним образованием эту ценность отмечают 72,9%, а с высшим — 52,4% (различия статистически значимы на уровне .01).

Интерпретируя эти данные, стоит отметить, что уровень образования не оказывает влияния именно на значимость тех ценностей, которые характеризуют собственно традиционалистские полоролевые позиции, где за отцом закреплена функция материального обеспечения семьи, а за матерью — воспитания детей. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что, с одной стороны, уровень образования не затрагивает отношения к значимости тех ценностей, которые соответствуют традиционалистской полоролевой позиции отца и матери, а с другой — мы видим, что повышение уровня образования, наоборот, усиливает, как это ни странно, различия в ценностных ориентациях отцов и матерей по тем параметрам, которые не соответствуют собственной традиционалистской полоролевой позиции. Так, матери с более высоким уровнем образования менее склонны придавать значимость ценности «достижение материального благосостояния», отдавая приоритет в этом отношении отцам; отцы же, в свою очередь, с повышением уровня своего образования в меньшей степени ориентированы на «воспитание ребенка» и здесь приоритет отдается матери. Иными словами, с получением высшего образования усиливается ценностная ориентация родителей ребенка-дошкольника на реализацию традиционалистской полоролевой родительской позиции, причем не своей собственной, а супруга/супруги — и в этом проявляется, повторимся, нетривиальность полученных данных.

Заметим, что в отличие от уровня образования, материальный статус не оказывает столь существенного влияния на отношение родителей к жизненным ценностям. Полученные данные показывают, что мнения отцов из недостаточно, мало- и среднеобеспеченных

семей по поводу значимости тех или иных ценностей не отличаются между собой. У матерей же уровень материальной обеспеченности оказывает явное влияние на их отношение к двум жизненным ценностям: «счастливая супружеская жизнь» и «хорошее здоровье». Так, в структуре жизненных ценностей матери из недостаточно обеспеченных семей хорошему здоровью отводят более значимое место, чем матери из среднеобеспеченных семей, соответственно: 67,9% и 53,8% (различия статистически значимы на уровне .006). В свою очередь, матери из среднеобеспеченного слоя придают большую значимость ценности счастливой супружеской жизни, соответственно: 73,8% и 61,5% (различия статистически значимы на уровне .01).

Таким образом, мы видим, что фактор, характеризующий уровень материальной обеспеченности семьи, дифференцирует структуру жизненных ценностей совершенно иным образом по сравнению с уровнем образования. Если влияние уровня образования оказывается значимым непосредственно для ценностных установок, характерных для полоролевой традиционалистской модели, то уровень материальной обеспеченности дифференцирует позиции матерей в отношении к здоровью и супружеской жизни. То, что матери из более обеспеченных семей уделяют меньшее внимание ценности здоровья, в принципе понятно, и в определенном смысле свидетельствует о связи между уровнем материального благополучия и состоянием здоровья. Более интересен другой момент: женщины из среднеобеспеченных семей в большей степени ориентированы на ценность счастливой супружеской жизни. Этот факт свидетельствует о том, что достижение определенного уровня материального благополучия повышает значимость гармонии супружеских отношений, духовной близости между супругами. В этом отношении можно полагать, что «счастливая супружеская жизнь» выступает как определенный аспект («метка»), подтверждающий более высокий социальный статус и социальную успешность женщин из более обеспеченного слоя.

Влияние семейного статуса на значимость жизненных ценностей. Особый интерес представляет сравнение значимости тех или иных жизненных ценностей у замужних и незамужних матерей. Анализ полученных данных позволил выделить три ценности, относительно которых прослеживаются весьма существенные различия: «достижение материального благополучия», «счастливая супружеская жизнь» и «полноценное общение с друзьями» (см. рис. 3).

Как видно из рисунка, значимость ценности «достижение материального благосостояния» для незамужних матерей существенно выше, по сравнению замужними, соответственно: 40,5% и 23,8% (различия статистически значимы на уровне .003). Этот момент вполне ожидаем, поскольку не состоящие в браке матери в большей степени озабочены обеспечением материального благосостояния семьи, беря на себя функцию отца ребенка. В этой связи стоит соотнести приведенные данные с результатами таблицы 1,

где представлены распределения по подвыборке отцов. Напомним, что среди отцов ценность «достижение материального благосостояния» отмечают практически столько же (43,4%), сколько и среди незамужних матерей. Таким образом, сопоставление результатов незамужних матерей и отцов относительно значимости для них данной жизненной ценности в определенном смысле подтверждает факт принятия незамужними матерями традиционалистской отцовской функции по материальному обеспечению семьи.

Особый интерес представляют данные, связанные со значимостью ценностей «счастливой супружеской жизни» и «полноценного общения с друзьями». Обратим внимание, что здесь проявляется иная линия отношения к ценности супружеской жизни по сравнению с той, которую мы выделили при обсуждении влияния материального статуса семьи. Так, если фактор материального положения обнаружил своеобразное ценностное напряжение «супружество — здоровье», то семейный статус (полнота/неполнота семьи) проявляет иной содержательный конфликт: «счастливое супружество — полноценное общение с друзьями». Как видно из рисунка, не состоящие в браке матери по сравнению с замужними гораздо реже отмечают значимость для себя ценности «счастливой супружеской жизни», соответственно: 39,2% и 72,0% (различия статистически значимы на уровне .0001). В принципе можно было бы ожидать прямо противоположных результатов. Действительно, отсутствие супруга может побуждать повышенное желание к созданию полноценной семьи. Результаты же говорят об обратном. По сути дела, для не состоящих в браке матерей сама ценность супружества оказывается «обесцененной», и они стремятся компенсировать ее за счет полноценного общения с друзьями (среди незамужних матерей ценность «полноценного общения с друзьями» отмечают 24,1%, среди замужних 12,8%; различия статистически значимы на уровне .01»). Возможно, общение с друзьями связано как с психологической поддержкой, так и «компенсацией» отсутствия супруга для незамужних матерей.

Полученные результаты позволили выявить влияние демографических и социально-стратификационных факторов на структуру жизненных ценностей родителей детей дошкольного возраста. При этом обратим внимание на то, что различные факторы проявляют разные напряжения и конфликты в структуре жизненных ценностей. Так, например, сравнение родителей детей-дошкольников и старшекласников позволило выделить определенную тенденцию «отстранения» родителей от воспитания ребенка по мере его взросления. Анализ влияния такого фактора, как уровень образования, выявил парадоксальную тенденцию усиления ори-

ентаций на традиционалистскую полоролевою модель родительского поведения. Анализ влияния материального статуса семьи обозначил характерное напряжение ценностей «счастливая супружеская жизнь — здоровье». И, наконец, рассмотрение влияния такого фактора, как семейный статус матери, вскрыло не только принятие на себя незамужней матерью функций отсутствующего супруга по материальному обеспечению семьи, но и обнаружило характерную для них девальвацию самой ценности «счастливой супружеской жизни», которая компенсируется за счет повышения значимости ценности «полноценного общения с друзьями».

1.2. ОЦЕНКА РОДИТЕЛЯМИ СВОИХ ЖИЗНЕННЫХ ПЕРСПЕКТИВ

В этом небольшом разделе мы рассмотрим особенности эмоциональной оценки родителями своих жизненных перспектив. С этой целью в ходе социологического опроса респондентам предлагалось оценить свое будущее относительно трех модальностей: «уверенность, оптимизм», «сомнение в том, что жизнь сложится удачно», «страх и пессимизм». Наряду с представленным выше анализом ценностных ориентаций данный аспект отношения к своим жизненным перспективам представляется крайне важным при характеристике общих жизненных ориентаций родителей. При анализе материалов особый интерес представляет выявление влияния демографических и социально-стратификационных факторов, чему мы и уделим специальное внимание.

Предварительно же, оценивая общие средние данные, отметим, что половина родителей (51,9%) позитивно оценивает свои жизненные перспективы: «с уверенностью и оптимизмом смотрит в завтрашний день». Более трети (38,6%) «сомневаются в том, что жизнь сложится удачно». Явно фрустрированы относительно своего будущего сравнительно немногие — 5,6%. Эти родители «со страхом и пессимизмом ждут завтрашнего дня».

Влияние демографических факторов. На отношение родителей к своему будущему существенное влияние оказывают демографические факторы — пол и возраст. Так, отцы более оптимистичны в оценке своих жизненных перспектив. Среди них «оптимистов» 58,0%, а среди матерей — 48,7% (различия статистически значимы на уровне .01). Соответственно, среди матерей более высока доля «сомневающихся» — 42,1% (среди отцов 32,1%; различия стати-

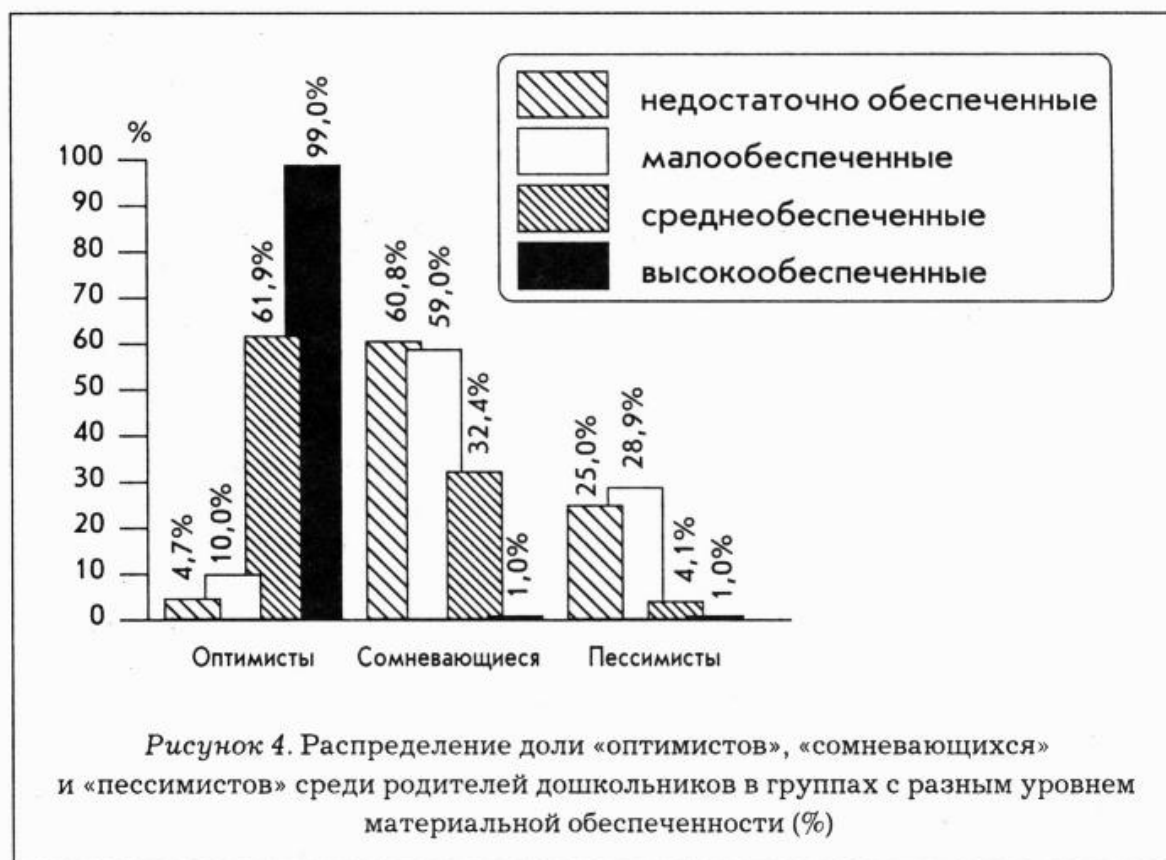
стически значимы на уровне .002). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что полоролевая позиция — отца или матери — оказывает существенное влияние на эмоциональные переживания своей будущей жизненной успешности. И в этом отношении материнская позиция выглядит менее благополучной.

Достаточно характерно и влияние возраста. При этом следует отметить, что между возрастной когортой родителей в возрасте до 26 лет и возрастной когортой 27–35 лет не наблюдается каких-либо значимых различий в самооценке жизненных перспектив. Кардинальный перелом обнаруживается при переходе к более старшему возрасту, — в возрастную когорту 36–45 лет. На этом возрастном рубеже резко сокращается число «оптимистов». Так, среди мужчин их доля сокращается с 65,0% в возрастной когорте 27–35 лет до 48,0% в возрастной когорте 36–45 лет (различия статистически значимы на уровне .005); у женщин соответственно: с 51,1% в возрастной когорте 27–35 лет до 35,7% в возрастной когорте 36–45 лет (различия статистически значимы на уровне .002). Таким образом, сокращение доли «оптимистов» среди родителей при их переходе в возрастную когорту 36–45 лет является общей тенденцией и для отцов, и для матерей детей дошкольного возраста.

В то же время сам переход в более старшую возрастную когорту имеет и свои специфические особенности, характерные как для мужчин, так и для женщин. Например, среди отцов при переходе в возрастную когорту 36–45 лет втрое увеличивается число «пессимистов» — с 3,4% в когорте 27–35 лет до 10,2% в возрастной когорте 36–45 лет (различия статистически значимы на уровне .01). Среди матерей подобной тенденции столь значительного увеличения числа «пессимистов» не наблюдается. Среди них существенно увеличивается лишь доля «сомневающих» в том, что жизнь сложится удачно — с 40,6% в возрастной когорте 27–35 лет до 51,6% в возрастной когорте 36–45 лет (различия статистически значимы на уровне .03).

Таким образом, полученные нами данные, во-первых, позволяют не только обозначить влияние возраста на снижение позитивной оценки родителями своих жизненных перспектив, но и, что особенно важно, выявить тот возрастной рубеж (36–45 лет), на котором разворачивается своеобразный *кризис по переоценке* ими своей жизненной успешности. Проявлением этого кризиса, в частности, и является снижение среди родителей дошкольников доли оптимистов. Во-вторых, мы показали, что сам переход в возрастную когорту 36–45 лет по-разному переживается мужчинами и женщинами. Так, отцы более склонны к проявлению реакции явно выраженной фрустрации относительно своего будущего. Матери же переживают возрастной кризис в более мягкой форме.

Влияние социально-стратификационных факторов. Как мы показали выше (см. раздел 1.1) уровень образования существенным образом влияет на значимость для родителей тех или иных ценностей. Однако данный фактор не играет какой-либо существенной роли при оценке родителями своих жизненных перспектив.

Проявляет себя лишь фактор, фиксирующий материальный статус (см. рис. 4).

Приведенные на рисунке данные вполне ожидаемы и фиксируют однозначное влияние более высокого материального статуса на позитивную оценку родителями своих жизненных перспектив. Так, мы видим, что в группах с более высоким материальным статусом (в среднем и высокообеспеченном слоях) соответственно гораздо выше доля «оптимистов», чем в недостаточно и малообеспеченных слоях. Помимо этого, стоит обратить внимание на два момента. Во-первых, родители из недостаточно и малообеспеченных слоев практически не отличаются друг от друга. При этом явная граница обнаруживается между этими двумя слоями и родителями из среднеобеспеченного слоя. Во-вторых, следует отметить крайне высокий процент тех родителей, кто фрустрирован относительно своего будущего в недостаточно обеспеченном и малообеспеченном слоях. Доля тех, кто «со страхом и пессимизмом ждет завтрашнего дня», в этих социальных слоях составляет более четверти. Подобного столь высокого процента «пессимистов» мы не обнаруживаем при анализе влияния демографических факторов (например, возраста). Иными словами, именно материальный статус (отнесение себя к недостаточно и малообеспеченным слоям) оказывается решающим фактором, увеличивающим «страх и пессимизм» родителей относительно завтрашнего дня.

Анализ влияния демографических и социально-стратификационных фак-

торов на оценку родителями детей дошкольного возраста своих жизнен-

ных перспектив позволил выделить ряд характерных моментов. Во-первых, мы обнаружили явное влияние социально-ролевой позиции отца и матери. При этом материнская позиция оказывается в целом менее благополучной. Во-вторых, выявлено влияние возраста на позитивную оценку родителями перспектив своего будущего. И в этой связи отчетливо обозначился особый возрастной рубеж — переход в когорту 36–45 лет, который определяет своеобразный жизненный кризис. Причем этот кризис эмоционально по-

разному переживается мужчинами и женщинами. Так, среди мужчин гораздо более распространены выраженные пессимистические оценки; среди женщин — «сомнение в том, что жизнь сложится удачно». И, наконец, в третьих, материальный статус оказывается тем фактором, который играет наиболее существенную роль в оценке родителями успешности своих жизненных перспектив: в более слабых социальных слоях существенно выше доля «пессимистов» и «сомневающих».

1.3. СТРАХИ И ОПАСЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

В предыдущем разделе мы рассмотрели особенности эмоциональной оценки родителями своих жизненных перспектив. Здесь же мы попытаемся более детально проанализировать те «конкретные угрозы», которые оказывают фрустрирующее влияние на ожидания родителей относительно их будущего. С этой целью в ходе опроса респондентам задавался вопрос о том, что их лично больше всего беспокоит в будущем. В таблице 2 приведены данные ответов отцов и матерей.

Таблица 2. Опасения отцов и матерей детей-дошкольников относительно собственного будущего (%)

	отцы N=334	матери N=607	P<
Беспокоюсь за своего ребенка	71,5	77,6	.04
Я боюсь войны	37,7	47,7	.003
Меня беспокоит здоровье	24,0	29,2	
Я боюсь стать жертвой насилия, преступления	8,1	12,5	.05
Я боюсь смерти	7,5	8,0	
Я опасаюсь, что у меня не сложится личная жизнь	4,8	9,5	.04
У меня нет уверенности, что я правильно выбрал(а) профессию	6,3	8,3	
Я боюсь стать жертвой национализма	3,3	3,0	
Я боюсь стать жертвой рэкета	2,1	2,0	
Я не уверен(а), что могу жить самостоятельно	3,6	9,1	.0005
Отсутствие внешней привлекательности	0,3	1,0	

Как видно из приведенных в таблице данных, в структуре страхов родителей детей дошкольного возраста доминирующее место занимает «беспокойство за своего ребенка». Его отмечает три четверти родителей. В принципе эти данные свидетельствуют о том, что ребенок для родителей детей-дошкольников занимает приоритетную ценностную позицию. Заметим, что эти данные подтверждают и результаты ответов на вопрос о непосредственной значимости тех или иных жизненных ценностей, которые мы рассмотрели выше, где ценность «воспитание своего ребенка» также оказалась на первом месте (см. раздел 1.1). Однако подчеркнем, что содержание данного вопроса и вопроса о жизненных ценностях принципиально различается, поскольку здесь мы фиксируем именно *аффективную компоненту*, спроецированную на собственные жизненные перспективы. И в этом отношении, повторимся, «опасение за своего ребенка» явно доминирует, определяя, собственно, смысловой горизонт родительской позиции.

Наряду с беспокойством за своего ребенка, достаточно значимо в структуре опасений родителей относительно своего будущего представлены и еще два вида страхов: «боязнь войны» и «опасение за свое здоровье». Остальные же страхи, беспокойства, опасения, как мы видим, отмечаются в гораздо меньшей степени, и на каждый из них указывают практически менее десяти процентов опрошенных родителей.

Гендерные и возрастные различия. Особый интерес представляет более детальное сопоставление мнений отцов и матерей. Анализ полученных данных относительно статистически значимых различий показал (см. табл. 2), что матери существенно чаще по сравнению с отцами отмечают такие виды страхов, как «беспокойство за своего ребенка», «боязнь войны», «беспокойство за свое здоровье», «боязнь, что не сложится личная жизнь», «боязнь, что они не смогут жить самостоятельно» и «боязнь того, что они могут стать жертвой насилия, преступления». Таким образом, сопоставление ответов отцов и матерей показывает, что матери в целом более фрустрированы относительно своих жизненных перспектив. Это касается не только трех доминирующих страхов (ребенок, война, здоровье), но и затрагивает определенный комплекс страхов, связанных как с успешностью личной семейной жизни («не сложится личная жизнь», «не смогу жить самостоятельно»), так и с собственной личной безопасностью («боюсь стать жертвой насилия, преступления»).

В этой связи следует отметить и характерную возрастную динамику. Так, опасения относительно того, «что не сложится личная жизнь», наиболее распространены среди матерей в возрастной когорте 21–26 лет. Здесь на это указывает каждая пятая (19,0%). В более же старшей возрастной группе 27–35 лет этот страх отмечается уже существенно реже — 8,3% (различия статистически значимы на уровне .001). Таким образом, можно сделать вывод о том, что женщины, вступившие в брак в более раннем возрасте (до 26 лет) и имеющие детей дошкольного возраста, чаще не уверены в сохранении брака, по сравнению с матерями более старшего возраста.

Рассматривая возрастную динамику, обратим внимание и еще на одну характерную тенденцию. Она связана со «страхом за свое здоровье». В принципе вполне ожидаемо, что по мере увеличения возраста родителей, их опасения за свое здоровье будут нарастать. И это действительно так. Однако, опираясь на эмпирические данные, нам представляется важным обратить внимание именно на тот *возрастной рубеж*, когда среди родителей детей-дошкольников происходит актуализация страха за свое здоровье. Этот рубеж характеризуется переходом как мужчин, так и женщин из возрастной когорты 27–35 лет в возрастную когорту 36–45 лет. Так, среди отцов в возрасте 27–35 лет беспокойство относительно своего здоровья отмечают 21,7%, а в возрасте 36–45 лет уже 32,7% (различия статистически значимы на уровне .03); среди матерей, соответственно: 27,1% и 36,5% (различия статистически значимы на уровне .001).

И, наконец, анализируя распространенность страхов в различных возрастных когортах родителей, мы столкнулись с одним, на первый взгляд, парадоксальным фактом. Среди молодых родителей (возрастная когорта 21–26 лет) «боязнь смерти» отмечается гораздо чаще, чем в более старших возрастных группах. Причем это характерно в равной степени как для отцов, так и для матерей. Действительно, среди отцов в возрасте 21–26 лет страх смерти отмечают 23,5%, а в возрасте 27–35 лет — 7,9% (различия статистически значимы на уровне .04). Соответственно и среди матерей: 18,1% и 5,4% (различия статистически значимы на уровне .0001). В принципе можно было бы ожидать прямо противоположной тенденции, аналогичной той, которую мы зафиксировали относительно «страха за свое здоровье»: с возрастом доля родителей, отмечающих страх смерти, также должна была бы увеличиваться. Однако, повторимся, тенденция прямо противоположна. В этой связи можно полагать, что «страх смерти», в отличие от «страха за свое здоровье», имеет принципиально иной смысл. На наш взгляд, по-видимому, он затрагивает фундаментальные личностные структуры, связанные не с физическим благополучием, а с потребностями личностной самореализации. И в этом отношении можно полагать, что потребность в самореализации в перспективе собственной жизненной траектории («жизненного будущего») более актуальна для молодых родителей.

Влияние социально-стратификационных факторов и семейного статуса родителей. Анализ влияния социально-стратификационных факторов на страхи и опасения родителей относительно своего будущего показывает, что они не столь значимы, в сравнении с их влиянием на структуру жизненных ценностей. Вместе с тем ряд характерных моментов все же стоит отметить.

Так, например, родители с более низким уровнем образования чаще склонны отмечать страх, связанный с беспокойством за своего ребенка. Среди отцов со средним образованием на него указывает 79,2%, а с высшим — 64,1% (различия статистически значимы на уровне .005); среди матерей соответственно: 83,3%

и 72,2% (различия статистически значимы на уровне .04). Подчеркнем, что именно страх за своего ребенка является тем единственным опасением, относительно которого наблюдаются значимые различия между родителями с разным уровнем образования.

Иная картина обнаруживается при рассмотрении влияния такого фактора, как уровень материального обеспечения. При этом анализ полученных данных показывает, что уровень материальной обеспеченности дифференцирует только отношение матерей к тем или иным страхам. Среди отцов же влияние данного фактора никак себя не проявляет.

Материалы исследования свидетельствуют о том, что матери из недостаточно обеспеченных семей чаще выражают свое «беспокойство за ребенка» по сравнению с матерями из среднеобеспеченного слоя, соответственно: 88,1% и 74,1% (различия статистически значимы на уровне .02). Наряду с этим среди матерей из недостаточно обеспеченного слоя, по сравнению с теми, кто отнес себя к среднеобеспеченному, чаще отмечают опасения относительно того, «что не сложится личная жизнь» (соответственно: 21,1% и 6,9%; различия статистически значимы на уровне .0001) и «неуверенность в правильности выбранной профессии» (соответственно: 13,8% и 7,2%; различия статистически значимы на уровне .02). Таким образом, уровень обеспеченности оказывает заметно большее влияние на различные страхи матерей по сравнению с уровнем образования.

И, наконец, рассмотрим влияние семейного статуса. Для этого сравним замужних матерей и матерей, не состоящих в браке. Явно выраженные различия здесь появились относительно двух опасений: страха, что «не сложится личная жизнь», и отсутствия «уверенности в том, что смогут жить самостоятельно». При этом эти опасения у незамужних и замужних матерей проявляют себя противоположным образом. Так, незамужние матери существенно чаще фиксируют свои опасения относительно «удачной личной жизни». Таких среди них каждая четвертая — 25,3% (среди замужних 7,4%; различия статистически значимы на уровне .0001). В свою очередь, матери, состоящие в браке, чаще отмечают свою неуверенность в том, что они «смогут жить самостоятельно» (соответственно среди замужних — 10,3%, а среди незамужних — 1,3%; различия статистически значимы на уровне .01). Наряду с этим стоит подчеркнуть, что замужние и не состоящие в браке матери не отличаются между собой в проявлении страха за своего ребенка. Таким образом, полученные результаты показывают, что семейный статус матери, связанный с ее замужеством, влияет на проявление страхов, связанных именно с супружеской позицией: в одном случае — это повышенная неуверенность в удачности личной жизни (незамужние матери); в другом — неуверенность в том, что они смогут жить самостоятельно (замужние матери).

Полученные материалы, связанные с анализом конкретных страхов и опасений родителей относительно своего

будущего, позволили выявить ряд характерных тенденций.

Во-первых, мы обнаружили, что

страх за своего ребенка является доминирующим в структуре жизненных страхов родителей, своеобразным образом определяя смысловой горизонт родительской позиции.

Во-вторых, среди матерей, в отличие от отцов, значительно выше доля тех, кто фиксирует различные типы страхов (страх за ребенка; боязнь войны; опасения, что не сложится личная жизнь; опасения в том, что не смогут жить самостоятельно; боязнь стать

жертвой насилия, преступления).

В-третьих, результаты анализа позволили вскрыть зависимость проявления тех или иных страхов от возраста, уровня образования, материального обеспечения и семейного статуса родителей. Иными словами, проявление страхов и опасений существенным образом определяется тем социально-стратификационным контекстом, который характеризует положение родителя ребенка-дошкольника.

1.4. ОПЫТ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В предыдущих разделах мы детально проанализировали особенности ценностных ориентаций, оценку жизненных перспектив и распространенность различных страхов среди родителей детей дошкольного возраста в зависимости от демографических и социально-стратификационных факторов. При этом отмеченные выше три линии (ценности, перспективы своего будущего, страхи) рассматривались нами изолированно друг от друга. Вместе с тем можно предположить, что эти три линии взаимосвязаны. Так, можно полагать, что тем или иным жизненным ценностным ориентациям могут соответствовать и определенные страхи. Для этого есть определенные основания. Действительно, ведь в определенном смысле тот или иной конкретный «страх» или «опасение» в свою очередь фиксируют степень значимости для человека и соответствующей жизненной ценности. Иными словами, тот или иной конкретный «страх» можно рассматривать и как «ценность», но ценность *«аффективно значимую»*, взятую в ракурсе именно субъективной внутренней позиции. Поясним: страх — это «угроза» для реализации соответствующей ценности. Например, вполне вероятно предположить, что ценностная ориентация на хорошее здоровье будет коррелировать со страхом и беспокойством за свое здоровье. Иными словами, именно *беспокойство за свое здоровье* и актуализирует саму ценностную ориентацию на хорошее здоровье. Так, действительно, если я здоров и мое здоровье меня «не беспокоит», то сама ценность здоровья для меня как бы «стерта», я не придаю ей особой значимости. Исходя из этих общих соображений, здесь мы и попытаемся проанализировать связь тех или иных ценностных ориентаций родителей с их конкретными страхами.

Но это лишь одна из наших задач. Есть и другая, не менее важная. Анализируя материал в предыдущих разделах главы, мы в основном фиксировали внимание на социально-стратификационных моментах, в первую очередь, на материальном положении

и уровне образования родителей. Но помимо этого, мы касались и влияния социально-статусных аспектов: в частности, полноты и неполноты семьи, прослеживая при этом различия в ценностных ориентациях и страхах у замужних и незамужних матерей. Теперь же мы этот аспект в нашем анализе делаем центральным. Так, нас интересует не только связь ценностей и страхов сама по себе, но и их корреляция с определенной родительской позицией. Таким образом, ключевым моментом анализа выступает тот *ценностный кругозор*, который характеризует соответствующую родительскую позицию. При этом важным оказывается не только различие позиций отцов, замужних и незамужних матерей, но и учет пола воспитываемого ими ребенка. В этой связи можно предположить, что пол ребенка оказывает весьма существенное влияние на трансформацию ценностных ориентаций и страхов родителей. Более того, можно думать, что в полной семье влияние пола ребенка на ценностные ориентации и страхи родителей не столь значимы, в отличие от той ситуации, когда он воспитывается в неполной семье. Так, на наш взгляд, именно ценностная позиция незамужних матерей должна в наибольшей степени быть подвержена влиянию пола ребенка, — незамужние матери, воспитывающие сына или дочь, должны существенно отличаться по своим ценностным ориентациям и страхам.

Обозначив основную проблематику и задачи этой части работы, теперь кратко охарактеризуем метод исследования. Суть его состоит в том, что при обработке полученных материалов мы используем процедуру факторного анализа. С этой целью нами сгруппирована исходная матрица первичных данных, где строки представляют варианты ответов на вопросы о ценностных ориентациях (9 вариантов) и конкретных страхах (11 вариантов). Столбцы же матрицы заданы следующими родительскими позициями: отцы мальчиков, отцы девочек, замужние матери мальчиков, замужние матери девочек, незамужние матери мальчиков, незамужние матери девочек. Таким образом, нами сгруппирована матрица размерностью 20х6. В каждой ячейке матрицы — пересечение столбца и строки — дан процент выбора соответствующей «ценности» или «страха», который соответствует данной родительской позиции.

Сгруппированная таким образом матрица «сырых» данных процентных распределений подвергалась процедуре факторного анализа с последующим вращением по критерию «varimax» Кайзера. Заметим, что подобный способ обработки эмпирических данных социологического исследования уже использовался нами в предыдущих работах (В.С. Собкин, 1997; В.С. Собкин, Ю.М. Евстигнеева, 2001).

В результате факторного анализа было выделено три следующих фактора с общей суммарной дисперсией 85,4%.

**Первый биполярный фактор F1 (42,5%):
«родительская позиция-супружество»**

— Я беспокоюсь за своего ребенка	.96
— Меня беспокоит мое здоровье	.92

— Для меня самое главное в жизни — воспитание детей	.79
— Для меня главное в жизни — хорошее здоровье	.58
— Для меня самое главное — счастливая супружеская жизнь	-.94
— Я боюсь смерти	-.89
— Для меня важна успешная политическая карьера	-.86
— Для меня самое главное в жизни — религия	-.87
— Я боюсь стать жертвой рэкета	-.70

При интерпретации данного биполярного фактора рассмотрим более детально его положительный и отрицательный полюса. Так, если обратиться к положительному полюсу, то, с одной стороны, здесь мы обнаруживаем достаточно очевидные и тривиальные связи. Так, например, ценностная ориентация на воспитание ребенка связана с беспокойством за него, а ориентация на здоровье коррелирует с беспокойством за свое здоровье. Действительно, наличие подобных корреляционных связей легко можно предположить. С другой стороны, отнюдь не очевидна сама связь ценностных ориентаций на здоровье и на воспитание ребенка, а также связь беспокойства за ребенка и за свое собственное здоровье. Иными словами, и, на наш взгляд, этот момент принципиален, положительный полюс данного фактора характеризует особый аспект родительской позиции. Здесь ребенок фиксируется как ценность, и именно с ним связаны и ценность собственного здоровья, и беспокойство за свое здоровье. Таким образом, по сути дела, собственное здоровье как бы «подчинено» благополучию ребенка.

Отрицательный полюс этого фактора более сложен по своей интерпретации, поскольку в него вошли весьма разнообразные ценности. И в этом отношении он многослоен. Так, здесь можно выделить три слоя. Один характеризуется корреляцией ценностной ориентации субъекта на религию со страхом смерти. В принципе подобная связь не столь уж неожиданна, поскольку религиозное мироощущение, безусловно, актуализирует проблематику «конечности — бесконечности» существования человека. И для религиозного мировоззрения вопрос о конечности земного существования является одним из ключевых, определяя личностно-смысловые и духовные ориентации (С. Франк, 1992 и др.).

Если первый отмеченный выше слой фиксирует экзистенциальные установки, то второй, напротив, характеризуется явно выраженной социальной ориентацией. Это корреляция ценностной ориентации на успешную политическую карьеру с боязнью стать жертвой рэкета. Можно полагать, что здесь фиксируется связь ориентации на социальную успешность с характерной угрозой для успешной социальной позиции, социального благополучия. В этой связи заметим, что «рэкет» — это именно не столько физическая угроза, сколько угроза занимаемому социальному положению. Таким образом, этот слой фиксирует стремления и страхи, связанные с социальным достижением, повышением социального статуса. В этом отношении данный слой можно рассматривать как слой, фиксирующий

установки на «социальное проектирование» жизненных ситуаций, как «игра» с социальным положением. (Заметим, что «рэкёт» можно рассматривать как «игру», где ставкой является социальный статус, «политику» можно также рассматривать как определенную социальную «игру» на повышение социального статуса. См. Й. Хейзинга, 1992.)

Наконец, третий слой обозначен ценностной ориентацией на счастливую супружескую жизнь. Учитывая ее максимальную весовую нагрузку в структуре отрицательного полюса данного фактора, этот слой и следует рассматривать как центральный.

Таким образом, ценностная ориентация на счастливую супружескую жизнь в содержательном отношении весьма сложно структурирована. С одной стороны, в ней выделяется явный аффективно значимый слой духовных, морально-этических ориентаций (экзистенциальный уровень), а с другой — аффективно значимый слой, ценностно ориентированный на социальные достижения, на восходящую социальную мобильность (социальное проектирование).

Рассмотрев содержательные особенности положительного и отрицательного полюсов, мы можем подойти к интерпретации фактора в целом. На наш взгляд, этот фактор принципиально поляризует две позиции: «родительскую» (ценностно-ориентированную на ребенка) и «супружескую», для которой актуальны как морально-этическая компонента, так и компонента социального достижения.

Второй биполярный фактор F2 (23,4%): традиционалистская полоролевая модель («воспитание ребенка — поддержание материального положения семьи»)

— У меня нет уверенности, что я правильно выбрал(а) профессию	.80
— Для меня главное в жизни — хорошее здоровье	.76
— У меня нет уверенности, что смогу жить самостоятельно	.70
— Главное в жизни — воспитание детей	.58
— Главное в жизни — достижение материального благосостояния	-.95
— Главное в жизни — успешная профессиональная деятельность	-.87

Данный фактор более прост по своей структуре, чем предыдущий. При его интерпретации последовательно рассмотрим структуру положительного и отрицательного полюсов.

Обращаясь к положительному полюсу, заметим, что здесь, как и в выделенном нами первом факторе (F1), зафиксирована связь двух ценностных ориентаций: хорошее здоровье и воспитание детей. В этом отношении данный полюс фактора можно также рассматривать как своеобразную фиксацию «родительской позиции». Однако в отличие от первого фактора здесь отсутствует

связь этих ориентаций со «страхами» как за ребенка, так и за свое здоровье. Именно этот момент принципиально и отличает положительный полюс второго фактора (F2) от положительного полюса первого фактора (F1). Здесь родительская ориентация оказывается связана не со «страхами», а с «опасениями». Причем эти опасения касаются, с одной стороны, правильности выбора профессии, а с другой — своей способности жить самостоятельно. Таким образом, здесь родительская позиция связана с угрозами относительно «собственной успешности» в профессиональном и в личностном плане.

Отрицательный полюс этого фактора прост и фиксирует ценностную ориентацию на профессиональную успешность и материальное благополучие. Пожалуй, стоит лишь отметить, что здесь профессиональная успешность и материальное благополучие тесно связаны между собой.

Таким образом, если первый фактор поляризует родительскую и супружескую позиции, то данный фактор, по сути дела, характеризует традиционалистскую модель полоролевых семейных отношений. Так, отрицательный полюс фиксирует позицию отца и мужа, ценностно ориентированную на материальное обеспечение семьи. Положительный же полюс, ориентированный на воспитание ребенка, характерен для женской позиции в традиционалистской семье. И это, пожалуй, основной смысл данного фактора.

В то же время, стоит обратить внимание на характерные нюансы, которые связаны с положительным полюсом данного фактора и уточняют своеобразие женской позиции в традиционалистской модели семьи, — опасения относительно возможности жить самостоятельно, правильности выбранной профессии.

Заметим, что эти «опасения» (правильность выбора профессии, самостоятельность) содержательно прямо противоположны тем ценностным ориентациям, которые характеризуют отрицательный («мужской») полюс фактора F2. Иными словами, логичнее было бы ожидать, что ориентация на успешность в профессиональной деятельности и будет связана с опасениями относительно правильности выбора профессии, а ориентация на достижение материального благополучия будет коррелировать с опасением относительно возможности жить самостоятельно. Однако, как мы видим, это не так. Ценностные ориентации и соответствующие им страхи явно поляризованы в данном факторе. В этой связи можно полагать, что в традиционалистской модели семьи женщина скорее опасается не за собственную самореализацию (профессиональную), сколько обеспокоена успешностью позиции мужа, для которого и характерно в традиционалистской модели семьи декларирование ценностных ориентаций по достижению профессиональной и материальной успешности. Таким образом, можно с определенной долей вероятности сделать вывод о том, что для самой традиционалистской модели семьи характерен своеобразный «эмоциональный перенос» со стороны женщины опасений относительно успешности реализации позиции супруга. Иными словами, предъявленное ожидание относительно профессиональной

успешности мужчины в нормах традиционалистской полоролевой модели семьи в определенном отношении является фрустрирующим моментом для женщины.

В целом же, повторимся, данный фактор можно охарактеризовать как фиксацию полоролевых позиций в традиционалистской модели семьи.

Третий фактор F3 (19,5%): «значимость общекультурных норм — значимость межличностного общения (угрозы идентичности)»

— Я боюсь стать жертвой насилия, преступления	.92
— Главное в жизни — полноценное приобщение к культуре	.91
— Я боюсь войны	.87
— Главное в жизни — полноценное общение с друзьями	-.75
— Беспокоит отсутствие внешней привлекательности	-.73
— Боюсь стать жертвой национализма	-.53
— Опасаюсь, что не сложится личная жизнь	-.51

На наш взгляд, данный фактор весьма интересен по своей структуре. Для его интерпретации сначала обратимся к положительному полюсу. Так, мы видим, что этот полюс определяет жизненная ценностная ориентация, связанная с «полноценным приобщением к культуре». Высоко коррелируют с ней такие страхи как «боязнь стать жертвой насилия, преступления» и «боязнь войны». Оба эти страха, как нам представляется, проясняют смысл положительного полюса данного фактора, который состоит в установке на *удержание культурной нормы*. Так, действительно, и «страх стать жертвой насилия, преступления», и «страх войны» фиксируют, по сути дела, опасения, связанные с нарушением общепринятых культурных норм. Но, заметим, на разных уровнях. Так, «война», связанная с угрозой разрушения вообще сложившихся общекультурных норм, затрагивает макроуровень: организация государства, общества и культуры. Боязнь же стать «жертвой насилия, преступления» связана с нарушением норм, касающихся личной безопасности, то есть норм, максимально приближенных к регулированию жизни на уровне микросоциального окружения. Таким образом, в целом положительный полюс этого фактора фиксирует ценностную ориентацию личности на поддержание общепринятых культурных норм и связанных с этим опасений за их деформацию как на уровне макросоциальном, так и на уровне микросоциального взаимодействия.

Если положительный полюс фактора связан с общекультурной ориентацией, то отрицательный фиксирует ценностную значимость непосредственно среды межличностного общения — «общение с друзьями». С этим уровнем связаны характерные страхи: «отсутствие внешней привлекательности», «боязнь, что не сложится личная жизнь», «боязнь стать жертвой национализма». Нетрудно заметить, что эти страхи касаются непосред-

ственно разных аспектов идентичности: таких, как внешность и национальность. Но наиболее важным выступает здесь именно проблематизация успешности личной жизни, которая и связана с контекстом межличностного общения («полноценного общения с друзьями»).

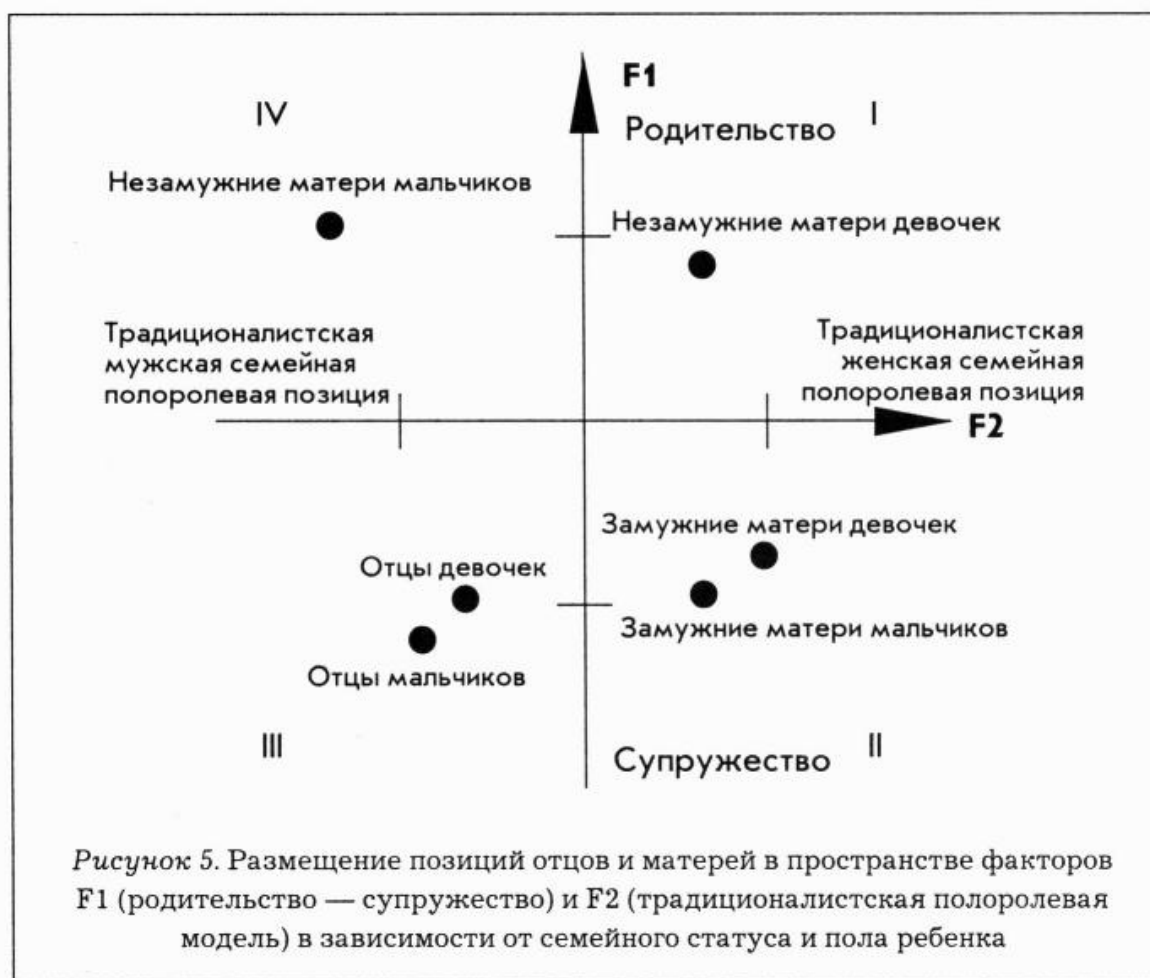
Таким образом, данный фактор, по сути дела, поляризует два типа ценностных ориентаций и связанных с ними угроз: с одной стороны, общекультурные ценности и коррелирующие с ними опасения в нарушении общепринятых норм (положительный полюс), а с другой — ценностная значимость межличностного общения и характерные в связи с этим опасения, затрагивающие личностную идентичность (в определенном смысле здесь проявляется не столько страх относительно нарушения норм, что характерно для положительного полюса, сколько эго-защита). Иными словами, в этом факторе фиксируется оппозиция «общекультурные нормы — межличностное общение».

Обобщая приведенные выше данные, отметим, что результаты факторного анализа позволили нам выделить три типа оппозиций, которые характеризуются соответствующими ценностными ориентациями и страхами родителей. Это: «родительская позиция — супружество» (фактор F1), «традиционалистский тип мужской/женской полоролевой позиции» (фактор F2), «общекультурные нормы — межличностное общение» (фактор F3). Между тем лишь констатации содержательных особенностей выделенных факторов явно недостаточно. И здесь особый интерес представляет специфика размещения в пространстве выделенных факторов полоролевых позиций отцов, замужних и незамужних матерей, воспитывающих сына или дочь. Рассмотренные особенности их размещения в пространстве факторов и обозначает второй шаг в нашем анализе.

На рисунке 5 показано размещение отцов, замужних и незамужних матерей, воспитывающих сына или дочь, в пространстве факторов F1 и F2.

На наш взгляд, размещение отцов и матерей в зависимости от их семейного статуса (замужние и незамужние матери) и пола ребенка достаточно показательно. Так, *замужние матери* (мальчиков и девочек) разместились в квадранте II. Это свидетельствует о том, что для них характерна ориентация на счастливую супружескую жизнь и принятие «женской» позиции, которая свойственна для традиционалистской модели семьи. Характерен в этом отношении и «комплекс страхов», который соответствует данному типу ориентаций. Это те страхи, которые мы подробно обсуждали при интерпретации факторов F1 и F2: страхи, связанные, с одной стороны, с опасениями относительно устойчивости как самой семьи (ее «благополучия»), так и опасениями за успешность супруга в реализации им традиционалистской функции по обеспечению семьи. Таким образом, это явно выраженная позиция «хранительницы семейного очага», которая фиксирована на угрозах его разрушения.

Отцы (а в нашем случае следует иметь в виду, что в опросе принимали участие отцы, состоящие в браке) расположились

в квадранте III. Как и для замужних матерей, для них характерна ориентация на счастливую супружескую жизнь (с сопутствующими страхами, связанными с разрушением семьи) и явное декларирование ценностных ориентаций, характерных для «мужской позиции» в традиционалистской модели семьи («достижение материального благополучия», «успешная профессиональная деятельность»).

Особый же интерес представляет анализ размещения в пространстве выделенных факторов позиций *незамужних матерей*. Во-первых, следует отметить, что для них характерна редуцированность собственно супружеских ориентаций. Так, незамужние матери (как девочек, так и мальчиков) ориентированы не на супружескую, а именно на родительскую позицию, для которой характерна ценностная ориентация на воспитание ребенка (с соответствующими страхами как за ребенка, так и за собственное здоровье). Во-вторых, здесь важно обратить специальное внимание на влияние пола ребенка, который существенно дифференцирует ценностные ориентации незамужних матерей, воспитывающих мальчиков или девочек.

Так, незамужние матери девочек (см. квадрант I) отличаются от замужних матерей, по сути дела, лишь тем, что у них редуцирована супружеская ориентация, которая вытеснена доминированием родительской позиции, ориентированной на воспитание ребенка. Изменения здесь произошли по оси фактора F1. В то же время относительно размещения по оси фактора F2 незамужние

матери девочек не отличаются от матерей, состоящих в браке. Иными словами, для них также характерно принятие женской позиции, характерной для традиционалистской модели семьи. Однако, учитывая ситуацию неполноты семьи, следует иметь в виду, что страх, связанный с опасением относительно того, что «они не смогут жить самостоятельно», приобретает в данном случае особый смысловой оттенок. Так, можно полагать, что незамужние матери девочек более ориентированы на построение полноценной семьи («поиск супруга») по сравнению с незамужними матерями мальчиков, которые расположились на противоположном полюсе фактора F2 и для которых, следовательно, подобный страх не характерен.

Вообще расположение незамужних матерей мальчиков в этом отношении весьма показательно (см. квадрант IV). С одной стороны, у них, как мы уже отметили, редуцирована собственно супружеская ориентация и доминирует родительская позиция («воспитание ребенка» как значимая ценность). С другой — нетрудно заметить, что по оси фактора F2 (традиционалистская полоролевая модель) незамужние матери мальчиков занимают собственно «мужскую» позицию, которая, в частности, характерна для отцов, состоящих в браке.

Иными словами, для незамужних матерей, воспитывающих мальчиков, наряду с ценностью воспитания ребенка оказывается значимым и декларирование ценностных ориентаций на достижение материального положения и успешной профессиональной деятельности, что, как мы отмечали, характерно для «мужской» позиции в традиционалистской модели семьи. Таким образом, мы видим, что в случае развода в семье, в которой ребенок — именно мальчик, позиция матери принципиально трансформируется. Суть этой трансформации состоит не только в редуцировании ориентации на ценность супружества (что вообще характерно для незамужних матерей), но и на принятие матерью собственно отцовской позиции. На наш взгляд, это явно выраженный случай маскулинизации. При этом еще раз заметим, что незамужние матери мальчиков в принципе не склонны, в отличие от незамужних матерей девочек, ориентироваться на «поиск супруга» (страх, связанный с тем, что они не смогут жить самостоятельно, в данном случае не выражен). Конечно, можно продолжить обсуждение данных результатов, в частности, в психоаналитической традиции — по сути дела, здесь «сын вытесняет (а точнее замещает) супруга», — но это уже выходит за рамки данной работы.

Казалось бы, полученных результатов вполне достаточно, чтобы показать своеобразие ценностных ориентаций родителей в зависимости от их семейного статуса и пола ребенка. Между тем не менее интересно рассмотреть размещение родительских позиций и в пространстве факторов F1 и F3 (см. рис. 6).

Как мы видим, *замужние матери* и отцы разместились, соответственно в квадрантах II и III. В этом отношении внешне их размещение совпадает с рисунком 5. Обсуждать их размещение по оси фактора F1 «родительство — супружество» мы не будем,

поскольку эти координаты, естественно, не изменились. Однако особый интерес представляет размещение по оси фактора F3. Заметим, что замужние матери (как мальчиков, так и девочек) ориентированы, в соответствии с интерпретацией данного фактора F3, на поддержание культурных норм и в то же время у них выражены соответствующие опасения, связанные с их нарушением. В соответствии с общим смыслом квадранта II, где выражена по оси F1 ориентация на супружество, можно полагать, что в данном случае, по оси F3 мы фиксируем установку замужних матерей на поддержание супружеских норм, характерных для традиционалистской модели семьи. И в этом смысле можно предположить, что они, в частности, больше озабочены поддержанием статусно-ролевых позиций в семье. Отцы же, имеющие отрицательные значения по оси фактора F3 ориентированы на ценность межличностного общения и в этом смысле для них характерны те опасения, которые связаны с эгоидентичностью («защитой Я»).

Крайне интересны размещения *незамужних матерей* мальчиков и девочек. Здесь, как мы видим, по сравнению с рисунком 5 картина кардинально изменилась. Действительно, как и на рисунке 5, для незамужних матерей характерна ориентация на принятие родительской позиции с соответствующими для нее «страхами за ребенка». Однако в отличие от размещений на рисунке 5, в данном случае пол ребенка весьма своеобразно трансформирует собственную полоролевою позицию матери. В этой связи характерно, что *матери мальчиков* по оси фактора F3 проявляют те же

тенденции, которые характерны именно для замужних матерей: они ориентированы на поддержание культурной нормы и фрустрированы возможными угрозами по ее нарушению. Иными словами, при воспитании мальчика незамужней матерью сохраняется та же логика нормативной ориентации, которая характерна и для матерей, состоящих в браке: незамужняя мать мальчика (как и замужние матери) ориентирована на поддержание статусных социально-ролевых позиций и отношений в семье.

Принципиально иная картина у незамужних матерей девочек. Как мы видим, в этом случае их размещение по оси фактора F3 соответствует позициям отцов (они расположились на отрицательном полюсе фактора F3). Поэтому в соответствии со смыслом отрицательных значений фактора F3, мы можем сделать вывод, что для них оказывается важной ценностная ориентация на межличностное общение и опасения, связанные с защитой эгоидентичности. По-видимому, этот тип ценностной ориентации особым образом и характеризует тот микросоциальный и эмоциональный контекст, в котором и происходит воспитание девочки незамужней матерью.

Попытаемся схематично обобщить полученные результаты. С этой целью сведем имеющиеся у нас данные о размещении отцов, замужних матерей, незамужних матерей мальчиков и незамужних матерей девочек

в таблицу, учитывая лишь положительные («+») и отрицательные («-») значения данных позиций по осям факторов F1, F2 и F3. Это даст нам возможность оценить в целом характерные для данных позиций тенденции.

Тенденции, характерные для различных родительских позиций по осям выделенных факторов

	отцы	замужние матери	незамужние матери мальчиков	незамужние матери девочек
F1 - родительство - супружество	-	-	+	+
F2 - традиционалистская полоролевая модель	-	+	-	+
F3 - поддержание норм - эгозащита	-	+	+	-

«+» — положительные значения по оси фактора

«-» — отрицательные значения по оси фактора

Приведенные в таблице данные достаточно ясно фиксируют влияние семейного статуса, пола ребенка и пола самих родителей на жизненные ориентации и страхи родителей. Во-первых, мы видим, что именно семейный ста-

тус дифференцирует ценностные ориентации на супружество и, собственно, родительскую позицию, где доминирующим страхом выступает опасение за ребенка. Пол родителей, в свою очередь, дифференцирует соответ-

ствующие ориентации на принятие полоролевых позиций в традиционалистской модели семьи. При этом характерно, что пол ребенка в неполной семье оказывает принципиальное влияние на принятие незамужней матерью полоролевой модели в соответствии с традиционалистской моделью: матери мальчиков ориентированы так же, как отцы по оси фактора F2, а незамужние матери девочек, соответственно, как матери, состоящие в браке. Иными словами, сын в неполной семье «замещает» позицию отсутствующего супруга.

Размещение по оси фактора F3 дифференцирует замужних матерей и отцов относительно ориентации на поддержание норм и эго-защиту. При этом характерно, что пол ребенка обнаруживает своеобразную инверсию ценностных ориентаций у незамужних матерей относительно ситуации полоролевой позиции замужней матери. Так, матери мальчиков ориентированы на поддержание нормы, а матери девочек на эго-защиту. Но как мы видим, именно эго-защита и характерна для отцовской позиции.

Глава II

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Данная глава посвящена исследованию особенностей родительских воспитательных стратегий. Предварительно обозначим те основные структурные компоненты, которые мы будем иметь ввиду при анализе стратегий воспитания. Их четыре.

Во-первых, это те *целевые установки*, которые ориентируют воспитательный процесс, то есть к чему стремятся родители при воспитании своего ребенка. В принципе подобная целевая ориентация задается «образом ребенка» — теми личностными качествами, способностями, умениями и навыками, которые, по мнению родителей, наиболее желательно у него сформировать.

Во-вторых, это *стиль взаимодействия* с ребенком, то есть особенность социально-ролевой позиции взрослого, которую он склонен реализовывать в процессе взаимодействия с ребенком. Основные параметры, дифференцирующие различные позиции взрослого могут быть описаны, например, через такие оппозиции, как «авторитаризм/демократизм» и др.

Заметим, что если первый и второй компоненты, по сути дела, характеризуют ориентировочно-целевую и исполнительскую фазы реализации воспитательной стратегии, то третий и четвертый преимущественно связаны с фазой контроля. Так, третий компонент касается особенностей тех *поощрений и наказаний* ребенка, которые склонны использовать родители при его воспитании. В принципе поощрения и наказания определяют контроль в модальностях «жесткость/мягкость», что позволяет описать те возможности, которые готов предоставить взрослый для проявления инициативы и самостоятельности ребенка. При этом можно предположить, что разные типы контроля содержательно связаны с разными стилевыми особенностями взаимодействия взрослых с ребенком (например, авторитарными и демократическими). В этом отношении различные типы контроля можно рассматривать как особые характеристики родительского стиля взаимодействия. Более того, они являются важными структурными компонентами воспитательной стратегии в целом, характеризуя ее особую фазу.

В отличие от поощрений и наказаний, четвертый выделенный нами структурный компонент воспитательной стратегии, также характеризует *фазу контроля*. Однако он касается не столько ребенка, сколько самого взрослого. Здесь мы имеем в виду фиксацию взрослым тех *эмоциональных состояний*, которые у него обычно возникают при взаимодействии с собственным ребенком. Спектр этих переживаний достаточно широк: от радости до агрессии,

от сочувствия ребенку до самоутверждения самого взрослого. Заметим, что здесь эмоциональные характеристики выступают в качестве параметров самооценки взрослым собственной «успешности/неуспешности» при взаимодействии с ребенком. В то же время эти характеристики связаны и с особенностями социально-ролевой позиции, определяющей стиль взаимодействия взрослого с ребенком, характеризуя собственно эмоциональные аспекты («теплое — холодное», «соучастие — отстраненность» и др.).

Таким образом, мы обозначили четыре основных компонента воспитательных стратегий — цели, социально-ролевые стили взаимодействия, формы контроля взрослым поведения ребенка, эмоциональная оценка взрослым собственной успешности взаимодействия с ребенком, которые будут последовательно рассмотрены в соответствующих разделах данной главы. В определенном смысле эти компоненты соответствуют трем фазам реализации деятельности: *ориентировка, исполнение, контроль*.

Предваряя изложение конкретных материалов исследования, важно также обратить внимание и на ряд моментов, которые определяют, собственно, содержательные линии анализа эмпирических данных. Так, весьма существенным моментом при построении исследовательской программы для нас выступила необходимость различения «должного» и «реального». Например, говоря о целях воспитания, перед родителями можно поставить вопрос о том, «какие качества и способности *нужно* воспитывать в ребенке дошкольного возраста». Ставя вопрос таким образом, мы выявляем *нормативную систему целевых ориентаций*. Но можно поставить вопрос и иначе: «Что *Вы хотите* воспитать в своем ребенке?» Подобная формулировка вопроса направлена на выявление *реальных целевых ориентаций воспитательной стратегии* взрослого, когда ответ предполагает обращение к конкретной ситуации воспитания своего собственного ребенка.

При этом заметим, что для нас важно не только само различие «нормативного» и «реального», выявление структурных особенностей культурно-нормативных и реальных целей, но и обнаружение тех расхождений, которые проявляются при сопоставлении нормативной и реальной целевой структуры. Именно анализ подобных расхождений, выявление точек «разрывов» и фиксирует, на наш взгляд, то социокультурное напряжение, которое и определяет своеобразие в целевой ориентации стратегии воспитания.

По сути дела, идею обнаружения социокультурного разрыва между «должным» и «реальным» можно применить и к анализу социально-ролевых позиций взрослого, определяющих стиль его взаимодействия с ребенком. В данном случае, например, важно зафиксировать как нормативную ориентацию на «демократический» или «авторитарный» стили взаимодействия, так и реальную предрасположенность использовать соответствующий стиль при взаимодействии с собственным ребенком.

Помимо отмеченной выше линии анализа, предполагающей сопоставление «нормативного» и «реального», принципиально

важна, на наш взгляд, и другая. Она связана с логикой сопоставления полученных эмпирических данных относительно влияния демографических и социально-стратификационных факторов. По сути дела, в этом ключе и следует начать разворачивание материалов исследования, что позволит обозначить ряд содержательных предположений. В частности, о гендерных различиях в использовании тех или иных стратегий воспитания. Причем заметим, что влияние гендерных факторов важно иметь в виду, не только характеризуя позицию отца или матери, но и пол самого ребенка. В этой связи стоит обратить внимание на то, что гендерные особенности в самой стратегии воспитания могут проявляться и на фазе целевой ориентировки, и на фазе исполнения, и на фазе контроля.

Особый интерес представляет линия анализа воспитательных стратегий относительно влияния социально-стратификационных факторов. Подобный анализ позволяет рассмотреть вопрос о социокультурных различиях в использовании тех или иных моделей воспитания в разных социальных стратах. При этом, на наш взгляд, важно учитывать не только такие традиционные показатели, как уровень образования родителей и уровень материальной обеспеченности, но и семейный статус: полнота/неполнота семьи. Возможно, именно этот последний аспект и окажется определяющим при социокультурном анализе, направленном на дифференциацию различий в родительских стратегиях воспитания ребенка-дошкольника.

2.1. ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ

В этом разделе вначале мы рассмотрим особенности нормативной системы целевых воспитательных ориентаций родителей. Затем перейдем к анализу тех целей и задач, которые ставят перед собой родители при воспитании собственного ребенка. И, наконец, заключительная часть раздела будет посвящена выявлению различий между нормативной и реальной целевыми системами воспитания в дошкольном возрасте.

Нормативная целевая структура. Для определения особенностей нормативной целевой структуры в стратегии воспитания ребенка-дошкольника, перед родителями ставился вопрос о том, «каковы, по их мнению, те наиболее важные качества, которые *семья должна воспитывать в детях*»? Распределение ответов на этот вопрос отцов и матерей приведено в таблице 3.

Как видно из таблицы, наиболее значимыми в нормативной системе целевых ориентаций родителей выступают такие качества, как доброта и отзывчивость к людям; волевые качества; воспитание у ребенка стремления к образованию и культуре. Весьма важно также, по мнению родителей, воспитание у ребенка стремления к развитию собственных способностей и уважения к старшим.

Таблица 3. Распределение ответов родителей о наиболее важных качествах, которые семья должна воспитывать в детях (%)

	родители N=334	отцы N=607	матери N=607	P<
доброта и отзывчивость к людям	71,1	64,1	76,2	.0001
волевые качества: настойчивость, выдержка, целеустремленность	49,5	57,5	45,4	.0005
стремление повышать образование и культурный уровень	41,9	34,1	46,6	.004
уважение к старшим	34,5	32,6	35,6	
стремление развивать свои способности	34,1	33,8	33,8	
умение приспосабливаться к любой обстановке	22,7	27,2	20,3	.01
умение достичь устойчивого материального положения	18,1	18,3	18,1	
патриотизм	3,2	4,2	2,7	
религиозность	0,6	0,9	0,5	

Нетрудно заметить, что в нормативной целевой системе воспитания доминирующее положение занимает морально-этический компонент развития личности («воспитание доброты и отзывчивости к людям»). Это позволяет сделать вывод о том, что именно морально-этический аспект личностного развития ребенка-дошкольника и ориентирует нормативную целевую систему родительской воспитательной стратегии.

В то же время следует обратить внимание на различия между отцами и матерями. Так, матери в большей степени ориентированы на морально-этический компонент («доброта и отзывчивость к людям») и на важность культурной составляющей («стремление повышать образование и культурный уровень»). Для отцов же гораздо важнее волевые качества («настойчивость, выдержка, целеустремленность») и социально-адаптационные («умение приспосабливаться к любой обстановке»). Таким образом, если одна из оппозиций, фиксирующих различия материнской и отцовской нормативной структуры целей воспитания, идет по линии «мораль — воля», то другая обозначает своеобразие установок матерей и отцов на социальное развитие ребенка. Так, если для матерей характерна ориентация на приобщение к культуре, то для отцов — социальное приспособление, адаптивность («социальная компетентность»).

Специально проведенный анализ полученных материалов показывает, что между родителями разных возрастных групп нет каких-либо существенных различий относительно важности воспитания в ребенке тех или иных качеств. Причем это характерно как для отцов, так и для матерей. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что нормативная целевая структура воспитания ребенка (нормативный «образ ребенка») инвариантна

в разных возрастных группах родителей. В этой связи можно предположить, что нормативный «образ ребенка» достаточно устойчив в представлении родителей, принадлежащих, по сути дела, к разным поколениям (в данном случае родители в возрасте 21–26 лет не отличаются от родителей, чей возраст 36–45 лет). Иными словами, целевая нормативная структура воспитания личности ребенка-дошкольника культурно устойчива и транслируется из поколения в поколение.

Если возрастной фактор не влияет на изменение нормативной целевой структуры, то влияние социально-стратификационных факторов проявляется достаточно отчетливо. Так, например, обнаруживается явное различие между мало- и среднеобеспеченными слоями, с одной стороны, и высоко обеспеченным — с другой. При этом здесь основная дифференциация целевых нормативных моделей воспитания личности ребенка связана с двумя параметрами. Для родителей из высоко обеспеченного слоя заметно менее значимой оказывается морально-этическая компонента: «воспитание доброты и отзывчивости» среди высоко обеспеченных родителей отмечает 45,5% (для сравнения: в среднеобеспеченном слое — 70,3%, в малообеспеченном — 74,3%, а в недостаточно обеспеченном — 79,1%). Если в среднеобеспеченной и низко обеспеченной социальных стратах морально-этическая компонента доминирует и стоит на первой ранговой позиции среди других целей воспитания, то в высоко обеспеченном слое ее значение явно падает и она перемещается на пятую ранговую позицию. В то же время в высоко обеспеченном слое гораздо более высокое значение имеет такой аспект, как воспитание «умения приспосабливаться к любой обстановке». Здесь его отмечает 54,5 % и в структуре целей он занимает вторую по значимости позицию (в других же менее обеспеченных социальных стратах значимость этого аспекта воспитания устойчиво занимает лишь шестую ранговую позицию).

Помимо особенностей дифференцирующих высоко обеспеченный слой, достаточно интересно и различие между среднеобеспеченным и недостаточно обеспеченным слоем. Хотя это различие касается всего лишь одного параметра, но оно, на наш взгляд, весьма показательно. Так, родители из среднеобеспеченного слоя существенно чаще отмечают важность воспитания в ребенке «стремления развивать свои способности» (в среднеобеспеченном слое — 36,7%, а в недостаточно обеспеченном слое — 27,7%; различия статистически значимы на уровне .04). Таким образом, если отличия нормативной целевой модели в высоко обеспеченном слое связано со снижением значимости воспитания морально-этических качеств и существенным повышением значимости воспитания способностей к социальной адаптации, то нормативная целевая модель, характерная для среднеобеспеченного слоя, дифференцируется по другому параметру, она ориентирована на воспитание в ребенке стремления к развитию своих способностей.

Наряду с материальным статусом проявляется существенное влияние и другого социально-стратификационного фактора — уровня образования. Причем здесь дифференциация нормативных целевых структур идет по иным содержательным линиям.

Во-первых, для родителей со средним образованием характерна большая значимость воспитания в ребенке «уважения к старшим». Причем это свойственно и для отцов, и для матерей. Так, среди отцов со средним образованием на этот параметр указывают 45,8%, а с высшим — 24,0% (различия статистически значимы на уровне .004); среди матерей соответственно: 40,5% и 29,0% (различия статистически значимы на уровне .04). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что нормативная целевая структура воспитания ребенка у родителей с более низким (средним) уровнем образования в большей степени ориентирована на поддержание ценности возрастной вертикали как значимой социальной нормы.

Во-вторых, проявились достаточно существенные различия между матерями со средним и высшим образованием. Так, матери с высшим образованием гораздо чаще отмечают важность воспитания в ребенке стремления повышать образование и культурный уровень — 55,1% (среди матерей со средним образованием — 38,1%; различия статистически значимы на уровне .007), а также они чаще указывают на необходимость развития в нем волевых качеств (настойчивости, выдержки, целеустремленности) — 47,4% (среди матерей со средним образованием таких 33,3%; различия статистически значимы на уровне .02). Таким образом, уровень образования существенно влияет на дифференциацию целевых структур воспитания именно среди матерей. Причем, как мы видим, для матерей с высоким уровнем образования в нормативной целевой модели воспитания важным оказывается как приобщение ребенка к культуре, так и формирование у него установок на социальное достижение и самореализацию.

И, наконец, рассмотрим особенности изменения значимости различных параметров нормативной целевой структуры воспитания в зависимости от пола ребенка и семейного статуса родителей. Причем здесь представляется особенно важным сопоставить ответы замужних и незамужних матерей.

Влияние пола ребенка однозначно проявляет себя относительно параметра, который связан с развитием волевых качеств, воспитанием настойчивости, выдержки, целеустремленности. Как отцы мальчиков, так и матери мальчиков (и замужние, и незамужние) гораздо чаще отмечают важность воспитания этого качества по сравнению с отцами и матерями девочек. Иными словами, мы видим, что пол ребенка детерминирует дифференциацию нормативной целевой структуры воспитания именно относительно значимости развития волевого аспекта: мужчина должен быть более целеустремленным, настойчивым и выдержанным.

Характерные различия обнаруживаются при сравнении замужних и незамужних матерей. Так, например, замужние матери, помимо ориентации на воспитание у мальчика волевых качеств, считают гораздо более важным при его воспитании уделять особое внимание формированию установок на достижение материального положения (в отличие от воспитания девочек). Среди замужних матерей, воспитывающих мальчиков, этот

параметр отмечают 24,5%, а среди замужних матерей, воспитывающих девочек — 13,2% (различия статистически значимы на уровне .001). Таким образом, замужние матери мальчиков в целом нормативно более сориентированы на формирование у ребенка способностей, связанных с реализацией традиционалистской мужской полоролевой модели. Заметим, что в этом отношении замужние матери мальчиков существенно отличаются не только от матерей девочек, но и от незамужних матерей мальчиков. Среди последних отмечают значимость этого параметра лишь 7,7%. Таким образом, как мы видим, незамужние матери мальчиков в гораздо меньшей степени, по сравнению с замужними, сориентированы на формирование у ребенка тех качеств, которые необходимы для реализации традиционалистской мужской полоролевой модели.

Особый интерес представляет более детальное сопоставление незамужних матерей мальчиков и девочек. При этом обнаруживаются весьма характерные различия в целевых нормативных ориентациях воспитания, обусловленные именно полом ребенка. Так, незамужние матери девочек существенно чаще фиксируют необходимость воспитания умения приспосабливаться к любой обстановке — 30,9% (среди незамужних матерей мальчиков — 10,3%; различия статистически значимы на уровне .03) и уважения к старшим — 50,9% (среди незамужних матерей мальчиков — 25,6%; различия статистически значимы на уровне .02). Эти различия позволяют сделать вывод о том, что незамужние матери в гораздо большей степени сориентированы на воспитание у своих дочерей способностей, необходимых для социальной адаптации. Подобная родительская ориентация проявляется относительно широкого спектра социальных взаимодействий, причем сама норма поддержания статусных отношений выступает как важная способность успешной социальной адаптации.

Целевая структура, актуализируемая при воспитании собственного ребенка. Если выше мы обсуждали материалы, полученные при ответе родителей на вопрос о том, что *семья должна* воспитывать в детях, то теперь обратимся к данным, полученным при ответе на вопрос о том, что *родители* стремятся прежде всего воспитать и развить именно у своего ребенка. Распределение вариантов ответов родителей на этот вопрос приведено в таблице 4.

Как видно из таблицы, приоритетами, определяющими *реальные целевые ориентации* воспитательных стратегий родителей, выступают параметры, связанные с развитием интеллектуальной, морально-этической и волевой сферы ребенка. Их отмечает практически каждый второй родитель. При этом весьма характерны те различия, которые обнаруживаются между отцами и матерями. Так, матери более ориентированы на развитие морально-этической сферы своего ребенка, формирование у него таких качеств как аккуратность, дисциплинированность и исполнительность, а также воспитание вежливости и уважения к старшим. Отцы же большее внимание склонны уделять развитию волевой сферы ребенка, его физическому развитию (сила,

Таблица 4. Распределение ответов родителей о наиболее значимых качествах, которые они стремятся воспитать у своего ребенка (%)

	родители отцы матери N=334 N=607			P<
умственные и интеллектуальные способности	63,8	63,5	63,6	
доброту, отзывчивость, милосердие	54,5	42,8	61,2	.0001
волевые качества: выдержку, настойчивость, целеустремленность	48,9	53,9	45,8	.01
аккуратность, дисциплинированность, исполнительность	38,3	32,6	41,4	.006
вежливость и уважение к старшим	36,9	27,8	42,3	.0001
физические качества: силу, ловкость, подвижность	24,9	34,4	19,5	.0001
художественные способности: умение играть на музыкальных инструментах, рисовать и т.д.	15,9	15,6	16,3	
умение быстро приспосабливаться к любой ситуации	12,3	12,6	12,1	
умение достичь устойчивого материального положения	3,1	3,1	3,1	
патриотизм	0,9	2,1	0,2	.004

ловкость, подвижность), а также воспитанию патриотизма. На наш взгляд, эти различия фиксируют своеобразие традиционалистской полоролевой родительской модели: матери придают большее значение развитию морально-этической сферы и аспектам, связанным с нормами социального взаимодействия; отцы — волевой сфере ребенка и его физическому развитию.

Наряду с гендерными, следует обратить внимание и на возрастные различия в целевых ориентациях родителей при воспитании своего ребенка. В этой связи напомним, что на нормативную систему фактор возраста родителей не оказывал какого-либо влияния: нормативная целевая структура была инвариантна в различных возрастных когортах родителей. В случае же, когда вопрос касается целей воспитания собственного ребенка, возраст родителей начинает играть существенную роль. Так, например, по мере увеличения возраста родителей явно меняется их отношение к значимости развития волевой сферы ребенка: воспитанию у него «выдержки, настойчивости, умения добиваться своего, целеустремленности, способности постоять за себя». Причем это характерно как для отцов, так и для матерей (см. рис. 7).

Как мы видим, в более молодой возрастной когорте родителей значимость развития у ребенка-дошкольника волевой сферы существенно выше, чем среди родителей в возрасте 35–45 лет.

Помимо этой особенности, стоит отметить и еще одну, характерную только для матерей. Молодые матери (возрастная группа 21–26 лет) существенно чаще отмечают стремление воспитать у своего ребенка такие качества, как «вежливость и ува-

жение к старшим». Этой точки зрения придерживается каждая вторая молодая мать — 53,4% (в более же старших возрастных группах таких матерей 39,1% — различия статистически значимы на уровне .008). Можно полагать, что подобная ориентация молодых матерей косвенным образом фиксирует их стремление подчеркнуть свою «возрастную дистанцию» перед собственным ребенком.

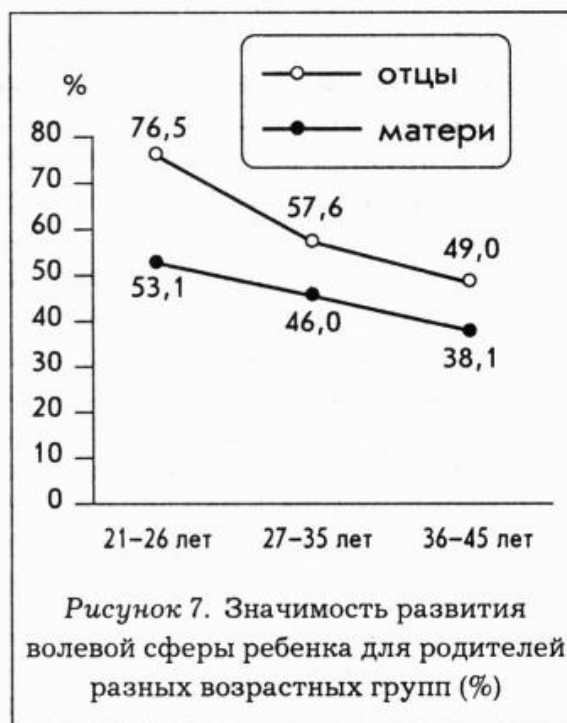
Таким образом, эти два параметра показывают, что возраст родителей действительно влияет на изменение структуры целевых ориентаций воспитательной стратегии, когда дело касается реальной практики воспитания собственного ребенка в отличие от ситуации, когда вопрос ставится относительно нормативных представлений о целях воспитания ребенка-дошкольника.

Теперь перейдем к рассмотрению влияния социально-стратификационных факторов — материального положения и уровня образования родителей.

Полученные данные показывают, что материальный статус практически не оказывает какого-либо существенного влияния на структуру целевых ориентаций. Можно, пожалуй, выделить лишь один параметр в целевой структуре, относительно которого различия между недостаточно обеспеченным и среднеобеспеченным слоем явно выражены. Он связан с воспитанием в ребенке такого качества, как «вежливость и уважение к старшим»: если среди родителей из недостаточно обеспеченного слоя эту цель как приоритетную в воспитании своего ребенка отмечает почти каждый второй — 45,3%, то в среднеобеспеченном слое каждый третий — 33,8% (различия статистически значимы на уровне .007).

Иначе проявляется уровень образования родителей. Здесь различий гораздо больше. Во-первых, значимым дифференцирующим параметром выступает отношение к воспитанию вежливости и уважения к старшим. Так, родители со средним образованием по сравнению с теми, кто имеет высшее образование, существенно чаще отмечают важность данного аспекта при воспитании собственного ребенка. Причем это характерно как для матерей, так и для отцов: среди матерей со средним образованием на него указывают 53,6%, а среди матерей с высшим образованием — 32,9% (различия статистически значимы на уровне .001); среди отцов, соответственно: 39,6% и 22,1% (различия статистически значимы на уровне .02).

Во-вторых, уровень образования дифференцирует родителей относительно значимости такой цели, как развитие умственных

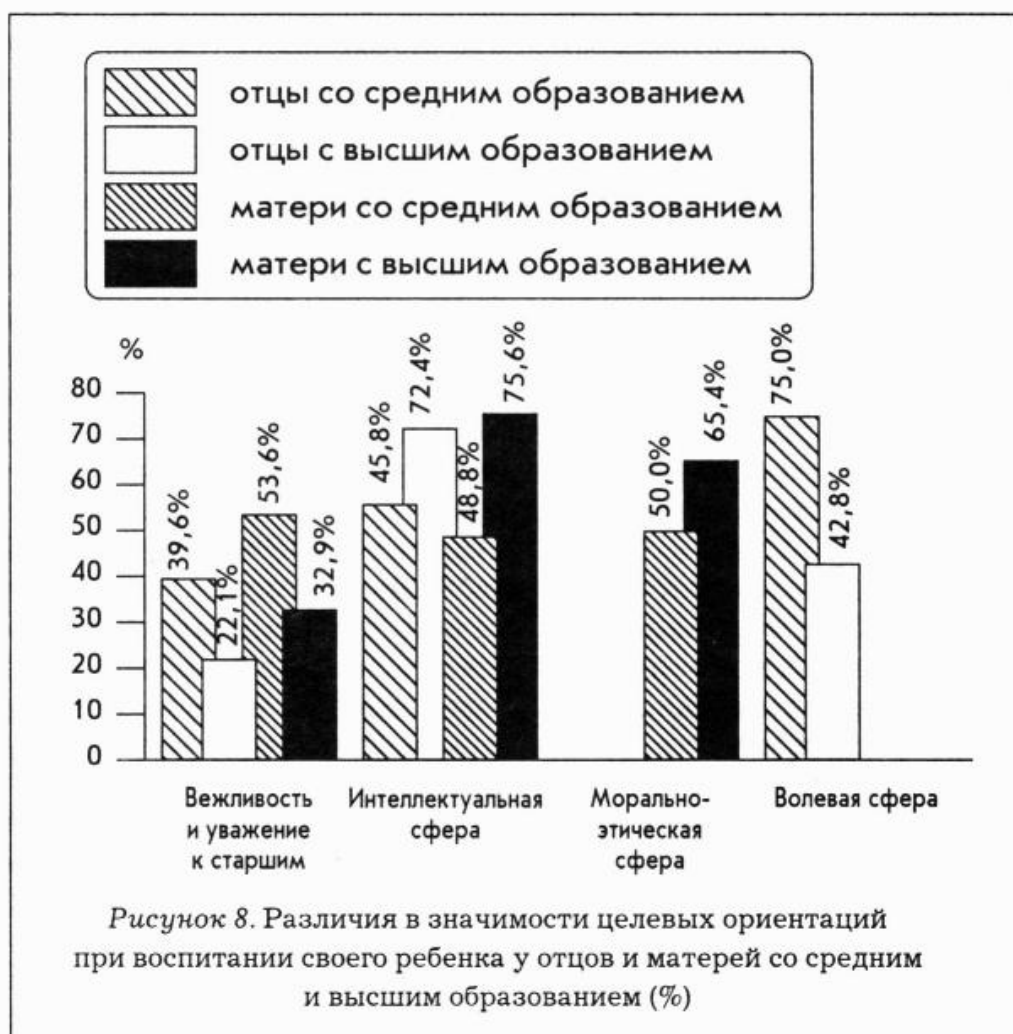
и интеллектуальных способностей своего ребенка. Эту цель в стратегии воспитания чаще отмечают как матери, так и отцы с высшим образованием. Среди матерей с высшим образованием на важность развития умственных и интеллектуальных способностей своего ребенка указывает 75,6%, а среди матерей со средним образованием — 48,8% (различия статистически значимы на уровне .00001); среди отцов соответственно: 72,4% и 45,8% (различия статистически значимы на уровне .0008).

Наконец, в-третьих, следует обратить внимание еще на два параметра, которые различным образом дифференцируют отцов и матерей в зависимости от уровня их образования. Так, матери с высшим образованием существенно чаще фиксируют значимость такого аспекта, как воспитание в ребенке «доброты, отзывчивости, милосердия». Среди матерей с высшим образованием — 65,4%, среди матерей со средним — 50,0% (различия статистически значимы на уровне .01). Характерно, что между отцами с разным уровнем образования относительно значимости этой цели каких-либо различий не обнаружено. У них дифференциация идет по иной линии и касается значимости развития волевой сферы: «воспитание в ребенке выдержки, настойчивости, умения добиваться своего, целеустремленности, способности постоять за себя». Эту целевую задачу как крайне важную в стратегии воспитания своего ребенка отмечает три четверти отцов со средним образованием (75,0%), ставя ее на первое по значимости место; среди отцов с высшим образованием таких почти в два раза меньше — 42,8% (различия статистически значимы на уровне .0001). Таким образом, если среди матерей с разным уровнем образования дифференцирующим оказывает отношение к морально-этической сфере, то среди отцов — к волевой.

Графически отмеченные выше тенденции влияния уровня образования на приоритеты отцов и матерей относительно целей воспитания собственного ребенка отображены на рисунке 8.

Таким образом, как мы видим, влияние уровня образования одинаково проявляется у отцов и матерей относительно двух параметров: воспитание «вежливости и уважения к старшим» и развитие «интеллектуальных способностей». При этом стоит обратить внимание на то, что для родителей с низким уровнем образования характерна ориентация на воспитание в ребенке «вежливости и уважения к старшим». Напомним, что именно этот параметр определял и своеобразие целей воспитания у родителей с низким уровнем материальной обеспеченности. Это позволяет сделать вывод о том, что поддержание социальной структуры отношений, определяемых соблюдением статусов возрастной вертикали, характеризует особенность воспитательной стратегии, свойственной для слабых социальных страт (с низкой материальной обеспеченностью и низким уровнем образования). И в этой связи можно полагать, что в этих стратах преобладает ориентация на традиционалистскую модель семьи фиксирующую социальную дистанцию «взрослый — ребенок».

Выраженная же ориентация родителей с высшим образованием на развитие интеллектуальных способностей ребенка

в принципе понятна, поскольку характеризует более высокий статус самой интеллектуальной деятельности в этой социальной страте.

Наконец, заметим, что различное влияние уровня образования на целевые ориентации отцов и матерей относительно развития волевой и морально-этической сферы в принципе не столь очевидно. В этой связи стоит обратить внимание на то, что различия по данным целевым аспектам воспитания явно проявились между матерями и отцами. Можно полагать, что различия в уровне образования усиливают дифференциацию полоролевых позиций: отцы с низким уровнем образования в большей степени выражают традиционалистскую «мужскую» полоролевою модель, и наоборот, матери с высоким образованием — «женскую».

Завершая анализ особенностей целевых структур родительских стратегий воспитания, стоит обратить внимание и на такие факторы, как пол ребенка и статус семьи (полнота/неполнота семьи). Кратко зафиксируем основные проявившиеся здесь тенденции.

Анализ материалов показывает, что влияние пола ребенка существенно отражается на целевых воспитательных установках родителей. При этом дифференциация здесь идет по иным линиям, чем в случае влияния социально-демографических и социально-стратификационных факторов. Общие моменты у отцов

и матерей (состоящих в браке) проявляются относительно значимости двух аспектов. Так, родители девочек (как отцы, так и матери) более ориентированы на развитие их художественных способностей (умение играть на музыкальных инструментах, рисовать и т.п.). Значимость этого аспекта среди отцов девочек отмечает 21,3%, а среди отцов мальчиков — 10,7% (различия статистически значимы на уровне .005). Та же тенденция и среди матерей, соответственно: 22,3% и 11,3% (различия статистически значимы на уровне .007). В случае же воспитания мальчика родители (как отцы, так и матери) более ориентированы на развитие его физических качеств (силы, ловкости, подвижности и т.п.). Среди отцов мальчиков значимость этого аспекта отмечают 44,6%; среди отцов девочек — 23,9% (различия статистически значимы на уровне .0002). Среди матерей соответственно: 24,5% и 13,6% (различия статистически значимы на уровне .001).

Таким образом, мы видим, что половая принадлежность ребенка ориентирует родителей на постановку особых целевых задач воспитания. При этом нетрудно заметить, что в данном случае проявляются традиционалистские представления о феминности и маскулинности. Интересно, что если среди матерей, помимо этих двух аспектов, какой-либо существенной дифференциации не обнаруживается, то для отцов пол ребенка играет гораздо более значимую дифференцирующую роль. Так, отцы мальчиков, помимо физического развития, чаще указывают на необходимость воспитания в ребенке волевых качеств. Среди них на этот аспект указывает 59,3%, а среди отцов девочек — 48,4% (различия статистически значимы на уровне .04). В свою очередь, отцы девочек чаще указывают на важность воспитания в ребенке «аккуратности, дисциплинированности, исполнительности»: среди отцов девочек — 38,7%, а среди отцов мальчиков — 26,0% (различия статистически значимы на уровне .01). Иными словами, половая принадлежность их ребенка в гораздо большей степени «усиливает» у отцов целевые ориентации в их воспитательной стратегии на традиционалистские полоролевые модели, актуализируя тем самым особую значимость оппозиции «маскулинность — феминность».

И, наконец, особый интерес представляют ответы незамужних матерей. Как это ни парадоксально, здесь пол ребенка не оказался значимым фактором: какие-либо выраженные различия в целевых ориентациях у незамужних матерей мальчиков и девочек отсутствуют. Подобное сходство, на наш взгляд, крайне существенно. Действительно, если замужние матери, как мы показали выше, дифференцируют целевые задачи воспитания в зависимости от пола ребенка, то среди незамужних матерей само отсутствие подобного типа дифференциации целей может свидетельствовать о существенной деформации материнской позиции. В этой связи следует обратить внимание не столько на сопоставление ответов матерей мальчиков и девочек, сколько на сравнение ответов замужних и незамужних матерей. Подобное сравнение позволило обнаружить весьма значимое различие между замужними и незамужними матерями девочек по такому

параметру, как воспитание в своей дочери вежливости и уважения к старшим. Среди незамужних матерей на значимость этого качества указывают 56,4%, а среди замужних — 39,7% (различия статистически значимы на уровне .02). Этот факт позволяет предположить, что отсутствие супруга актуализирует среди незамужних матерей девочек потребность в особом поддержании своего родительского статуса.

Сопоставление нормативной и реальной целевых структур родительских воспитательных стратегий. Выше мы рассмотрели особенности нормативной и реальной целевых структур родительских стратегий воспитания ребенка-дошкольника, показав особенности их изменения в зависимости от демографических и социально-стратификационных факторов. Между тем полученные материалы могут быть рассмотрены и в ином ракурсе. Действительно, возникает вопрос о том, насколько расходятся или, наоборот, тождественны между собой нормативные и реальные целевые структуры. Иными словами: насколько декларируемые цели соответствуют тем реальным задачам, которые ставят перед собой родители при воспитании своего ребенка? В методическом отношении конструкция предложенных нами в анкете вопросов позволяет выяснить это по отношению к следующим пяти целям воспитания: развитию волевой сферы; развитию морально-этической сферы; формированию способностей адаптации к различным социальным ситуациям; формированию у ребенка нормы по поддержанию социально-статусной возрастной вертикали («уважение к старшим»); развитию установок на достижение материального успеха. Подобное сопоставление возможно, поскольку как в вопрос о нормативных целях, так и в вопрос о целях реальных были включены варианты ответов, касающиеся этих целевых аспектов воспитания ребенка-дошкольника. Подчеркнем, что в данном случае для нас важно именно сопоставление «нормативного» и «реального» и фиксация тех точек, где обнаруживаются существенные расхождения, «разрывы». Исходные данные приведены в таблице 5.

На наш взгляд, приведенные в таблице данные весьма показательны. Так, например, мы видим, что относительно развития волевой сферы ребенка (воспитание в нем выдержки, настойчивости, целеустремленности, умения добиваться своего, способности постоять за себя) значимых различий между нормативной и реальной целевой структурой не обнаруживается как по общим средним данным, так и отдельно в подвыборках отцов и матерей.

Особых различий нет и относительно такой цели, как воспитание в ребенке «уважения к старшим». Можно лишь отметить, что матери в реальной практике воспитания своего ребенка придают этому аспекту более высокую значимость, по сравнению с той ситуацией, когда данная цель декларируется ими как нормативная.

Иная ситуация складывается относительно других трех целевых параметров воспитания. Как мы видим, в нормативной целевой системе развитию морально-этической сферы ребенка (воспитание

Таблица 5. Сопоставление нормативных и реальных целевых ориентаций воспитательных стратегий родителей детей дошкольного возраста (%)

		родители N=935	отцы N=334	матери N=607	P<
развитие волевых качеств	нормативные цели	49,5	57,5	45,4	
	реальные цели	48,9	53,9	45,8	
доброта и отзывчивость к людям	нормативные цели	71,1	64,1	76,2	.0001
	реальные цели	54,5	42,8	61,2	
умение приспосабливаться в любой обстановке	нормативные цели	22,7	27,2	20,3	.0001
	реальные цели	12,3	12,6	12,1	
уважение к старшим	нормативные цели	34,5	32,6	35,6	
	реальные цели	36,9	27,8	42,3	
умение достичь устойчивого материального положения	нормативные цели	18,1	18,3	18,1	.0001
	реальные цели	3,1	3,1	3,1	

доброты и отзывчивости) родителями придается гораздо большее значение, чем в реальной практике воспитания. Та же тенденция прослеживается и относительно развития способностей к социальной адаптации (умение приспосабливаться к любой обстановке и разным коллективам). Действительно, как норма, эта цель декларируется существенно чаще по сравнению с тем значением, которое ей придается родителями в реальной практике воспитания своего ребенка. Наконец, если в нормативной системе формирование умений к достижению материального положения отмечается почти каждым пятым родителем, то в реальной практике воспитания ребенка-дошкольника эта задача практически не значима. В принципе это и понятно, поскольку трудно себе представить реализацию формирования способностей к материальным достижениям у ребенка 5–6 лет. Однако повторимся, что как норма сама эта цель декларируется практически каждым пятым родителем.

Следует подчеркнуть, что отмеченные «разрывы» между нормативной и реальной структурами по указанным трем целевым параметрам воспитательных стратегий весьма устойчивы. Они фиксируются и при сравнении родителей, принадлежащих к разным социальным стратам, и при сравнении родителей с разным уровнем образования. Они устойчиво повторяются у матерей и отцов, принадлежащих к разным возрастным когортам.

И в то же время стоит обратить внимание на ряд моментов, где проявляется влияние социально-стратификационных параметров. Так, например, относительно развития волевой сферы ребенка обнаруживается достаточно интересная дифференциация нормативной и реальной целевой структуры среди отцов с разным уровнем образования (см. рис. 9).

Как мы видим, у отцов как со средним, так и с высшим образованием существует явное расхождение между нормативной и реальной значимостью развития волевой сферы ребенка (различия статистически значимы на уровне .03). Однако сам конфликт между нормой и реальностью имеет здесь прямо противоположный смысл. Если отцы со средним образованием в реальной практике воспитания своего ребенка придают существенно большее значение данной цели по сравнению с нормой, то отцы с высшим образованием, наоборот, гораздо менее ориентированы на развитие воли в реальной практике воспитания в отличие от той ситуации, когда они декларируют ее как целевую норму.

Заметим, что схожая тенденция относительно развития волевой сферы прослеживается и в зависимости от возраста. Для молодых отцов (возрастная когорта 21–26 лет) характерно то же напряжение между нормативной и реальной целями, что и для отцов со средним уровнем образования, они повышают значимость развития волевой сферы в реальной практике воспитания своего ребенка по сравнению с декларируемой нормой. Отцы же более старшего возраста (36–45 лет), наоборот, существенно снижают значимость развития данной сферы в реальной практике воспитания по сравнению с нормой.

Совершенно иной тип конфликта между нормативной и реальной целевыми системами проявляется среди матерей. Если у отцов он обнаружился относительно развития волевой сферы ребенка, то у матерей он связан с целевой задачей воспитания «уважения к старшим» (формирования способности

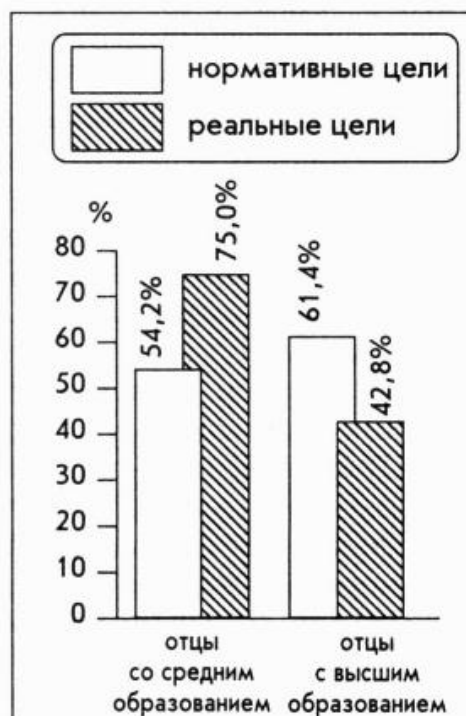

Рисунок 9. Значимость развития волевой сферы ребенка в нормативной и реальной целевых структурах стратегий воспитания для отцов с разным уровнем образования (%)

Рисунок 10. Значимость развития в ребенке «уважения к старшим» (способности поддержания статусно-возрастной вертикали) в нормативной и реальной целевых структурах стратегий воспитания для замужних и незамужних матерей мальчиков (%)

к поддержанию статусно-возрастной вертикали). Причем характерно, что подобный «разрыв» отчетливо проявляется только среди матерей мальчиков, причем как замужних, так и незамужних (см. рис. 10).

Как мы видим, матери мальчиков существенно чаще реализуют целевую задачу воспитания в ребенке «уважения к старшим» по сравнению с ее декларацией (различия статистически значимы на уровне .01). Подчеркнем, что подобный тип конфликта между нормой и реальностью характерен только для матерей мальчиков, и он не зависит от семейного статуса: как замужние, так и незамужние матери проявляют себя здесь сходным образом. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что именно пол ребенка (в данном случае мальчика), является определяющим фактором актуализации у матерей конфликта между целевой нормой и практикой воспитания у ребенка способности к поддержанию статусно-возрастной вертикали.

2.2. СТИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РЕБЕНКОМ

В этом разделе мы рассмотрим особенности ориентаций родителей на различные стили взаимодействия с ребенком. Предварительно заметим, что по сути дела стилевая ориентация характеризует «исполнительную фазу» воспитательной стратегии.

Рассматривая разные стилевые модели взаимодействия взрослых с ребенком, выделим следующие стили взаимодействия:

- авторитарный, предполагающий жесткое подчинение ребенка воле родителей;
- стиль, ориентированный на поддержание иерархии социально-ролевых позиций взрослого и ребенка (ролевая статусная вертикаль);
- стиль, ориентированный на равноправие социально-ролевых позиций взрослого и ребенка (равноправие);
- стиль, ориентированный на поддержание активности ребенка и его самовыражение.

В ходе анализа полученных материалов мы попытаемся проследить влияние демографических и социально-стратификационных факторов на предпочтения родителей той или иной стилевой модели взаимодействия с ребенком. При этом, как и в предыдущей части работы, будут проанализированы особенности *нормативных ориентаций* относительно того или иного стиля взаимодействия и *конкретная реализация* соответствующего типа взаимодействия при воспитании родителями собственного ребенка.

Нормативные ориентации родителей на различные стили взаимодействия с ребенком. Полученные материалы показывают, что в целом распределение ответов родителей относительно их ориентаций на тот или иной стиль взаимодействия с ребенком имеет сходный характер у отцов, замужних и незамужних матерей (см. табл. 6).

Таблица 6. Нормативные ориентации отцов и матерей на стили взаимодействия с ребенком (%)

	отцы N=334	замужние матери N=525	незамужние матери N=76
авторитаризм	9,1	9,9	7,6
равноправие	47,3	50,1	53,2
поддержание активности ребенка и его самовыражения	43,1	51,1	46,8
поддержание статусно-ролевой возрастной вертикали	20,1	18,9	15,2

Как можно заметить, в своей нормативной ориентации родители гораздо более ориентированы на «демократические» модели отношений взрослого с ребенком. Действительно, практически каждый второй отмечает необходимость реализации таких стилей взаимодействия, как равноправие («родители должны обращаться с детьми как с равными») и поддержание активности и самовыражения ребенка («ребенок имеет право на собственное мнение в семейных вопросах, к которому родителям следует прислушиваться»). Добавим, что по нашим дополнительным данным каждый второй из опрошенных родителей указывает также и на необходимость поддержания эмоционально-позитивных взаимоотношений с детьми. При этом родители отмечают важность проявления юмора в процессе воспитания ребенка (таких 53,1%). В этой связи заметим, что юмор, возможность пошутить как раз и предполагают нежесткое закрепление социально-ролевых позиций. Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить работы М.М. Бахтина, где отмечается особая значимость «карнавальных» отношений как основы смеховой культуры. Именно переворачивание социально-статусных ролевых позиций («король — шут») и характеризует смеховую культуру. В нашем же случае, когда мы имеем в виду смеховые ситуации, возникающие между детьми и взрослыми, сама инверсия позиций «взрослый — ребенок» лишь подчеркивает еще раз общую нормативную ориентацию родителей на демократичную модель взаимодействия с детьми.

Напротив, жесткую авторитарную модель как норму взаимодействия с ребенком поддерживают в целом не более 10% родителей. Помимо этого, еще около 20% нормативно ориентированы на стиль отношений, основанный на поддержании статусно-ролевых отношений с ребенком (возрастная вертикаль).

Следует подчеркнуть, что нормативные ориентации родителей на различные стили взаимоотношения со своими детьми не зависят ни от возраста, ни от уровня образования, ни от материального положения семьи. Можно сделать вывод о том, что *нормативная система ориентаций, характеризующих предпочтения*

стилей взаимоотношений взрослого с ребенком, в целом инвариантна для разных социально-стратификационных групп.

В то же время следует обратить внимание на ряд факторов, которые связаны с социокультурными ориентациями респондентов. Они оказывают весьма существенное влияние на нормативную стилевую систему воспитания. В частности, характерным примером в данном случае могут служить религиозные ориентации родителей. Так, по нашим данным, родители, исповедующие католицизм, по сравнению с православными христианами более ориентированы на авторитарную модель воспитания ребенка. Среди них доля тех, кто указывает на необходимость воспитания ребенка «в строгости и подчинении воле родителей», составляет 42,9% (среди православных лишь 8,8%; различия статистически значимы на уровне .0001). В свою очередь, исповедующие православие по сравнению с католиками чаще склонны ориентироваться на равноправный стиль взаимоотношений с ребенком, соответственно: 19,0% и 5,5% (различия статистически значимы на уровне .005). Помимо этого, обнаруживаются различия и между православными родителями и теми, кто исповедует ислам. Однако здесь они идут по иной содержательной линии: православные и мусульмане по-разному ориентированы на стиль, предполагающий поддержание активности и самовыражения ребенка. Если среди православных его отмечает 50,3%, то среди мусульман вдвое меньше — 27,8% (различия статистически значимы на уровне .05). Таким образом, мы видим, что различные религиозные ориентации родителей существенно дифференцируют их нормативные представления о стиле взаимодействия с детьми.

Реализуемые стили взаимодействия родителей со своими детьми. Теперь перейдем к рассмотрению реальных стратегий воспитания. В этой связи проанализируем ответы родителей на вопрос, который формулировался в иной модальности: «Какой стратегии воспитания Вы придерживаетесь при воспитании собственного ребенка»? Его отличие от предыдущего вопроса состоит в том, что при выяснении нормативных ориентаций мы просили родителей высказать свое «согласие» с утверждениями о том, «как надо воспитывать ребенка». Распределение ответов родителей приведено в таблице 7.

При сравнении приведенных в таблице 7 данных с результатами, представленными в таблице 6, обнаруживаются весьма существенные различия. Суть их состоит в том, что при ответе о *реальном* стиле взаимодействия взрослого с ребенком явно возросла значимость стиля, который ориентирован на поддержание статусно-ролевой возрастной вертикали «взрослый — ребенок». И параллельно снизилась значимость модели взаимодействия, предполагающей равноправие позиций взрослого и ребенка. Таким образом, мы можем сделать первый предварительный вывод о том, что сам переход от ситуации нормы к реальной практике воспитания принципиально изменяет значимость именно тех моделей, которые фиксируют социально-статусные позиции взрослого и ребенка.

Таблица 7. Реальные ориентации отцов и матерей на стили взаимодействия с собственным ребенком (%)

	отцы N=334	замужние матери N=525	незамужние матери N=76
авторитаризм	7,5	3,8	6,3
равноправие	33,1	29,1	24,1
поддержание активности ребенка и его самовыражения	37,7	41,7	44,3
поддержание статусно-ролевой возрастной вертикали	49,7	57,1	53,2

Это стоит пояснить. Действительно, выделенные нами четыре стилевых модели взаимодействия строятся по разным содержательным основаниям. Одно из них — и мы его только что обозначили — фиксирует социально-ролевые статусы при взаимодействии взрослого с ребенком. Другое же основание, которое структурирует варианты ответов на вопрос о стилях взаимодействия, строится на оппозиции «жесткое подчинение ребенка — поддержание активности ребенка». Оно поляризует две другие стилевые модели взаимодействия: «авторитарную» (беспресловенное подчинение воле родителей) и «поддержание активности ребенка, его самовыражения». При этом подчеркнем, что именно эти стили взаимодействия («авторитарный» и «поддержание активности, самовыражения») не претерпели каких-либо существенных изменений относительно своей значимости при переходе от нормативной системы ориентаций родителей к их реальной практике взаимодействия с собственным ребенком. Повторимся, меняется значимость лишь моделей, ориентирующих социально-статусные позиции: «равноправие» и «поддержание статусно-возрастной вертикали».

Теперь рассмотрим более детально влияние демографических и социально-стратификационных факторов на стили взаимодействия, которые реализуют родители в практике воспитания своего ребенка. Подчеркнем, что если при анализе нормативных моделей мы не обнаружили какого-либо существенного влияния социально-демографических факторов (помимо примера, связанного с религиозными ориентациями родителей), то в данном случае, когда мы рассматривали реальное взаимодействие родителей с детьми, их влияние проявляется достаточно отчетливо.

Во-первых, с увеличением возраста родителей существенно снижается их ориентация на поддержание статусно-ролевой возрастной вертикали (см. рис. 11).

Как мы видим, с возрастом родителей их ориентация на данный тип взаимодействия с ребенком последовательно снижается. Различия между возрастной когортой 21–26 лет и когортой 36–45 лет статистически значимы на уровне .003. Следует подчеркнуть,

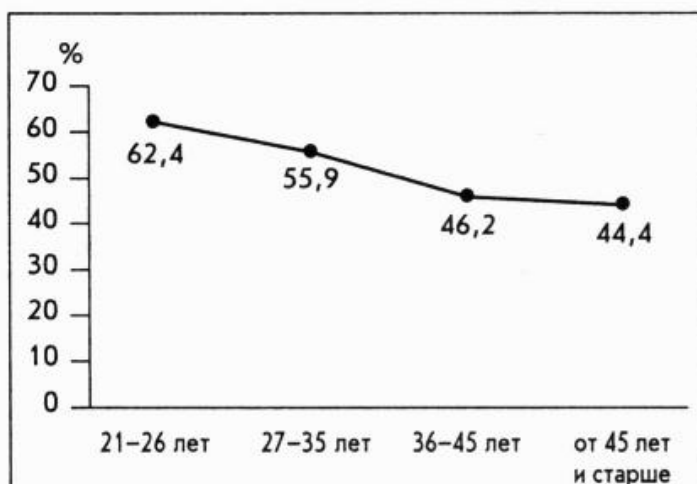

Рисунок 11. Значимость стиля взаимодействия с ребенком, ориентированного на поддержание статусно-ролевой возрастной вертикали для родителей разных возрастных когорт (%)

воспитания и стиля взаимодействия, но и на то, что, по всей видимости, для молодой матери характерно подчеркивание своей *возрастной* дистанции с собственным ребенком.

Во-вторых, явно обозначилось влияние таких социально-стратификационных факторов, как уровень образования и материальное положение семьи.

Анализ полученных материалов показывает существенное влияние уровня образования на выбор стиля взаимодействия с ребенком именно среди матерей. При этом различия здесь проявляются относительно моделей взаимодействия, дифференцирующих авторитарный жесткий стиль, с одной стороны, и стиль на поддержание активности и свободы самовыражения ребенка — с другой.

Так, матери с высшим образованием более склонны к поддержанию активности ребенка — 50,4% (среди матерей со средним образованием таких 34,5% — различия статистически значимы на уровне .01). В свою очередь, матери со средним образованием чаще по сравнению с матерями с высшим образованием ориентируются на модель «беспрекословного подчинения ребенка требованиям взрослых и старших в семье» (соответственно: 6,0% и 0,4% — различия статистически значимы на уровне .04). Таким образом, как мы видим, уровень образования матерей определяет разные культурные типы отношения к своему ребенку на уровне реального взаимодействия. При этом важно обратить внимание не только на оппозицию «жесткость — мягкость», сколько на дифференциацию «объектного» и «субъектного» подхода к воспитанию ребенка. В принципе подобные культурные различия в воспитании ребенка в зависимости от уровня образования родителей фиксировались и в ряде зарубежных исследований (Э. Плезанш, 1994).

Несколько иначе проявляет себя такой фактор, как уровень материального положения семьи. Здесь различия между родителя-

что наиболее выражена ориентация на поддержание статусно-ролевой возрастной вертикали именно среди молодых матерей в возрасте 21–26 лет. В этой связи напомним, что и при анализе целей воспитания ребенка мы также обнаружили в данной возрастной когорте матерей повышенное внимание к такой цели, как воспитание в своем ребенке «уважения к старшим». В данном случае важно не только обратить внимание на определенное соответствие значимости цели

ми из недостаточно обеспеченного и среднеобеспеченного слоев обнаруживаются как у отцов, так и у матерей. Так, отцы из среднеобеспеченного слоя существенно чаще ориентированы на модель взаимодействия, которая предполагает поддержание активности ребенка. Среди отцов из среднеобеспеченного слоя таких 40,8%, в недостаточно обеспеченном слое — 17,9% (различия статистически значимы на уровне .002). Различия же между матерями с разным уровнем материальной обеспеченности обнаруживаются относительно другого стиля взаимодействия. Матери из среднеобеспеченного слоя чаще ориентированы на равноправие позиций взрослого и ребенка в семье — 31,5% (среди матерей из малообеспеченного слоя таких 21,6%; различия статистически значимы на уровне .02).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что влияние социально-стратификационных факторов оказывается достаточно сложным. У матерей уровень образования дифференцирует ориентации в модальностях «жесткость — мягкость» (объектность — субъектность), а уровень их материального положения определяет различия, связанные с равноправием позиций взрослого и ребенка. У отцов же влияние социально-стратификационных факторов менее выражено. По сути дела, здесь проявляет себя лишь материальный статус, который фиксирует ориентацию на стиль взаимодействия, связанный с поддержанием активности и свободы самовыражения ребенка.

Наконец, в-третьих, существенным моментом, дифференцирующим стилевые особенности реального взаимодействия родителей с детьми, оказывается пол ребенка. Здесь значимые различия обнаружились относительно стиля взаимодействия, который ориентирован на поддержание активности и свободы самовыражения ребенка (см. рис. 12).

На наш взгляд, приведенные на рисунке данные фиксируют две важные тенденции. Одна связана с тем, что отцы мальчиков существенно чаще по сравнению с отцами девочек ориентированы на поддержание активности и свободы самовыражения своего сына. В этой связи заметим, что среди замужних матерей каких-либо существенных различий по использованию подобного стиля при воспитании дочери или сына не обнаруживаются. Это дает основания полагать, что ориентированность отца на поддержание активности сына связана с механизмами полоролевой идентификации.

Другая тенденция касается различий между незамужними матерями мальчиков

и девочек. Как мы видим, среди незамужних матерей мальчиков наиболее выражена ориентация на поддержание активности своего ребенка. И здесь, по-видимому, интерпретация этого факта должна быть иной, чем при обсуждении различий у отцов мальчиков и девочек. В данном случае объяснение, основанное на механизм полоролевой идентификации (как у отца с сыном), не срабатывает и более вероятным представляется здесь действие компенсаторных механизмов. Иными словами, можно предположить, что незамужняя мать, подчеркивая активность и самовыражение сына, ориентирована на гиперкомпенсацию отсутствия, с одной стороны, отца у своего ребенка, а с другой — «мужчины в семье».

В заключение заметим, что если при обсуждении нормативных ориентаций на те или иные стили взаимодействия родителей с ребенком мы обнаружили явное влияние такого фактора, как вероисповедание родителей, то при анализе реальной практики взаимодействия данный фактор никак себя не проявил. Этот факт дает основание сделать вывод о том, что религиозные ориентации оказывают свое влияние преимущественно на нормативную структуру, определяя *как надо* воспитывать ребенка. В реальной же практике взаимодействия родителей с ребенком более существенную роль играют социально-стратификационные факторы (материальное положение, уровень образования, полнота семьи).

2.3. НАКАЗАНИЕ И ПООЩРЕНИЕ

Вопрос о поощрениях и наказаниях ребенка, представляется крайне важным. Как мы отмечали выше, само отношение родителей к поощрению и наказанию своего ребенка можно рассматривать в качестве характеристики контролирующей фазы воспитательной стратегии. В этой связи мы затронем три аспекта: непосредственно само отношение родителей к наказанию и поощрению ребенка; виды используемых ими наказаний и поощрений; те мотивы, которыми родители обосновывают необходимость наказаний или отказ от их применения при воспитании собственного ребенка.

Поощрение. Понятно, что на вопрос о том, «поощряют, хвалят ли родители своего ребенка», подавляющее большинство (85,2%) ответило утвердительно. Лишь крайне незначительный процент родителей (2,9%) занимает по отношению к ребенку «холодную, отчужденную» позицию, отмечая, что «они не склонны» поощрять своего ребенка. И, наконец, почти каждый десятый среди опрошенных (11,4%) указывает на то, что использует поощрение лишь в отдельных случаях («иногда»).

Более детальный анализ ответов родителей показывает, что отцы по сравнению с матерями чаще выбирают тактику лишь «эпизодического» поощрения ребенка (соответственно: 16,2% и 8,7%; различия статистически значимы на уровне .0003). Причем

подобная тактика проявляется у отцов гораздо чаще в отношении к сыновьям, чем к дочерям (соответственно: 21,5% и 10,3%; различия статистически значимы на уровне .006).

На использование тактики «эпизодических» поощрений ребенка влияют семейный статус и уровень образования родителей. Так, например, при сравнении замужних и незамужних матерей обнаруживаются весьма существенные различия применения тактики «эпизодических» поощрений именно к сыну, а не к дочери. Замужние матери более склонны придерживаться этой тактики при воспитании сына (среди замужних матерей 9,5%, среди незамужних 0,4% — различия статистически значимы на уровне .03). Это позволяет сделать вывод о том, что незамужние матери менее избирательны в использовании тактики поощрения своего сына. По-видимому, они склонны менее жестко контролировать его поведение. Характерно, что по отношению к дочери отсутствуют какие-либо различия между замужними и незамужними матерями. Иными словами, полоролевая позиция матери в ситуации неполной семьи заметно трансформируется при воспитании сына.

Существенное влияние на использование тактики поощрений ребенка оказывает уровень образования родителей. Особенно отчетливо это проявляется среди отцов при воспитании сына. Так, среди отцов со средним образованием существенно выше доля тех, кто вообще не склонен поощрять и хвалить своего сына (11,8%, а среди отцов с высшим образованием таких 1,2%; различия статистически значимы на уровне .01). В этой же связи отметим, что среди отцов со средним образованием существенно ниже и процент тех, кто склонен к тактике «постоянного» поощрения сына (47,1%, а среди отцов с высшим образованием таких 77,9%; различия статистически значимы на уровне .01). В свою очередь, среди отцов со средним образованием более распространена тактика «эпизодического поощрения сына, чем среди отцов с высшим образованием, соответственно: 41,2% и 20,9% (различия статистически значимы на уровне .05). Таким образом, социально-стратификационные различия очевидны: отцы с более низким уровнем образования гораздо менее склонны по сравнению с отцами с высшим образованием к тактике поощрений и похвалы своего сына. При этом подчеркнем, что эти различия явно проявились лишь в отношении мальчиков. Среди же отцов девочек какие-либо заметные различия отсутствуют, отцы со средним и высшим образованием одинаково часто используют тактику поощрений.

Иная картина наблюдается при сравнении позиций матерей с разным уровнем образования. Матери со средним образованием как мальчиков, так и девочек более склонны придерживаться тактики «эпизодических» поощрений. Так, среди матерей со средним образованием, воспитывающих сына, доля таких составляет 18,4%, с высшим — 5,9 % (различия статистически значимы на уровне .02); среди матерей, воспитывающих дочь, соответственно: 17,8% и 4,3% (различия статистически значимы на уровне .003). Таким образом, можно сделать вывод о том, что более низкий

уровень образования ориентирует мать на тактику «эпизодического» применения поощрений в отношении собственного ребенка, причем в отличие от отцов пол самого ребенка здесь не играет роли.

Обобщая приведенные выше результаты, важно еще раз обратить внимание на следующую характерную тенденцию: в семьях с невысоким уровнем образования родителей менее выражена тактика использования поощрений и похвалы ребенка. Иными словами, можно сделать вывод о том, что родители с низким образовательным статусом менее склонны к подчеркиванию успехов своего ребенка. При этом показательно, что в отличие от уровня образования материальный статус семьи не оказывает какого-либо существенного влияния на выбор родителями той или иной тактики поощрения.

Анализ материалов показывает, что, помимо влияния демографических и социально-стратификационных факторов, на выбор той или иной тактики поощрения ребенка оказывает влияние принадлежность родителей к той или иной религии. Причем характерно, что между православными и атеистами, а также между православными и мусульманами каких-либо существенных различий не обнаружено. В то же время среди родителей, исповедующих католицизм, оказалась выше доля тех, кто придерживается тактики «неиспользования» поощрения и похвалы ребенка (14,3%) и тактики использования поощрений лишь «эпизодически» (23,8%). Различия католиков и православных статистически значимы на уровне .01.

Выше мы рассмотрели особенности применения поощрений относительно их частоты в модальностях: «постоянство», «эпизодичность», «отсутствие». Помимо этого, интерес представляет и вопрос о том, *какие виды поощрений* предпочитают использовать родители. Ответы показывают, что доминируют вербальные оценки ребенка: «хвалю словами» («молодец», «умница» и т.д.). На это указывают 88,5% опрошенных. Каждый четвертый родитель часто использует такую форму поощрения, как «подарок» (26,8%). Причем отцы чаще используют этот вид поощрений, чем матери (соответственно: 31,4% и 24,2%; различия статистически значимы на уровне .02). Наконец, примерно каждый пятый родитель (22,8%) отмечает, что в качестве поощрений «ведет ребенка туда, куда ему давно хотелось».

Характерно, что на предпочтения в применении различных видов поощрений не оказывают особого влияния ни возраст самих родителей, ни уровень их образования. Однако уровень материальной обеспеченности здесь важен. И это вполне понятно. Так, высокообеспеченные родители гораздо чаще используют такой вид поощрения, как «подарок» своему ребенку (54,6%). Среди них выше и доля тех, кто склонен поощрять своего ребенка, исполняя его желание («веду ребенка туда, куда ему давно хотелось»). Таких среди высокообеспеченных родителей 36,4% (для сравнения, среди недостаточно обеспеченных 16,9%). Отмеченные различия вполне ожидаемы. Сегодня индустрия детских развлечений достаточно часто не «по карману» малообеспеченным родителям.

Наказание. Родителей, которые предпочитают «никогда не наказывать» своего ребенка сравнительно немного — 10,9%. Тех, кто наказывает своего ребенка «постоянно», — 20,7%. Основная же часть родителей (66,7%) придерживается тактики «эпизодических» наказаний («иногда наказываю»). Заметим, что в отличие от применения поощрений в целом здесь отсутствуют какие-либо существенные различия между отцами и матерями. В то же время, пол ребенка играет заметную роль в использовании частоты наказаний. Так, отцы мальчиков чаще отмечают, что они придерживаются тактики «постоянных» наказаний в отличие от отцов девочек (соответственно: 21,5% и 10,3%; различия статистически значимы на уровне .006). В свою очередь, среди матерей девочек существенно выше доля тех, кто предпочитает «никогда» не наказывать своего ребенка, чем среди матерей мальчиков (соответственно: 12,5% и 6,2%; различия статистически значимы на уровне .01). Таким образом, сопоставляя эти данные, можно сделать вывод о том, что в целом поведение мальчиков более жестко контролируется со стороны родителей по сравнению с поведением девочек.

В этой связи характерны отличия в использовании наказаний замужними и незамужними матерями. Анализ полученных материалов показывает, что замужние матери существенно чаще используют тактику «постоянных» наказаний своего сына в отличие от матерей незамужних (соответственно: 24,5% и 9,4%; различия статистически значимы на уровне .05). В то же время каких-либо различий между замужними и незамужними матерями, воспитывающими дочерей, не обнаружено.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о принципиальном влиянии полоролевой позиции матери в использовании тактики наказаний сына в случае полной или неполной семьи. В отсутствие отца мать при воспитании сына придерживается более «мягкой» тактики контроля его поведения. Заметим, что эти данные содержательно согласуются с выводами об использовании поощрений. Напомним, что при анализе тактик поощрения мы также зафиксировали ориентацию незамужних матерей на менее «жесткий» контроль поведения сына по сравнению с замужними матерями. Этот факт, на наш взгляд, крайне интересен. Можно предположить, что в данном случае сын занимает позицию «единственного мужчины в доме», и в этом плане проявляется своеобразный архетип главенства и лидерства мужчины в семье. Поразительно, что это обнаруживается уже в отношении пятилетнего ребенка. Дальнейшие, в частности, психоаналитические интерпретации этого феномена мы предоставляем читателю.

Следует подчеркнуть, что уровень образования родителей практически не оказывает какого-либо существенного влияния на использование тактик наказания ребенка. Этот факт, с нашей точки зрения, крайне важен, поскольку позволяет сделать вывод о том, что социально-стратификационные факторы (в данном случае, уровень образования) проявляют себя лишь относительно тактик поощрения ребенка (стимуляцию его активности, позитивной оценки его достижений), но не влияют на наказания.

В культурологическом плане этот момент достаточно принципиален. Так, действительно, социально-стратификационные различия проявляются относительно «стимулирующих» детскую активность форм поведения родителей, и в то же время «запрещающие» формы родительского поведения относительно поведения ребенка оказываются инвариантными в разных по уровню образования стратах.

Стоит добавить, что на тактику использования наказаний оказывают влияние и такие факторы, как многодетность и возраст родителей. Так, многодетные родители (с тремя и более детьми) более лояльны по сравнению с родителями, имеющими одного ребенка. Среди многодетных родителей доля тех, кто предпочитает никогда не наказывать своего ребенка, составляет 20,6%, а среди родителей с одним ребенком таких вдвое меньше — 10,6% (различия статистически значимы на уровне .04). Заметим, что и с увеличением возраста родителей обнаруживается та же тенденция. Среди возрастной когорты родителей в возрасте 36–45 лет доля предпочитающих избегать наказаний ребенка 17,8%, а среди более молодых родителей — 9,0% (различия статистически значимы на уровне .02). Отмеченные результаты взаимосвязаны, поскольку большое число детей в семье, естественно, коррелирует с возрастом родителей.

В целом, обобщая приведенные данные, важно подчеркнуть, что, по всей видимости, тактика использования наказаний в первую очередь определяется структурой полоролевых и статусных позиций в семье. Так, контроль по отношению к мальчику оказывается более жестким, чем к девочке. В многодетной семье самый младший ребенок подвергается менее жесткому контролю. Более пожилые родители «мягче», чем молодые. И, наконец, в отсутствие отца мать склонна менее жестко контролировать своего сына, в чем и проявляется влияние архетипа иерархии мужской и женской позиций в традиционалистской семье.

Особый интерес представляет анализ видов используемых родителями наказаний. В таблице 8 приведены данные ответов отцов, матерей и воспитателей детских садов на вопрос о том, какие наказания они используют чаще всего.

Как видно из приведенных в таблице данных, по характеру использования тех или иных наказаний отцы и матери практически не отличаются. Здесь явно доминируют вербальные формы наказаний «ругаю, отчитываю».

Вторую по значимости позицию занимает отказ выполнить обещание, данное ребенку. Предпочитает использовать подобные наказания практически каждый четвертый родитель (22,7% среди матерей, 25,8% среди отцов). С нашей точки зрения, на этот вид наказаний следует обратить специальное внимание. Дело в том, что «отказ выполнить свое обещание» как вид наказания имеет принципиальное значение, поскольку в данном случае взрослый актуализирует для ребенка морально-этическую проблематику поведения. Использование подобного типа наказания фиксирует для ребенка угрозу разрыва межличностных отношений. Нарушение ребенком нормы поведения переводится в морально-эти-

Таблица 8. Виды наказаний ребенка, которые предпочитают использовать родители и воспитатели детских садов (%)

	отцы N=334	матери N=601	воспитатели N=270
ругаю, отчитываю	62,0	63,2	23,3
отказываюсь выполнять свое обещание	25,8	22,7	—*
ставлю в угол	19,5	17,3	15,9
лишаю прогулки, т.е. игры с другими детьми	6,4	5,0	33,6
бью	4,6	4,4	0,4

* — данный вариант в вопросе для воспитателей отсутствует

ческую плоскость: родитель подчеркивает, что при нарушении ребенком нормы он, в свою очередь, оказывается «свободен» от взятых на себя перед ребенком обязательств. И именно эта форма контроля, по нашему мнению, характеризует своеобразие родительской позиции.

Третье по значимости место занимает такая традиционная форма наказания, как «постановка ребенка в угол». В принципе это социально-нормативная форма контроля поведения ребенка дошкольного возраста (понятно, что такая форма наказания не применима уже ни к младшему школьнику, ни тем более к подростку). Естественно возникает вопрос, почему эта форма зафиксирована в качестве культурной нормы наказания маленьких детей. С нашей точки зрения, этот вид наказания, накладывающий запрет на проявления собственной физической активности ребенка, действительно эффективен, если его интерпретировать в контексте проблематики произвольности поведения в дошкольном возрасте. Известно, что формирование произвольности является одним из центральных новообразований старшего дошкольного возраста. И в этом отношении подобная норма наказания обращена к актуальной в данном возрасте сфере развития личности. Напомним в этой связи известные эксперименты З.М. Мануйленко (1948), где детей-дошкольников просили сохранять неподвижность в игре (выполняя роль часового) по просьбе взрослого. При принятии игровой роли ребенок существенно дольше сохраняет неподвижность. Эта ситуация замечательно описана в рассказе А.Пантилеева «Честное слово». Ограничение физической активности ребенка, его «свободы» в виде особого наказания (когда ограничение не опосредовано игровой ролью или игровым правилом, как в известной игре в салки «замри-отомри») в таком случае наиболее аффективно переживается.

Остальные же меры наказаний, такие, как лишение прогулки, игры с другими детьми, а также физические наказания («бью») родителями, как видно из данных таблицы 8, используются крайне редко.

В таблице 8 мы не случайно привели результаты опроса воспитателей детских садов. Нетрудно заметить, что использование родителями и воспитателями тех или иных видов наказаний заметно различается. Причем не только по частоте, но и по содержанию. Так, например, «постановка ребенка в угол», которую практически одинаково часто используют родители и воспитатели, в ситуации детского сада имеет иной смысл, чем в семье. «Постановка ребенка в угол» в детском саду — это не столько ограничение активности и «свободы» ребенка, сколько факт социального воздействия. Здесь ребенок ставится в угол на виду у других детей, и в данном случае это мера *социального контроля*, фиксирующая не только снижение социального статуса ребенка относительно других детей, но и форма его публичного порицания (унижения). Иными словами, постановка ребенка в угол в ситуации детского сада приобретает совершенно иной смысл: это в первую очередь мера социального воздействия, когда под угрозу ставится социальная позиция ребенка в детском коллективе и поэтому она приобретает особый этический смысл. Таким образом, можно полагать, что если родитель при контроле нарушений поведения своего ребенка «играет» на угрозе разрыва межличностных отношений («отказ выполнить данное обещание»), то воспитатель детского сада строит свой контроль, ставя под угрозу социально-статусную позицию ребенка в детском коллективе.

Стоит обратить внимание и на то, что родители крайне редко используют такую форму наказаний как лишение своего ребенка прогулки и игры с другими детьми. Для воспитателей же это наиболее распространенная форма наказания. Ее отмечает каждый третий. В принципе склонность воспитателей к использованию данной меры наказания можно интерпретировать так же, как и постановку ребенка в угол. Это та же публичная форма наказаний, где ставится под угрозу контакт и взаимоотношения ребенка с другими детьми. Таким образом, мы видим, что именно опора на контроль социальных взаимоотношений ребенка с другими детьми, манипулирование этими взаимоотношениями с помощью особых наказаний и является доминирующей формой и контроля поведения ребенка в ситуации детского сада.

Приведенные в таблице 8 данные показывают, что воспитатели детских садов по сравнению с родителями гораздо реже предпочитают использовать вербальные меры наказаний («ругаю, отчитываю»). На наш взгляд, это только подтверждает нашу интерпретацию различий в позиции родителя и воспитателя. Вербальное наказание предполагает особые межличностные отношения, при которых взрослый позволяет себе эмоционально выразить свое негативное отношение не только к поведению, но и к личности ребенка, фиксируя свое возмущение, недовольство и т.п. Как видно из приведенных данных, воспитатель более отстранен и не склонен к явному выражению своей личностной позиции относительно *отрицательных* сторон ребенка. Таким образом, здесь мы фиксируем особенность социально-ролевой позиции воспитателя детского сада, суть которой состоит в огра-

ничении (запрете) проявления своего негативного отношения к отрицательным сторонам не только поведения, но и личностных особенностей воспитанника.

Наконец, стоит обратить внимание на использование физических наказаний. Мы видим (см. табл. 8), что этот вид наказаний как характерную для себя меру воздействия на ребенка отмечает лишь небольшое число родителей и воспитателей. Между тем статистический анализ показывает, что родители прибегают к подобной мере наказаний существенно чаще, чем воспитатели (различия статистически значимы на уровне .003). Это свидетельствует не только о том, что в системе общественного воспитания ребенка (в детском саду) подобная мера социально табуирована, но и о том, что родители чувствуют себя в данном отношении более свободными («руки развязаны»). И здесь, на наш взгляд, дело заключается не столько в жесткости установок родителей, сколько в своеобразии социальных отношений «родитель — ребенок». В отличие от воспитателей, родители чаще полагают, что «имеют право» на физическое наказание своих детей.

Сопоставление ответов родителей и воспитателей позволяет уточнить своеобразие родительской позиции. В то же время особый интерес представляет влияние демографических и социальных факторов на использование родителями наказаний. Анализ материалов показывает, что социально-стратификационные факторы, такие, как уровень образования и материальное положение семьи, практически не оказывают здесь какого-либо влияния (можно лишь отметить, что отцы с высшим образованием, воспитывающие девочек, более склонны использовать вербальные меры наказаний по сравнению с отцами со средним образованием, соответственно: 75,1% и 50,0%; различия статистически значимы на уровне .003). Несмотря на отмеченное различие, можно сделать общий вывод о том, что структура использования различных видов наказаний ребенка дошкольного возраста в целом инвариантна в различных социальных стратах.

Однако особенности социального статуса семьи играют весьма существенную роль. Так, замужние матери по сравнению с незамужними при воспитании мальчика более склонны использовать такую меру наказания, как постановка в угол (соответственно: 21,2% и 6,3%; различия статистически значимы на уровне .01). С другой стороны, среди незамужних матерей более распространен такой вид наказания, как лишение прогулки, игры с другими детьми (соответственно: 15,6% и 3,6%; различия статистически значимы на уровне .01). Эти различия иллюстрирует рисунок 13.

При интерпретации представленных на рисунке данных, на наш взгляд, стоит использовать соображения о своеобразии социальной ситуации. В этой связи постановка сына в угол в ситуации полной или неполной семьи приобретает особый смысл именно как мера социального воздействия. Иными словами, когда замужняя мать ставит сына в угол, она тем самым подчеркивает свой статус по отношению к ребенку в традиционалистской иерархии семейных полоролевых отношений: «отец — мать — сын». Именно к этой мере она вынуждена прибегать достаточно часто в отличие от незамужней матери, где социальная структура отношений «взрослый — ребенок» предельно проста и очевидна: «мать — сын». Таким образом, замужняя мать, ставя ребенка в угол, на наш взгляд, подчеркивает именно социальную дистанцию, что не актуально для незамужней матери.

Постановка ребенка в угол у замужней матери выполняет ту же функцию социального контроля, что и у воспитателя в детском саду. Другая логика контроля за поведением сына обнаруживается у незамужней матери. Она более склонна регулировать социальные отношения ребенка вне семьи, ограничивая возможность его общения с другими детьми. Таким образом, если замужняя мать при наказании ребенка склонна опираться на внутрисемейные социально-статусные отношения, то незамужняя ориентирована на контроль значимых для сына внесемейных ситуаций общения с другими детьми.

Выше мы сравнили замужних и незамужних матерей, воспитывающих сына. Однако в выборе тех или иных видов наказаний отличаются между собой и матери, воспитывающие дочерей. Причем и здесь различия проявляются относительно такого вида наказания, как постановка ребенка в угол. Но тенденции в данном случае прямо противоположны. Замужние матери используют этот вид наказания гораздо реже, чем незамужние, соответственно: 13,1% и 25,0% (различия статистически значимы на уровне .03).

Таким образом, мы видим, что именно пол ребенка принципиально дифференцирует отношение замужних и незамужних матерей к данному виду наказаний. Причем для замужней матери подчеркивание своего статуса во внутрисемейной иерархии перед дочерью менее значимо в отличие от ситуации при воспитании сына. Напротив, для незамужней матери обозначение полоролевой дистанции между ней и дочерью («мать — дочь») оказывается принципиальным именно в ситуации внутрисемейного общения. И в этом отношении она фиксирует свою доминирующую лидерскую позицию.

Достаточно интересны и различия относительно использования тех или иных видов наказаний родителями разных возрастных когорт (см. рис. 14).

Как видно из рисунка, возрастные тенденции прямо противоположны относительно применения этих видов наказаний. С увеличением возраста родителей резко снижается значимость наказания «постановка в угол», фиксирующего социально-статусные отношения между родителями и детьми. И в то же время с возрастом родителей последовательно повышается их ориентация

на наказания, предполагающие угрозу «разрыва» межличностных отношений родителей с ребенком. Иными словами, если молодые родители склонны ориентироваться при наказании ребенка на социальный контроль, подчеркивая при этом свой статус, то родители более старшего возраста предпочитают переводить наказания в плоскость морально-этических отношений.

И, наконец, следует отметить то, что крайне интересно проявляется отношение к наказанию, связанному с отказом «выполнить свое обещание» при сравнении родителей, воспитывающих одного ребенка, с многодетными родителями. Так, если среди родителей, воспитывающих одного ребенка, этот вид наказаний предпочитает использовать почти каждый четвертый — 22,6%, то среди родителей с тремя и более детьми таких — 8,8% (различия статистически значимы на уровне .04). Наряду с этим среди многодетных родителей существенно ниже доля тех, кто использует такой вид наказания как «постановка ребенка в угол». В определенном смысле это свидетельствует о том, что родителями табуируется социально-статусная иерархия между детьми. В этом отношении дети в многодетной семье (братья и сестры) представляют совершенно иной тип детского сообщества. Здесь для родителей менее значима фиксация социально-статусных позиций: срабатывает скорее норма, когда «все равны и одинаково любимы».

Рассмотрим последний из намеченных нами аспектов. Он касается анализа тех мотивов, с помощью которых родители обосновывают свою точку зрения относительно применения/неприменения наказаний.

Мотивируя необходимость применения наказаний, каждый второй (46,6%) считает, что наказывать детей нужно, поскольку «они должны соблюдать правила поведения, принятые в семье, обществе». Таким образом, среди родителей в вопросе о применении наказаний доминирует мотивация социально-нормативной регуляции поведения ребенка. Второй по значимости (ее отмечает 17,8%) является мотивация, связанная с формированием у ребенка самоконтроля, произвольного поведения («использование наказаний приучает детей к дисциплине»). Третью позицию занимает мотивация, фиксирующая необходимость иерархии социально-статусных отношений: «ребенка нужно наказывать, поскольку он должен видеть и чувствовать контроль со стороны взрослых». Подобный тип мотивации характерен для 11,2% родителей. И, наконец, лишь немногие из родителей (4,3%) обуславливают применение наказаний авторитарной установкой и желанием

доминировать: «наказывать детей нужно, поскольку они должны уважать взрослых и подчиняться им».

Отказ от применения наказаний связан со следующими двумя мотивами. Один основан на представлении о бессмысленности внешних форм контроля и наказаний при воспитании ребенка. Здесь ставится акцент на самостоятельной активности: «ребенок должен сам понять, что хорошо, а что плохо». Подобная мотивация характерна для 20,6% родителей. Другим аргументом противников применения наказаний является охрана эмоционального самочувствия ребенка: «детей наказывать не нужно, так как это может сильно травмировать их психику». Этой позиции придерживается 8,2% родителей.

Анализируя ответы на данный вопрос, следует отметить, что каких-либо существенных различий в мотивации *отказа* от применения наказаний между родителями не обнаружено. Ни пол, ни возраст, ни уровень образования или материального положения, ни семейный статус не играют дифференцирующей роли относительно мнений родителей.

Другое дело — мотивация *применения* наказаний. Так, например, отцы по сравнению с матерями чаще мотивируют использование наказаний необходимостью поддержания статусных отношений взрослого с ребенком («дети должны чувствовать контроль со стороны взрослых»). Соответственно: 14,1% и 9,5% — различия статистически значимы на уровне .001. Матери девочек чаще, чем матери мальчиков, отмечают такой мотив, как «приучение детей к дисциплине» (соответственно: 22,2% и 13,8%; различия статистически значимы на уровне .01). В то же время матери, воспитывающие сыновей, более ориентированы на мотивацию приобщения ребенка к соблюдению культурных норм и правил — 55,7%; среди матерей, воспитывающих дочерей, таких 41,1% (различия статистически значимы на уровне .0006). При этом отметим, что крайне высокая распространенность этого мотива характерна у незамужних матерей, воспитывающих мальчиков, — 71,9%. И именно по этому параметру они существенно отличаются от замужних матерей. Таким образом, мы видим, что как пол самих родителей, так и пол ребенка оказывает весьма значимое влияние на мотивировки, обосновывающие использование наказаний.

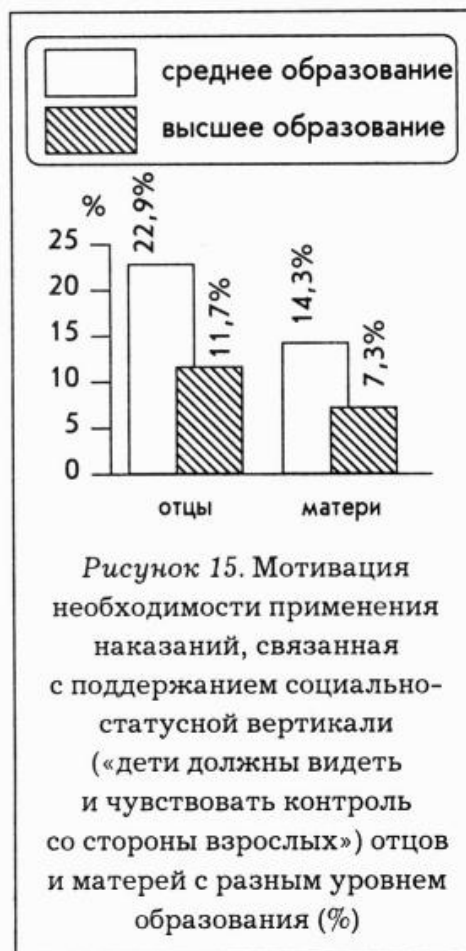
Однако наиболее отчетливо здесь проявляется влияние именно социально-стратификационных факторов. Основным дифференцирующим мотивом при этом выступает аргументация применения наказаний, связанная с поддержанием вертикали социально-статусных отношений «взрослый — ребенок». Эта мотивация более распространена у родителей с невысоким уровнем образования, что характерно как для отцов, так и для матерей (см. рис. 15).

Дополнительно заметим, что социально-стратификационные факторы оказывают наибольшее влияние именно на мотивацию матерей. Так, помимо отмеченного различия, матери с высшим образованием чаще указывают на необходимость использования наказаний для формирования у ребенка навыков «соблюдения

принятых правил поведения» — 56,4% (среди матерей со средним образованием 31,0%; различия статистически значимы на уровне .0001). Влияет на мотивировки матерей не только уровень их образования, но и материальный статус семьи. Матери из недостаточно обеспеченных семей чаще мотивируют использование наказаний необходимостью «приучения ребенка к дисциплине» — 23,9% (среди матерей из среднеобеспеченных семей — 15,7% — различия статистически значимы на уровне .05).

В целом полученные данные, на наш взгляд, проясняют весьма важный момент, касающийся использования наказаний. Так, обсуждая выше специфику родительского поведения при использовании наказаний (виды наказаний), мы обнаружили, что основными дифференцирующими факторами выступают социально-статусные характеристики семьи (полнота/неполнота), а также пол ребенка. При анализе же мотивировок эти факторы «отходят на второй план» и главными оказываются именно социально-стратификационные — уровень образования и материальное положение семьи. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что не столько непосредственно формы поведения (использование тех или иных видов наказаний), сколько нормы обоснования их применения дифференцируют различные социальные страты. Иными словами, именно мотивация использования наказаний родителями по-разному культурно нормируется в различных социальных слоях: не реальное поведение, а именно идеология наказаний ребенка здесь различается.

Вывод о том, что «идеология» нормативно определяет мотивационную структуру применения наказаний, подтверждается и при сравнении родителей, принадлежащих к различным конфессиям. Так, среди родителей, исповедующих православие, в отличие от католиков более значимым оказывается мотив применения наказаний, связанный с приобщением ребенка к правилам поведения, принятым в семье, обществе (среди православных его отмечают 49,1%, а среди католиков 19,0%; различия статистически значимы на уровне .007). В свою очередь, для родителей-католиков более актуальной является мотивация наказания ребенка, связанная с поддержанием социально-статусных отношений («контроль со стороны взрослых»). Среди католиков ее отмечают 23,8%, а среди православных — 9,7% (различия статистически значимы на уровне .02). Иная линия дифференциации в мотивации применения наказаний обнаруживается между православными и мусульманами. Среди мусульман доминирующим

мотивом является «приучение ребенка к дисциплине» — 38,9%; среди православных — 18,0% (различия статистически значимы на уровне .02). И, наконец, отличие атеистов от православных, католиков и родителей, не исповедующих никакой религий, связано с тем, что они акцентируют внимание на необходимости запрета применения наказаний, поскольку «ребенок должен сам понять, что хорошо, а что плохо».

Завершая этот раздел, подчеркнем, что при рассмотрении различных аспектов стратегии воспитания (ни в целях, ни в стилях взаимодействия) религиозная принадлежность родителей не проявляла себя столь последовательно и отчетливо, как при анализе вопроса о мотивах применения наказаний к ребенку. По-видимому, это не случайно, поскольку мотивация «*преступления и наказания*» является одним из ключевых вопросов, разводящих различные идеологии.

2.4. ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ РОДИТЕЛЕЙ ПРИ ОБЩЕНИИ С ДЕТЬМИ

Здесь мы затронем последний из намеченных нами аспектов анализа воспитательных стратегий родителей. Как и вопрос о поощрении и наказании, он связан с *контролирующей фазой*. Однако в отличие от поощрений и наказаний, где акцент ставится на действиях взрослого по отношению к ребенку, в данном случае он фокусирует и характеризует своеобразие контроля относительно позиции самого родителя. Это скорее самооценка успешности взрослого при взаимодействии с ребенком. Более того, для нас важен здесь именно эмоциональный момент: те *переживания*, которые позволяют выявить собственно смысловую компоненту реализуемой воспитательной стратегии.

Предложенные варианты ответов на вопрос о том, какие состояния испытывают родители при общении со своим ребенком, подразумевают два полюса: позитивный и негативный. При этом негативный полюс дифференцируется по ряду модальностей. Одна из них предполагает ориентацию на собственное эмоциональное состояние: «нервничаю, раздражаюсь». Другая связана скорее с характеристикой ситуации взаимодействия: «испытываю сложности, которые превращаются в скандалы». Наконец, третья модальность в большей степени касается характеристики ребенка («не могу справиться с его спонтанной активностью»). Позитивный полюс также дифференцирован. Здесь задаются варианты ответов, которые касаются как обобщенной оценки («ощущаю себя счастливым человеком»), так и «позитивной энергетики», получаемой взрослым от его взаимодействия с ребенком («испытываю большую радость, наполняюсь энергией»). Помимо этих собственно эмоциональных моментов, мы выделяем и когнитивные аспекты. Причем один из них направлен на познание окружающего мира: «при общении со своим ребенком я заново познаю окружающий мир». Другой же — на самопознание («при

Таблица 9. Эмоциональные состояния, которые испытывают родители при общении со своим ребенком (%)

	отцы N=334	замужние матери N=525	незамужние матери N=76
ощущаю себя счастливым человеком	40,7	41,1	41,1
испытываю большую радость, наполняюсь энергией	38,9	39,3	46,2
заново познаю окружающий мир	22,2	24,3	20,5
открываю в себе качества, о существовании которых ранее не догадывался	13,8	20,3	15,4
не могу справиться со спонтанной активностью	14,7	15,5	20,5
нервничаю и раздражаюсь	7,2	9,8	9,1
испытываю сложности, которые превращаются в скандалы	9,1	8,6	9,1

общении со своим ребенком я открываю в себе качества, о существовании которых я ранее не догадывался/ась»). В таблице 9 приведены результаты ответов на данный вопрос отцов, замужних и незамужних матерей.

Как видно из приведенных в таблице данных, в ответах родителей явно доминируют позитивные эмоциональные оценки. Причем либо это обобщенная оценка («ощущаю себя счастливым человеком»), либо фиксация особой позитивной эмоциональной энергии, которую получают взрослые при общении со своим ребенком («наполняюсь энергией»). Примерно каждый четвертый-пятый родитель указывает также и на позитивные когнитивные моменты: «заново познаю окружающий мир», «отрываю в себе много качеств, о которых ранее не догадывался/лась».

На негативные моменты указывают немногие. Однако при этом все же значительная часть родителей (около 15%) фиксирует, что «не может справиться со спонтанной активностью» своего ребенка.

Каких-либо существенных различий в ответах отцов и матерей практически не обнаруживается. Можно лишь отметить, что замужние матери чаще по сравнению отцами указывают на позитивный когнитивный момент, связанный с самопознанием при общении с ребенком (среди матерей таких 20,3%, среди отцов — 13,8%; различия статистически значимы на уровне .008). Заметим, что этот момент в большей степени склонны отмечать матери с высшим образованием — 23,1% (со средним образованием 16,7%; различия статистически значимы на уровне .03). Интересна и возрастная динамика относительно значимости данного аспекта. Так, наиболее часто он отмечается в возрасте 27–35 лет. В более младших возрастных когортах доля отмечающих позитивный момент, связанный с самопознанием при

общении с ребенком, значительно ниже.

На оценки родителей относительно своих эмоциональных состояний существенно влияет уровень материальной обеспеченности семьи. Причем характерно, что влияние этого фактора связано не с позитивными аспектами эмоциональных состояний родителей, а с негативными (см. рис. 16).

Как видно из рисунка, по мере улучшения материального положения семьи существенно снижается доля родителей, отмечающих, что они не могут справиться со спонтанной активностью ребенка, а также тех, кто испытывает негативные эмоциональные состояния («нервничаю, раздражаюсь»). Таким образом,

мы видим, что фактор материального благополучия семьи оказывается отнюдь не нейтральным относительно оценки эмоционального самочувствия родителей при их взаимодействии с ребенком.

Особый интерес представляет анализ специфики эмоциональных состояний родителей при взаимодействии с детьми в зависимости от пола ребенка и статуса семьи. Анализ ответов замужних и незамужних матерей, воспитывающих сына или дочь, показал, что если среди матерей, воспитывающих дочерей, каких-либо существенных различий не обнаружилось, то среди матерей, воспитывающих сына, различия проявились достаточно отчетливо. Так, незамужние матери по сравнению с замужними существенно чаще отмечают, что при воспитании своего сына они «испытывают большую радость, наполняются энергией» (соответственно: 56,3% и 35,8%; различия статистически значимы на уровне .02). Как мы отмечали выше, этот вариант ответа характеризует «позитивную эмоционально энергетическую» компоненту взаимодействия. В этой связи можно предположить, что в ситуации неполной семьи, когда супруг отсутствует, женщина получает от сына определенный комплекс позитивных эмоций, компенсирующих именно энергетический компонент эмоциональных переживаний. Безусловно, есть соблазн продолжить интерпретацию этих результатов в психоаналитической традиции. Однако обозначим лишь отнюдь не тривиальную, на наш взгляд, тенденцию различий эмоционального самочувствия замужних и незамужних матерей при воспитании сына, дополнив приведенный выше аргумент тем, что подобная «эмоциональная подзарядка» столь явно не проявляется среди незамужних матерей, воспитывающих дочь (среди них доля выбравших данный вариант ответа — 39,6%).

Таким образом, полученные данные показывают, что на эмоциональные аспекты, связанные с оценкой родителями успешности своего взаимодействия с ребенком, влияет целый ряд социально-демографических параметров, которые, в первую очередь, характеризуют позицию матери. Причем на «когнитивные» компоненты самопознания влияет уровень образования и возраст, а на «энергетические» — социальный статус семьи и пол ребенка. И, наконец, на негативные аспекты эмоциональной самооценки успешности взаимодействия родителей с ребенком в основном влияет материальный статус семьи.

2.5. ОПЫТ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ РОДИТЕЛЕЙ

В предыдущих разделах полученный эмпирический материал анализировался нами, исходя из представлений о трех основных компонентах, определяющих своеобразие воспитательной стратегии: о целевой структуре (ориентировочно-планирующая фаза деятельности), стилях взаимодействия (исполнительская фаза деятельности) и контроле (контролирующая фаза деятельности). При этом анализ целевой структуры задавался нами путем соотнесения двух планов: нормативного и реального. Сопоставление этих планов, во-первых, предполагает выявление целевых приоритетов относительно развития у ребенка интеллектуальной, волевой и морально-нравственной сферы и, во-вторых, ориентаций родителей как на саморазвитие ребенка, так и на воспитание у него социально-адаптивных форм поведения. В той же логике различия нормативных представлений и реального взаимодействия рассматривались и стилевые особенности поведения родителей. В этой связи подчеркнем, что здесь были выделены четыре основных стиля взаимодействия: авторитаризм, равноправие, поддержание статусно-ролевой возрастной вертикали, поддержание активности и самовыражения ребенка. По сути дела, перечисленные стили строятся относительно двух оппозиций: «поддержание активности — ограничение активности»; «равноправие — иерархия статусных отношений». Иначе нами задавалась структура анализа контролирующей фазы воспитательной стратегии. Здесь выделялись два фокуса. Один — это типы контроля поведения ребенка: поощрение и наказание. Другой же фокус ориентирован на анализ эмоциональных переживаний родителей при общении с детьми: их позитивные и негативные эмоциональные состояния.

Полученный эмпирический материал ответов родителей на вопросы, касающиеся и целевой, и исполнительной, и контролирующей фаз, последовательно анализировался путем выявления влияния демографических факторов (пол, возраст), социально-стратификационных факторов (уровень образования, материальное положение и др.), семейного статуса (полнота/неполнота семьи, многодетность).

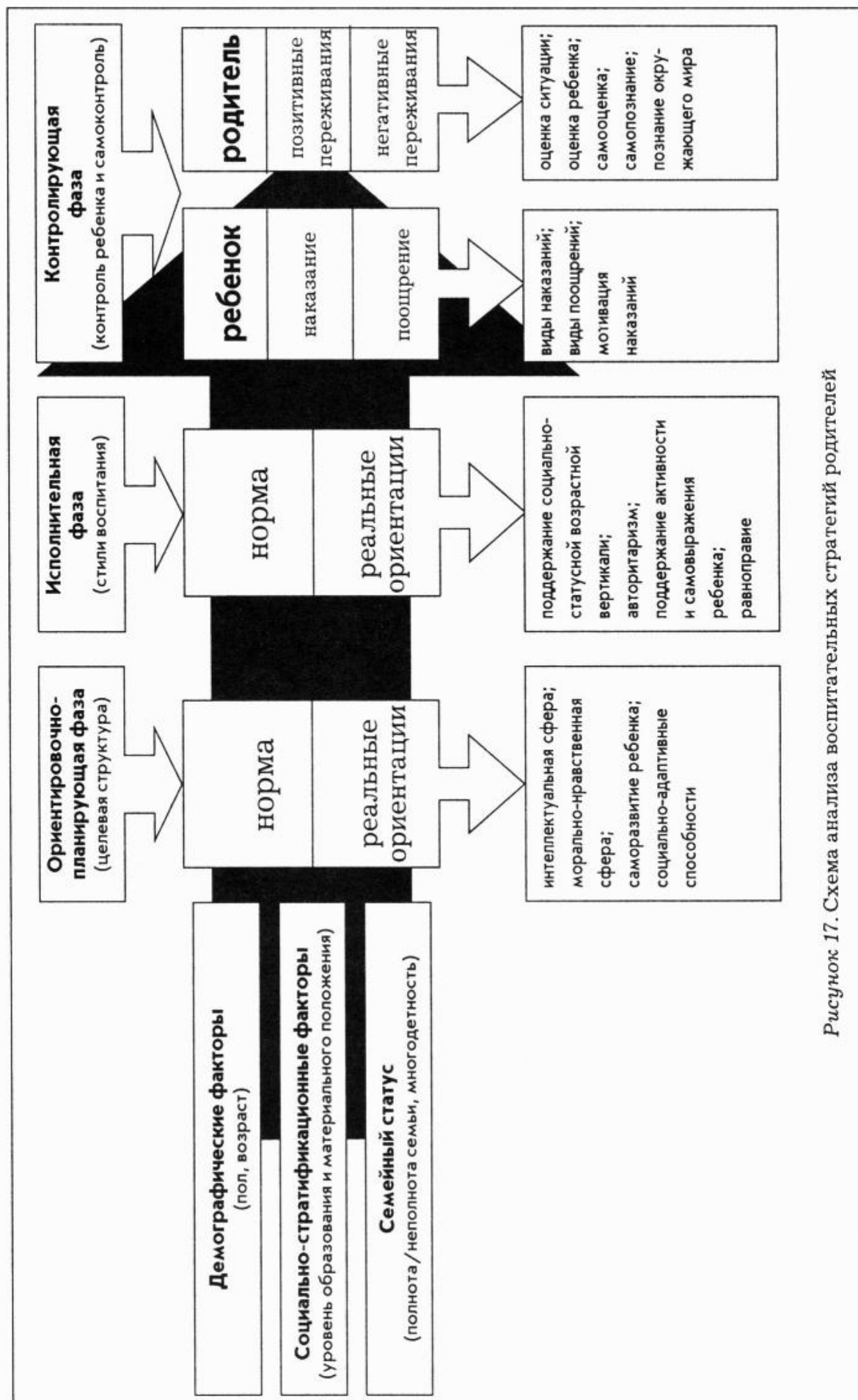

Рисунок 17. Схема анализа воспитательных стратегий родителей

Однако заметим, что подобный тип анализа не дает возможности установить взаимосвязи между выделенными нами тремя фазами структуры воспитательной стратегии. Между тем вопрос о взаимосвязи этих фаз — целевой структуры, стиля взаимодействия и контроля — представляется центральным, поскольку ответ на него и дает возможность выделить именно различные *типы* воспитательных родительских стратегий. С этой целью необходимо перейти к другому способу анализа, который основан на математических процедурах, предусматривающих выявление корреляционных связей между различными переменными, характеризующими целевую, исполнительскую и контролируемую фазы воспитательной стратегии.

Предваряя конкретное описание используемой нами методики и полученных на ее основе данных, следует оговорить один достаточно принципиальный момент, который касается структурирования исходной базы данных. Дело в том, что приведенный в предыдущих разделах материал показывает влияние широкого спектра факторов (и демографических, и социально-стратификационных, и семейного статуса) на отдельные параметры, связанные с воспитательными стратегиями. В этой связи встает вопрос о том, какие из обозначенных нами факторов выбрать в качестве базовых для проведения намеченного типа анализа воспитательных стратегий.

С нашей точки зрения, определяющим в данном случае может выступить круг факторов, характеризующий семейный статус и полоролевые родительские позиции, а также пол самого ребенка. Иными словами, мы полагаем, что именно полоролевая структура семьи является тем базовым основанием, которое позволит построить типологию воспитательных стратегий. Таким образом, *социальная полоролевая структура семьи* выступает в последующем анализе в качестве основы, структурирующей типологию воспитательных стратегий родителей.

Исходя из этих представлений и используя метод факторного анализа, мы попытались проследить взаимосвязи между различными параметрами, характеризующими ориентировочно-планирующую, исполнительную и контролируемую фазы воспитательных стратегий. С этой целью нами была сформирована матрица первичных данных, где строки представляют наиболее информативные варианты ответов на различные вопросы, касающиеся целей воспитания, стилей взаимодействия, особенностей контроля за поведением ребенка и родительских оценок успешности своего взаимодействия с детьми. Всего было отобрано 34 варианта ответов на различные вопросы анкеты. Столбцы же матрицы заданы следующими родительскими позициями: отцы мальчиков, отцы девочек, замужние матери мальчиков, замужние матери девочек, незамужние матери мальчиков, незамужние матери девочек. По сути дела, они в данном случае и определяют варианты социальной полоролевой структуры семьи. Таким образом, нами была сгруппирована матрица исходных эмпирических данных размерностью 34 (строки) X 6 (столбцы). В каждой ячейке матрицы — пересечение столбца и строки — дан процент выбора

соответствующего параметра воспитательной стратегии, который характерен для данной родительской позиции.

Сформированная таким образом матрица «сырых» данных процентных распределений была обработана методом факторного анализа с последующим вращением по критерию «Varimax» Кайзера.

В результате факторного анализа было выделено три фактора, описывающих 82,3 % суммарной дисперсии. В таблицах 10 и 11 приведены результаты факторного анализа. В них соответственно представлены весовые нагрузки различных параметров воспитательных стратегий по выделенным факторам (таблица 10), а также размещение значений отцов мальчиков и девочек, замужних, незамужних матерей мальчиков и девочек по осям выделенных факторов (таблица 11).

Таблица 10. Весовые нагрузки параметров воспитательных стратегий по факторам F1, F2, F3

	Factor 1 42,0 %	Factor 2 26,9 %	Factor 3 13,4 %
стиль воспитания — поддержание социально-статусной возрастной вертикали	0,332525	0,89283	0,235315
стиль воспитания — авторитаризм	-0,226567	0,472771	-0,72015
стиль воспитания — поддержание активности и самовыражения ребенка	0,157695	-0,65224	0,684623
стиль воспитания — равноправие	-0,972872	0,182158	0,016408
развивать в ребенке умственные и интеллектуальные способности	0,44157	-0,78461	0,091844
воспитывать в ребенке волевые качества	-0,917101	0,367085	0,078578
развивать в ребенке художественные способности	0,170163	0,485076	-0,70204
воспитывать в ребенке аккуратность, дисциплинированность, исполнительность	0,940164	0,075709	-0,163924
воспитывать в ребенке доброту, отзывчивость, милосердие	0,955119	-0,14614	0,24452
развивать в ребенке социально-адаптивные способности	-0,688638	-0,2028	0,545726
воспитывать в ребенке физические качества	-0,838372	0,041112	-0,046581
воспитывать в ребенке вежливость и уважение к старшим	0,934978	-0,059635	0,120553
воспитывать в ребенке умение достичь материального положения	-0,59268	0,257061	0,684968
воспитывать в ребенке патриотизм	-0,42332	-0,134505	-0,543468
считаю, что детей нужно наказывать, т.к. это приучает к дисциплине	0,592494	0,149925	-0,674629

Таблица 10 (продолжение)

	Factor 1 42,0 %	Factor 2 26,9 %	Factor 3 13,4 %
считаю, что детей нужно наказывать, т.к. они должны видеть и чувствовать контроль со стороны взрослых	-0,84977	0,016264	-0,21784
считаю, что детей нужно наказывать, т.к. они должны уважать взрослых и подчиняться им	-0,86707	0,431282	0,002133
считаю, что детей нужно наказывать, т.к. они должны соблюдать правила, принятые в семье, обществе	0,110138	-0,61608	0,710884
считаю, что детей не нужно наказывать, т.к. ребенок должен сам понять, что хорошо, а что плохо	-0,25787	0,573632	-0,68621
считаю, что детей не нужно наказывать, т.к. это может травмировать психику ребенка	0,199507	0,920795	-0,21003
я наказываю своего ребенка	-0,84078	0,019015	-0,5208
я не наказываю своего ребенка	0,925176	0,081314	-0,19557
я ставлю своего ребенка в угол	-0,14964	0,732359	-0,34022
я бью своего ребенка	-0,49145	0,702865	0,083856
я в виде наказания лишая своего ребенка прогулки, т.е. общения с другими детьми	0,218503	-0,9481	0,201171
я в виде наказания ребенка отказываюсь выполнять свое обещание	0,279419	-0,63414	0,092554
я иногда поощряю своего ребенка	-0,76265	0,371635	-0,25941
при взаимодействии с ребенком я испытываю сложности, которые превращаются в скандалы	0,155124	0,758454	-0,59714
при взаимодействии со своим ребенком я наполняюсь энергией	0,32307	-0,90185	0,251297
я не могу справиться со спонтанной активностью своего ребенка	0,526994	-0,1323	0,218713
при взаимодействии со своим ребенком я открываю в себе много новых качеств	0,376134	0,773512	0,095134
при взаимодействии со своим ребенком я заново познаю окружающий мир	-0,55459	0,765451	0,312737
при взаимодействии со своим ребенком я нервничаю и раздражаюсь	0,30794	0,197151	0,90665
при взаимодействии со своим ребенком я ощущаю себя счастливым человеком	0,074648	-0,58367	0,091079
	12,0094	9,834129	6,192404
	0,353218	0,289239	0,18213

Таблица 11. Значения по осям выделенных факторов отцов мальчиков и девочек, замужних и незамужних матерей мальчиков и девочек

	Factor 1	Factor 2	Factor 3
отцы мальчиков	-1,50545	-0,14985	-0,08613
отцы девочек	-0,70616	-0,17607	-1,19614
матери замужние мальчиков	-0,15999	1,247838	1,363237
матери замужние девочек	0,590311	0,419429	0,003956
матери незамужние мальчиков	0,520258	-1,74629	0,879437
матери незамужние девочек	1,261036	0,404945	-0,96436

Перейдем к интерпретации структуры выделенных факторов.

Первый фактор F1 (вклад в суммарную дисперсию 42,0%):
«формирование способностей поведения в нормативно-определенной ситуации — формирование способностей поведения в нормативно-неопределенной ситуации»

Данный фактор имеет биполярную структуру:

— воспитывать в ребенке доброту, отзывчивость, милосердие	.96
— воспитывать в ребенке аккуратность, дисциплинированность, исполнительность	.94
— воспитывать в ребенке вежливость и уважение к старшим	.93
— я не наказываю своего ребенка	.93
— я не могу справиться со спонтанной активностью своего ребенка	.53
— стиль воспитания – равноправие	-.97
— воспитывать в ребенке волевые качества	-.92
— считаю, что детей нужно наказывать, так как они должны слушаться взрослых и подчиняться им	-.87
— считаю, что детей нужно наказывать, так как они должны видеть и чувствовать контроль со стороны взрослых	-.85
— я наказываю своего ребенка	-.84
— необходимо воспитывать в ребенке физические качества	-.84
— я иногда поощряю своего ребенка	-.76
— в ребенке необходимо развивать социально-адаптивные способности (ребенок должен уметь приспосабливаться к любой обстановке)	-.69

Как можно заметить, существенной особенностью данного фактора является поляризация различных целевых аспектов воспитания. Так, на положительном полюсе группируются цели воспитания, которые связаны с развитием морально-этической

сферы (доброта, отзывчивость, милосердие) и формированием нормативного поведения как относительно деятельности (аккуратность, дисциплинированность и исполнительность), так и в сфере социальных отношений со взрослыми (вежливость и уважение к старшим). Таким образом, в первую очередь, это целевая ориентация на *социальную желательность*. Заметим, что этой ориентации противопоставлены (отрицательный полюс фактора) такие цели, как воспитание в ребенке волевых и физических качеств и формирование социально-адаптивных способностей («ребенок должен уметь приспосабливаться к любой обстановке»). Иными словами, если положительный полюс фактора ориентирован на формирование у ребенка способностей действовать в сложившейся стабильной и нормативно определенной ситуации, то отрицательный полюс ориентирует целевую стратегию воспитания на нестабильные меняющиеся условия, где и необходимо проявление собственных волевых усилий.

Второй особенностью данного фактора является явно выраженная оппозиция, характеризующая параметры, связанные с фазой контроля поведения ребенка. Так, если положительный полюс не предполагает применения наказаний («я не наказываю своего ребенка»), то отрицательный полюс, наоборот, характеризует ориентацию на применение наказаний («я наказываю своего ребенка»), а также на крайне избирательное применение поощрений («я *иногда* поощряю своего ребенка»). При этом отметим, что мотивация применения наказаний связана с поддержанием статуса и авторитета взрослых («дети должны слушаться взрослых и подчиняться им», «дети должны видеть и чувствовать контроль со стороны взрослых»).

Таким образом, мы видим, что целевая структура воспитания, ориентированная на формирование способностей ребенка в стабильных устойчивых ситуациях, нормативно ориентирована и на отказ от применения наказаний (положительный полюс фактора). В то же время целевая ориентация воспитания, связанная с формированием способностей к поведению в нестабильных ситуациях (отрицательный полюс), наоборот, предполагает использование наказаний, акцентирующих внимание ребенка на статусе взрослого и его контролирующей позиции. Заметим, что система поощрений используется в данном случае крайне избирательно. Этот момент важен, поскольку показывает, что подобная целевая ориентация предусматривает не только наказание, но и поощрение.

Наконец, третий характерный момент связан с определенными смысловыми напряжениями в самой структуре как положительного, так и отрицательного полюсов данного фактора. Если мы обратимся к положительному полюсу, то заметим, что это напряжение связано с самооценкой взрослым успешности своего взаимодействия с ребенком. Причем здесь самооценка носит негативный характер: «я не могу справиться со спонтанной активностью своего ребенка». Иными словами, мы видим, что целевая ориентация взрослого на формирование у ребенка способностей к действию в стабильной ситуации и его нормативная ориентация

на отказ применения наказаний приводят к особому внутреннему конфликту («не могу справиться»), связанному с проявлениями собственной активности ребенка. Активность ребенка «не укладывается» в предлагаемые нормативные рамки, порождая ощущения у взрослого собственной беспомощности.

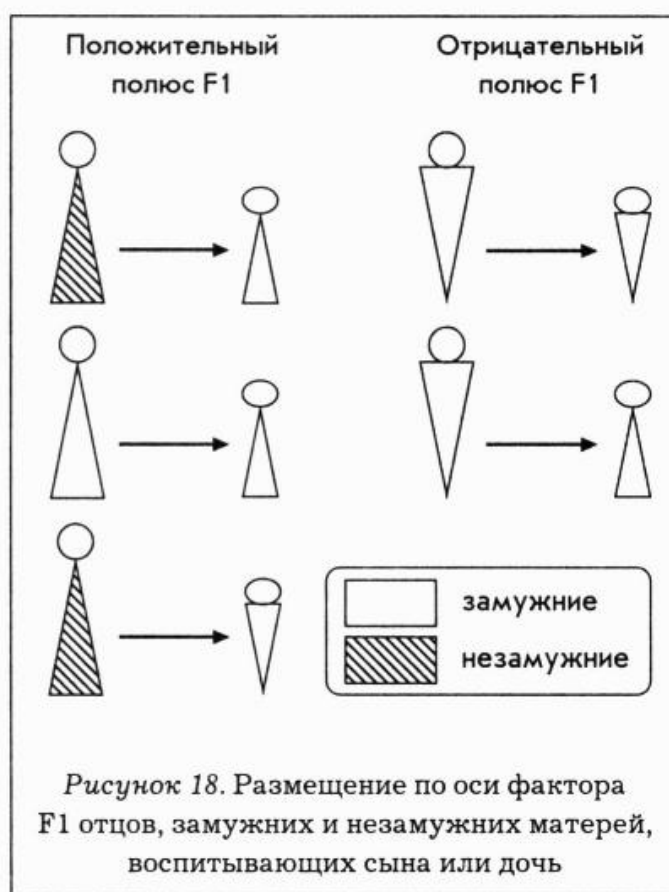
Совершенно другой смысловой конфликт обнаруживается, если мы обратимся к отрицательному полюсу. Здесь доминирующую весовую нагрузку занимает параметр, фиксирующий ориентацию на стиль родительского взаимодействия с ребенком, который предполагает равноправие позиций взрослого и ребенка. В то же время такому стилю взаимодействия по смыслу не соответствует мотивация применения наказаний, связанная с подчеркиванием доминирующей позиции взрослого, которая и характеризует данный полюс фактора. Иными словами, стилю взаимодействия, предполагающему равноправие позиций, явно противоречит мотивация применения наказаний. Таким образом, смысловой конфликт, характеризующий данный полюс фактора, состоит в расхождении установок на реализацию равноправных позиций при взаимодействии с ребенком, и в то же время мотивация контроля за поведением ребенка здесь связана с подчеркиванием доминирующей позиции взрослого.

Попытаемся кратко обобщить рассмотренные выше особенности положительного и отрицательного полюсов данного фактора. В целом положительный полюс характеризует ориентированность целевой структуры на развитие в ребенке способностей действовать в социально-стабильной и нормативно-определенной ситуации. При этом подобная ориентация не учитывает возможностей спонтанной активности ребенка. Отрицательный полюс, напротив, ориентирован на формирование способностей действовать в разнообразных и изменяющихся социальных ситуациях, требующих от ребенка волевых проявлений. При этом взрослый, предоставляя ребенку достаточную самостоятельность (ориентируясь, в частности, на равноправие позиций), в то же время контролирует его отступление от норм социального взаимодействия. В целом же данный фактор можно обозначить через оппозицию: «формирование способностей поведения в нормативно-определенной ситуации — формирование способностей поведения в нормативно-неопределенной ситуации».

Интерпретация данного фактора во многом проясняется, если мы обратимся к анализу особенностей размещения по оси данного фактора отцов мальчиков и девочек, замужних и незамужних матерей мальчиков и девочек (см. табл. 11). Как мы видим, на отрицательном полюсе данного фактора с высокими значениями сгруппировались отцы как мальчиков, так и девочек. На положительном же полюсе разместились незамужние и замужние матери девочек и незамужние матери мальчиков. Графически это можно выразить следующим образом (см. рис. 18.).

Как мы видим, отрицательный полюс характеризует воспитательную стратегию отца. Причем этот тип стратегии воспитания не зависит от пола ребенка. Как по отношению к мальчику, так и к девочке отец в целевом отношении ориентирован на фор-

мирование у ребенка социально-адаптивных способностей поведения в неопределенных ситуациях, используя при этом стиль равноправного партнерства и в то же время подчеркивая свою статусную позицию взрослого. Положительный полюс определяет материнскую стратегию поведения, причем она в большей степени характерна по отношению к девочкам. Ее придерживаются как замужние, так и незамужние матери. Стратегия эта в целевом плане ориентирована на формирование способностей поведения в стабильной нормативно фиксированной ситуации. При этом важно обратить внимание на то, что незамужние матери, воспитывающие сына, склонны придерживаться подобной стратегии, что существенно отличает их от замужних матерей, воспитывающих мальчиков. Иными словами, мы видим, что в ситуации неполной семьи мать по отношению к сыну склонна применять ту стратегию поведения, которая в целом характерна для материнской позиции при воспитании дочери. Таким образом, в ситуации неполной семьи мать склонна ориентироваться на воспитание в сыне способностей поведения в стабильных нормативно-определенных ситуациях. И в этом случае мальчик не испытывает воздействия особой линии родительского поведения, ориентированной на проявление его волевых качеств в социально-неопределенных ситуациях, родительской стратегии, предполагающей равноправие позиций «взрослый — ребенок».

Второй фактор F2 (вклад в суммарную дисперсию 26,9%):
«поддержание социально-статусной возрастной вертикали — поддержание активности и самовыражения ребенка».

Данный фактор, как и предыдущий, также имеет биполярную структуру:

- считаю, что детей не нужно наказывать, т.к. это может травмировать психику ребенка .92
- стиль воспитания — поддержание социально-статусной возрастной вертикали .89
- при взаимодействии со своим ребенком я открываю в себе много новых качеств .77

— при взаимодействии со своим ребенком я заново познаю окружающий мир	.77
— при взаимодействии с ребенком я испытываю сложности, которые превращаются в скандалы	.76
— я ставлю своего ребенка в угол	.73
— я бью своего ребенка	.70
— в виде наказания я лишаю ребенка общения с другими детьми	-.95
— при взаимодействии со своим ребенком я наполняюсь энергией	-.90
— развитие в ребенке умственных и интеллектуальных способностей	-.79
— стиль воспитания – поддержание активности и самовыражения ребенка	-.65
— в виде наказания я отказываюсь выполнить свое обещание	-.63
— при взаимодействии со своим ребенком я ощущаю себя счастливым человеком	-.58

При анализе данного биполярного фактора явно обращает на себя внимание оппозиция двух стилей воспитания. Положительный полюс ориентирован на поддержание при взаимодействии с ребенком социально-статусной возрастной вертикали, а отрицательный — на поддержание активности и самовыражения ребенка.

Заметим, что стиль родительского поведения, связанный с поддержанием социально-статусной возрастной вертикали (положительный полюс), коррелирует с применением разнообразных видов наказаний (постановка ребенка в угол, физические наказания), что подчеркивает стремление взрослого занять доминирующую позицию. При этом в явное противоречие вступает мнение родителей о том, что «детей не нужно наказывать, так как это может травмировать их психику». По сути дела, здесь обнаруживается особая «защитная реакция» самих родителей: наказывать-то, они наказывают, но так, чтобы «не травмировать ребенка».

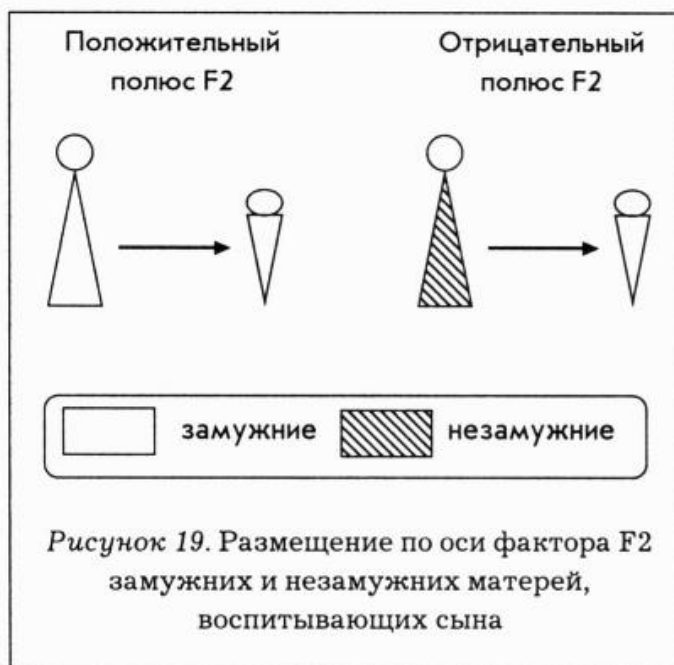
Продолжая анализ положительного полюса данного фактора, отметим также, что стилевая ориентация взаимодействия на поддержание социально-статусной возрастной вертикали особым образом характеризует самооценку родителями успешности своего взаимодействия с ребенком. Так, мы видим, что подобная стратегия в принципе оценивается родителями как неуспешная: «я испытываю сложности, которые превращаются в скандалы». Вообще же эмоциональная оценка успешности своего взаимодействия с ребенком крайне интересна и в данном случае выявляет особый тип внутреннего конфликта, характеризующего позицию взрослого. Так, ориентируясь в стилевом взаимодействии на социально-статусную возрастную вертикаль, применяя различные (достаточно жесткие) наказания, родитель «призна-

ется» в то же время в своей неуспешности. Наряду с этим мы видим, что данный полюс фактора определяют и позитивные эмоциональные состояния, такие, как: «я заново познаю окружающий мир», «я открываю в себе много новых качеств». Причем эти позитивные оценки скорее когнитивны, чем собственно эмоциональны. Таким образом, в целом ориентация на соблюдение социально-статусной возрастной вертикали отношений с ребенком связана не только с применением наказаний, подчеркивающих доминирующую позицию взрослого, но и с акцентированием внимания взрослого к когнитивным аспектам собственного развития.

И, наконец, характеризуя положительный полюс данного фактора, важно обратить внимание на то, что в данном случае в нем редуцированной оказывается собственно целевая структура стратегии воспитания. В отличие от предыдущего фактора здесь содержательные цели воспитания отсутствуют, а доминируют корреляционные связи именно стиля воспитания (взаимодействия) с разнообразными параметрами, определяющими фазу контроля.

Перейдем к содержательной характеристике отрицательного полюса данного фактора. Как мы уже отметили выше, он ориентирован на «поддержание активности и самовыражения ребенка». При этом «поддержание активности и самовыражения ребенка» тесно коррелирует с целевой ориентацией на развитие у ребенка умственных и интеллектуальных способностей. Заметим, что когнитивное развитие здесь касается именно самого ребенка, а не взрослого, как при характеристике положительного полюса фактора. Помимо этого, следует обратить внимание и на принципиально иной тип самооценки родителями успешности своего взаимодействия с ребенком. Здесь самооценка, в первую очередь, связана с позитивными эмоциональными состояниями: «я ощущаю себя счастливым человеком», «я наполняюсь энергией». Последний из отмеченных моментов крайне интересен. Действительно, как мы видим, поддержание активности ребенка связано и с особой *позитивной энергетикой*, характерной для состояний взрослого.

И, наконец, принципиально отличаются способы тех наказаний, которые используют родители, ориентирующиеся на «поддержание активности и самовыражения ребенка». В виде наказаний они лишают ребенка общения с другими детьми (ограничивают его активность) и отказываются выполнить свое обещание. На последний вид наказания стоит обратить специальное внимание. Выше мы уже охарактеризовали его как тот тип наказания, при котором для ребенка под угрозу ставится разрыв межличностных отношений с близким взрослым. Таким образом, если на положительном полюсе данного фактора сгруппированы виды наказаний, связанные с проявлением и подчеркиванием доминирующей позиции взрослого, что и обеспечивает реализацию стратегии на поддержание социально-статусной возрастной вертикали, то на отрицательном полюсе, ориентированном на стиль взаимодействия по поддержанию активности ребенка, в качестве

Как мы видим, замужние матери, воспитывающие мальчиков, имеют высокие значения на положительном полюсе данного фактора. Таким образом, в данном случае материнская стратегия воспитания ориентирована на поддержание социально-статусной возрастной вертикали и связана с использованием разнообразных видов наказаний, подчеркивающих доминирующую позицию взрослого. При этом подобная стратегия наталкивается на активное противодействие сына, что обуславливает возникновение конфликтов. Можно полагать, что в целом подобная ориентация замужней матери связана со стремлением зафиксировать свою иерархическую позицию в социальной структуре семейных отношений «отец — мать — сын».

Совершенно иная ситуация у незамужней матери при воспитании мальчика. Здесь мать принципиально отказывается от стиля взаимодействия, ориентированного на «поддержание социально-статусной возрастной вертикали» (поскольку отец отсутствует, то борьба за «промежуточный» статус в отношениях с сыном здесь не актуальна). В данном случае мать, напротив, ориентирована на «поддержание активности и самовыражения ребенка». Можно думать, что она пытается актуализировать в сыне именно «активную мужскую позицию». В определенном смысле это своеобразная гиперориентация на воспитание мужчины. При этом особый интерес представляет и отмеченный нами тип наказания, связанный с угрозой разрыва межличностных отношений. Можно думать, что здесь проявляет себя особый тип проекции: «угроза потери любви». Этот факт еще более усиливает своеобразие типа отношений «мать — сын», который складывается в неполной семье.

Третий фактор F3 (вклад в суммарную дисперсию 13,4%): «поддержание активности и самовыражения ребенка — авторитаризм».

наказаний выступают либо ограничение общения с другими детьми, либо угроза для ребенка разрыва межличностных отношений со взрослым.

Рассмотрев содержательные особенности положительного и отрицательного полюсов данного фактора, обратимся к размещению на его оси позиций отцов и матерей (см. табл. 11). Нетрудно заметить, что здесь явно поляризуются две позиции — замужних и незамужних матерей, воспитывающих мальчиков (см. рис. 19).

Данный фактор имеет биполярную структуру:

— при взаимодействии с ребенком я нервничаю и раздражаюсь	.91
— детей наказывать нужно, т.к. они должны соблюдать правила, принятые в обществе, семье	.71
— необходимо развивать умение достичь материального положения	.68
— стиль воспитания — поддержание активности и самовыражения ребенка	.68
— <u>развивать в ребенке социально-адаптивные способности</u>	<u>.55</u>
— стиль воспитания — авторитаризм	-.72
— развитие художественных способностей	-.70
— детей наказывать не нужно, т.к. ребенок должен сам понять, что хорошо, а что плохо	-.68
— детей наказывать нужно, т.к. это приучает их к дисциплине	-.67
— при взаимодействии с ребенком я испытываю сложности, которые превращаются в скандалы	-.60
— воспитание патриотизма	-.54

На первый взгляд, данный фактор достаточно близок к предыдущему фактору F2. Однако более детальный анализ структуры фактора F3 показывает, что содержательно он принципиально отличается от фактора F2.

Так, если мы обратимся к положительному полюсу данного фактора, то заметим, что стилевая ориентация взрослого на «поддержание активности и самовыражения ребенка» в факторе F3 коррелирует совершенно с иными переменными, чем в факторе F2. Так, в отличие от фактора F2, в данном случае «поддержание активности и самовыражения ребенка» связано не с развитием интеллектуальных способностей, а ориентировано на развитие эффективного социального взаимодействия ребенка (достижение социального статуса и развитие способностей к социальной адаптации). В этом отношении характерна и та мотивировка, которой оправдывают родители применение наказаний: «детей наказывать нужно, поскольку они *должны соблюдать правила*, принятые в семье, обществе». Таким образом, смысл применения наказаний содержательно коррелирует с целевой ориентацией взрослого на поддержание такой активности и самовыражения ребенка, которая направлена на эффективное социальное поведение, взаимодействие. Наконец, заметим, что данный стиль родительского поведения отличается и эмоциональной оценкой взрослых успешности своего взаимодействия с ребенком. Так, если в факторе F2 эти оценки носили явно позитивный характер, то здесь оценка негативна — «нервничаю, раздражаюсь». Это позволяет сделать вывод о том, что ориентация поведения взрослого на поддержание активности и самовыражения ребенка, связанная с его социальным поведением, достаточно часто, по-видимому, оказывается неуспешной

(ребенок «не соответствует» желаемым моделям социального поведения).

Таким образом, данный полюс фактора фиксирует совершенный особый тип стилевого поведения взрослого по поддержанию детской активности: эта активность должна быть ориентирована на формирование у ребенка эффективного социального поведения.

Особый интерес представляет и отрицательный полюс данного фактора. Его структура позволяет прояснить смысл авторитарного стиля поведения родителей при воспитании ребенка. Это важно для сопоставления авторитарной ориентации родителей с их ориентацией на поддержание социально-статусной возрастной вертикали. В этой связи отметим два достаточно принципиальных момента.

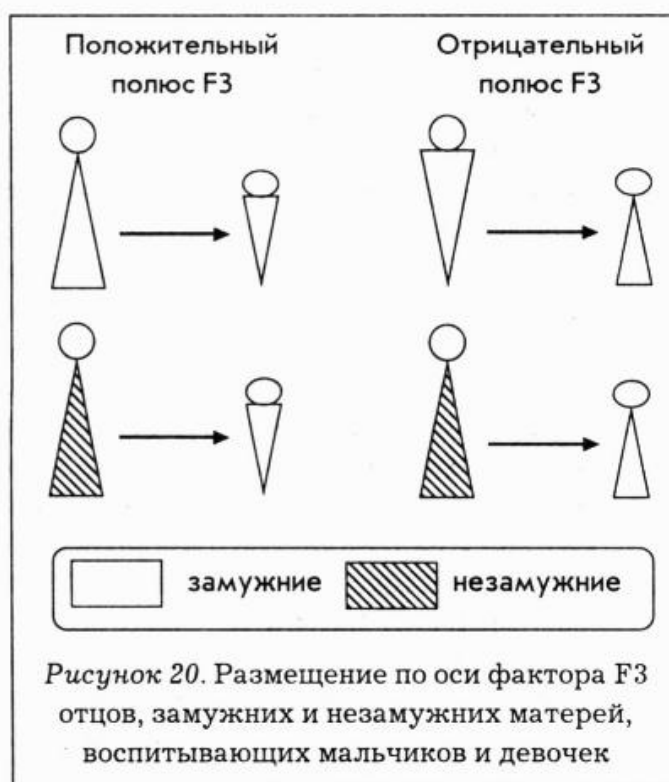
Во-первых, можно заметить, что в отличие от стиля, ориентированного на поддержание социально-статусной возрастной вертикали, который практически не коррелирует с какими-либо определенными целевыми задачами воспитания ребенка (см. положительный полюс фактора F2), авторитарный стиль воспитания, напротив, оказывается связанным с такими целями воспитания, как развитие художественных способностей и воспитание в ребенке патриотизма. Подобная корреляция выявляет ключевую особенность ориентации родителей на авторитарный стиль взаимодействия с ребенком. Можно полагать, что суть этой ориентации состоит в «идеологической направленности». Причем основная оппозиция, по-видимому, здесь задается дихотомией «хорошо — плохо». Можно думать, что целевая ориентация на развитие художественных способностей связана не только (или скорее не столько) с собственно творческими способностями (развитием воображения, фантазии и т.д.), сколько с «приобщением» ребенка к искусству. И в этой связи, по-видимому, стоит обратить внимание на особый «дидактизм» использования художественных произведений, когда акцент ставится на морально-нравственной, этической оценке поведения персонажей художественных произведений («Кроха-сын к отцу пришел и спросила Кроха: «Что такое хорошо, что такое плохо?»). На подобный «дидактизм» искусства для детей указывали многие детские писатели (здесь уместно вспомнить Л. Толстого, К. Чуковского, С. Маршака, А. Барто и др.). Понятно, что эти авторы не сводили искусство для детей к банальному морализаторству. Для них центральным оказывалась этическая коллизия, выраженная именно в художественной форме. Однако стоит подчеркнуть, что именно моральная оценка оказывается весьма существенной при восприятии ребенком искусства. Так, например, проведенный в свое время Л.С. Выготским анализ восприятия детьми басен выявил особое расхождение в понимании ими поступков персонажей и самой морали басен А.Крылова. Заметим, что сам по себе момент формирования морального сознания на данном возрастном этапе развития можно рассматривать как один из центральных (Ж.Пиаже, Л.С. Выготский, Д.Б.Эльконин, С.Г.Якобсон, В.Г.Щур, Е.О.Смирнова и др.). И в этом отношении

важно отметить, что авторитарная стилевая ориентация при взаимодействии взрослого с ребенком, по-видимому, характеризует особую позицию взрослого, когда он оценивает поведение и поступки ребенка в нормах морально «допустимого/недопустимого». Иными словами, здесь акцент ставится на принятии моральной («идеологической») позиции взрослого. Добавим, что авторитарный стиль поведения, связанный с подобной позицией, подтверждается и его корреляцией с целевой ориентацией на «воспитание в ребенке патриотизма».

Таким образом, авторитарный стиль взаимодействия с ребенком содержательно ориентирован на целевые задачи морального развития. В этом отношении он принципиально отличается от ориентации на поддержание социально-статусной возрастной вертикали, где собственно содержательные целевые установки развития ребенка отсутствуют, а доминируют корреляционные связи с разнообразными видами используемых наказаний. Стиль взаимодействия и контроль за поведением ребенка оказываются здесь «оторванными» от содержательных целевых задач воспитания.

Во-вторых, авторитарный стиль оказывается не связанным с различными видами и формами наказаний. И в то же время он содержательно коррелирует не столько с использованием наказаний, сколько с мотивировками их применения: «приучение к дисциплине», «ребенок должен сам понять, что хорошо, а что плохо». По сути дела, связь с подобными мотивировками еще раз подтверждает высказанное нами предположение о том, что авторитарный стиль взаимодействия ориентирован на реализацию особой «идеологической» позиции взрослого при взаимодействии с ребенком («что хорошо, а что плохо»), — позиции, ориентированной на моральное развитие ребенка.

Обобщая анализ структуры данного фактора, мы можем сделать вывод о том, что заданная в нем оппозиция «поддержание активности и самовыражения — авторитаризм» содержательно задает две разных направленности в воспитании ребенка. Один полюс (отрицательный) характеризует ориентацию на моральное развитие, другой же (положительный) — на социальную успешность во взаимодействии. В этой связи особый интерес представляет размещение по оси данного фактора отцов, замужних и незамужних матерей мальчиков и девочек (см. рис. 20).

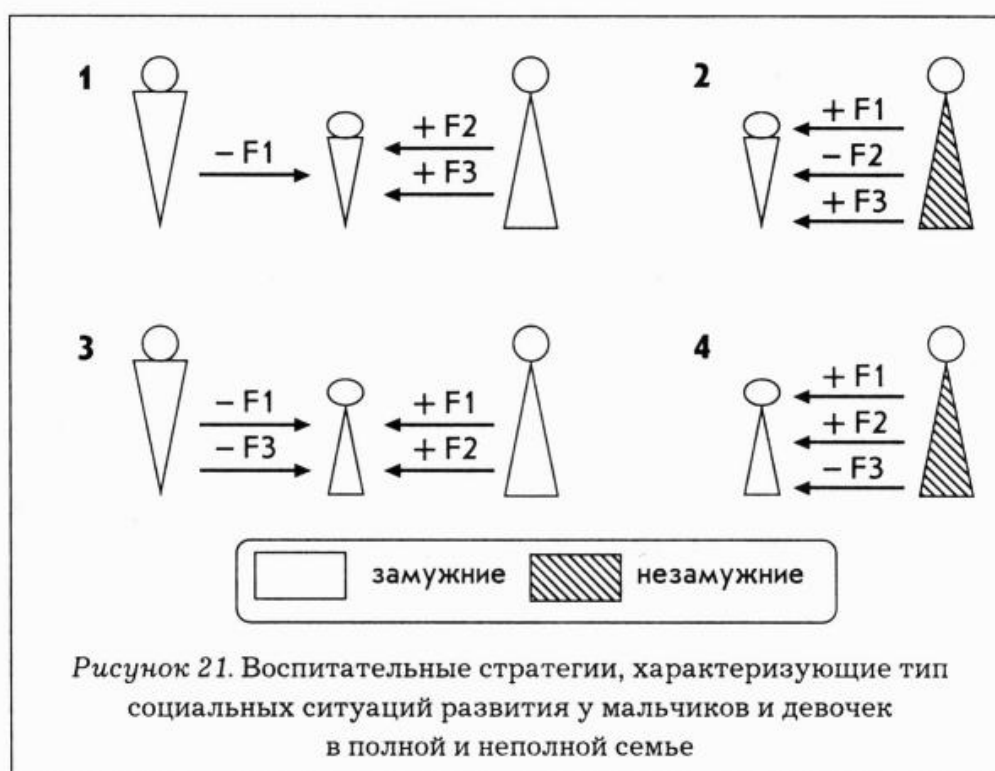

Как можно заметить, данный фактор поляризует родительские воспитательные стратегии в зависимости от *пола ребенка*. Так, на положительном полюсе, характеризующем стратегию по поддержанию активности и самовыражения ребенка, разместились с высокими значениями замужние и незамужние матери, воспитывающие мальчиков. Это свидетельствует о том, что данная стратегия, ориентированная на социальное достижение ребенка, реализуется, как правило, матерями по отношению к сыновьям. На отрицательном же полюсе разместились отцы и незамужние матери, воспитывающие девочек. Таким образом, авторитарная стратегия (ориентированная на развитие морального сознания), как правило, реализуется родителями в отношении девочек. Причем характерно, что незамужняя мать в данном случае реализует ту же стратегию, что и отец в полной семье при воспитании дочери; именно по этому параметру она принимает на себя отцовскую позицию.

Анализ семейных социальных ситуаций развития ребенка. Итак, мы рассмотрели структуру трех выделенных биполярных факторов. По сути дела, каждый из факторов, задавая определенные содержательные оппозиции, характеризует и особые фокусировки стратегий родительского поведения, которые описываются соответствующим полюсом того или иного фактора. Заметим, что в ряде случаев мы прослеживаем явную связь целей и стилей родительского взаимодействия с ребенком. В других — более выраженной оказывается взаимосвязь исполнительской фазы воспитательной стратегии и фазы контроля. Причем размещение по осям данных факторов в одном случае задает оппозицию между отцовской и материнской позициями (фактор F1). В другом дифференцирует воспитательные стратегии замужних и незамужних матерей по отношению к сыну (фактор F2). И, наконец, в третьем случае (фактор F3) дифференцирующим основанием родительской стратегии оказывается пол самого ребенка. Иными словами, именно семейная полоролевая структура оказалась тем глубинным фактором, который позволил нам выделить содержательно различные типы родительских воспитательных стратегий.

В то же время проведенный анализ позволяет нам сделать следующий шаг, направленный на характеристику собственно социальной ситуации развития ребенка в семье. Для этого мы должны проинтерпретировать родительские стратегии воспитания с *позиции ребенка*, выделив в качестве единицы анализа различные ситуации. С этой целью рассмотрим, какие стратегии преимущественно проявляются по отношению к мальчику и девочке со стороны родителей в полной и неполной семье. На рисунке 21 на основе анализа размещений значений отцов и матерей по осям выделенных трех факторов схематично представлены доминирующие воспитательные стратегии в каждой из четырех ситуаций: 1 — мальчик в полной семье, 2 — мальчик в неполной семье, 3 — девочка в полной семье, 4 — девочка в неполной семье.

Рассмотрим последовательно каждую из обозначенных четырех ситуаций.

Ситуация 1 — мальчик в полной семье. Как мы видим, в ситуации полной семьи со стороны отца по отношению к сыну реализуется стратегия равноправия, ориентированная на развитие в ребенке способностей к социальной адаптации («умение приспосабливаться к любым условиям и разным коллективам»). Активность со стороны отца направлена на развитие у мальчика волевых и физических качеств, а также вежливости и уважения к старшим. При этом мотивация, определяющая характер контроля за поведением ребенка со стороны отца, направлена на то, чтобы сын, во-первых, постоянно чувствовал этот контроль, а во-вторых, уважал позицию взрослого. Подчеркнем, что в данном случае стилевой особенностью взаимодействия со стороны отца по отношению к сыну является ориентация на предоставление ребенку возможности быть *равноправным* членом семьи.

Иначе проявляется влияние со стороны матери. Здесь явно выражены две тенденции. Первая связана с реализацией стратегии поддержания социально-статусной возрастной вертикали. При этом важно обратить внимание на то, что именно мать, реализуя подобную стратегию по отношению к ребенку, осуществляет в отличие от отца разнообразные виды наказаний (постановка в угол, физические наказания). С реализацией подобной стратегии связаны и конфликты с ребенком («сложности, которые превращаются в скандалы»). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что при воспитании сына именно мать в ситуации полной семьи ориентирована на выстраивание социально-статусных ролевых отношений. Напомним, что мать в ситуации воспитания сына стремится выделить свой особый статус в иерархии семейных социально-ролевых позиций «отец — мать — сын».

Вторая особенность, характерная для материнской позиции, касается реализации стратегии по поддержанию активности

и самовыражения ребенка. Заметим, что эта ориентация, как и в отцовской позиции, в целевом отношении связана с развитием у ребенка социального поведения («умение приспосабливаться к любым условиям и разным коллективам»). Но, помимо этого, данная стратегия предусматривает и достижение социального успеха. Причем реализация подобной стратегии при взаимодействии с сыном часто оценивается матерью эмоционально негативно («нервничаю, раздражаюсь»).

Таким образом, мы видим, что со стороны матери по отношению к сыну в ситуации полной семьи проявляются две достаточно противоречивых и порой амбивалентных стратегии: одна — на поддержание семейных социальных статусов; другая — на поддержание детской активности и самовыражения. Причем реализация обеих этих стратегий сопровождается негативными переживаниями матери. Можно полагать, что именно этим двум типам стратегий активно противостоит сам ребенок, что и вызывает конфликт. Отец же (и это, на наш взгляд, крайне важно подчеркнуть) оказывается в бесконфликтной ситуации.

Обсуждая стратегии, реализуемые отцом и матерью по отношению к сыну в ситуации полной семьи, важно отметить, что в данном случае мы характеризуем семейную социальную ситуацию развития мальчика пяти-шестилетнего возраста. Напомним, что это возраст инфантильной сексуальности (фаллическая стадия развития по З. Фрейду), когда оформляется эдипов комплекс. По классическому психоаналитическому описанию, сын испытывает «влечение к матери, стремление к физической близости». Соперником здесь, естественно, является отец, что «порождает ненависть к отцу и желание его смерти». Однако, как мы видим (см. рис. 21, схема 1), сам отец не расценивает свое поведение с сыном как «соперничество», а наоборот, он демонстрирует «равноправие», стимулируя проявление волевых и физических качеств. Барьеры же «провоцирует» сама мать, выстраивая иерархию социально-ролевых семейных статусов. Причем (и это важно еще раз подчеркнуть), определяя эти статусы, мать берет на себя и исполнение санкций наказания и мотивирует это необходимостью соблюдения ребенком общепринятых норм и правил. Так подтверждается положение А. Фрейда о том, что «мать является для ребенка не только объектом любви, но и законодателем».

Продолжая характеристику особенностей данного возрастного этапа развития, важно обратить внимание на то, что здесь одним из принципиальных моментов является развитие *инициативы*. Именно так характеризует эту стадию психо-социального развития Э. Эриксон: «ребенок на основе автономности иницирует самостоятельные формы активности». Заметим, что на проявление инициативы ребенка направлены как стратегии отца (равноправие, развитие волевых качеств), так и матери (поддержание активности и самовыражения ребенка). И в этой связи можно сделать вывод о том, что в ситуации полной семьи на эту психологическую особенность, характерную для данного возрастного этапа, ориентированы стратегии при воспитании мальчика

как со стороны отца, так и со стороны матери. Однако если отец реализует установку на поддержание детской активности на уровне целевых задач воспитания (применяя тактику равноправия), то мать в большей степени склонна именно к непосредственному поддержанию активности ребенка.

Обобщая анализ ситуации использования воспитательных стратегий отцом и матерью по отношению к сыну в ситуации полной семьи, выделим два наиболее существенных, с нашей точки зрения, момента. Первый из них касается традиционного сюжета инфантильной сексуальности (эдипова комплекса). Как мы показали выше, сам отец не демонстрирует в отношении сына своего социально-статусного превосходства, напротив, он склонен к равноправию и стимуляции у ребенка волевых проявлений. Фиксирует же внимание на социально-статусном неравенстве в иерархии семейных отношений именно мать, беря на себя и осуществление санкций по применению наказаний. Фактически мать, с одной стороны, фиксирует социальную иерархию отношений, а с другой — ориентирует ребенка на социальные достижения. При этом она испытывает в ходе общения с ребенком негативные эмоциональные переживания, и можно полагать, что подобный тип поведения вызывает особые аффективно-симбиотические переживания и у сына.

Второй момент связан с ориентацией обоих родителей на поддержание детской инициативы. Подобная ориентация отвечает и специфике данного возрастного этапа развития. Но мать и отец реализуют подобную установку по-разному. Отец задает ее как цель воспитания, мать же склонна в большей степени «идти от самого ребенка», поддерживая его активность. При этом характерно, что формы контроля подобной активности обуславливаются и разными типами мотивации. Так, отец, контролируя активность ребенка, склонен апеллировать к авторитету взрослого. Мать же — к общепринятым нормам. И в этом отношении мы можем, по всей видимости, говорить о разных уровнях формирующейся у ребенка структуры его Супер-Эго: уровне, основанном на уважении к родительской позиции (отцовское влияние) и уровне, основанном на необходимости соблюдения общепринятых правил (материнское влияние).

Ситуация 2 — мальчик в неполной семье. Как видно из рисунка 21, социальная ситуация у мальчика, растущего в неполной семье, имеет принципиально иной характер. Здесь воспитательные воздействия идут лишь со стороны матери. В этой связи заметим, что воздействие на сына, фиксируемое фактором F3, у незамужней матери не отличается от стратегии замужней матери. Иными словами, незамужняя мать также ориентирована на стиль взаимодействия, связанный с поддержанием активности и самовыражения ребенка. Причем поддержание активности направлено на достижение социального успеха и формирование способностей эффективного социально-адаптивного поведения («умение приспосабливаться к меняющимся условиям и разным коллективам»). Реализуя подобную установку, мать, применяя

наказания, ориентирована на необходимость соблюдения ребенком правил, принятых в семье и обществе. Характерно, что реализация подобной стратегии порой наталкивается на сопротивление со стороны ребенка и вызывает у незамужней матери негативные эмоциональные переживания («нервничаю, раздражаюсь»). Подчеркнем еще раз, что эта самостоятельная линия в стратегии воспитания сына, реализуемая незамужней матерью по отношению к сыну, та же, что и у замужней матери.

Совершенно иная ситуация обнаруживается относительно стратегии воспитания, которая характеризуется фактором F2. Здесь мы наблюдаем своеобразную инверсию, когда стратегия, обозначенная положительным полюсом фактора F2 у замужней матери, меняется у незамужней на противоположную, характеризующую отрицательным полюсом данного фактора. Данная стратегия, как и стратегия, определяемая фактором +F3, характеризует стиль поведения, направленный на поддержание активности и самовыражение ребенка. Однако в отличие от фактора F3 в целевом отношении она ориентирована на развитие умственных и интеллектуальных способностей. Отличительной особенностью этой стратегии выступают следующие два аспекта. Один касается мотивации применения наказаний. Эти наказания связаны с ограничением общения с другими детьми и отказом ребенку выполнить свое обещание. Иными словами, в отсутствие отца мать, наказывая сына, склонна ставить под угрозу как возможность его общения с другими (выход из круга внутрисемейного общения), так и обозначать возможность разрыва межличностных отношений с ребенком. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что подобная стратегия строится на культивировании тесной аффективной симбиотической связи «мать — ребенок». И в этом отношении она противоположна стратегии на поддержание социально-статусной возрастной вертикали, которую реализует мать при воспитании сына в полной семье. Другой аспект связан с позитивными эмоциональными переживаниями, которыми мать характеризует свое общение с сыном («наполняюсь энергией», «ощущаю себя счастливым человеком»). Подчеркнем, что такие эмоциональные переживания противоположны тем, которые возникают при реализации стратегии +F3 («нервничаю, раздражаюсь»). В этой связи можно сделать вывод о том, что при воспитании сына в неполной семье мать испытывает амбивалентные эмоциональные переживания. Важно отметить, что мать, воспитывающая сына в неполной семье, проецирует на него эмоциональные переживания, которые могут объясняться отсутствием мужчины в семье («наполняюсь энергией»).

И, наконец, отметим третий весьма существенный момент, который касается реализации стратегии воспитания, характеризующейся фактором +F1. В отсутствие отца при воспитании сына мать реализует этот тип воспитательной стратегии. Заметим, что отец при воспитании сына в полной семье придерживается противоположной стратегии -F1. На наш взгляд, это обстоятельство крайне интересно. Так, если мы обратимся к рисунку 18, то заметим, что стратегия +F1 реализуется матерями, воспитыва-

вающими дочь, как в полной, так и в неполной семье. В этом отношении можно думать, что данный тип стратегии вообще характерен для материнской позиции. Он «подавляется» у матерей лишь в том случае, когда происходит воспитание сына в полной семье. Можно полагать, что при воспитании сына в полной семье отец своеобразно табуирует («подавляет») использование матерью подобной стратегии. Напомним, что смысл данной стратегии задается целевыми ориентациями, связанными с воспитанием в ребенке аккуратности, дисциплинированности, исполнительности, воспитанием в нем отзывчивости, доброты и милосердия, вежливости и уважения к старшим. Перечисленные качества в традиционалистском понимании задают выраженные феминные характеристики, которые и должны культивироваться у девочки. Присутствие отца в ситуации полной семьи табуирует культивацию этих феминных качеств у мальчика (он должен быть волевым, физически развитым и т.д.). В отсутствие же отца, мать, как мы видим, актуализирует стратегию воспитания, которая направлена на формирование у сына «феминных» личностных характеристик. Иными словами, она проецирует на ребенка собственные женские качества, собственный опыт. Заметим, что использование данной стратегии наталкивается на сопротивление со стороны самого сына. В этой связи не случайно, на наш взгляд, что в структуру данного фактор +F3 с высокой нагрузкой входит и такой параметр, как «не могу справиться со спонтанной активностью ребенка». Иными словами, реализуемая матерью стратегия, связанная с формированием в сыне собственно «женских» качеств с использованием «мягкой» стратегии контроля («не наказываю»), вступает в конфликт с активностью ребенка, которая оценивается матерью как «спонтанная активность».

В целом проведенный анализ социальной ситуации воспитания сына в неполной семье характеризует сложную и весьма противоречивую картину, которая принципиально отличается от воспитания мальчика в полной семье. По сути дела, лишь один тип стратегии оказывается схожим у замужних и незамужних матерей. Это стратегия на поддержание детской активности, связанной с социальным достижением и социальной адаптацией. В то же время социальная ситуация взаимодействия «мать — сын» в неполной семье крайне противоречива и амбивалентна. Так, явно обнаруживает себя аффективная связь «мать — сын», когда культивируются позитивные эмоциональные переживания и в то же время под угрозу ставится разрыв межличностных отношений. Мать как бы «замыкает» на себя ребенка и ищет в нем эмоциональную («мужскую») поддержку и параллельно с этим стратегия воспитания в целевом отношении ориентирована на формирование в ребенке «феминных» личностных качеств.

Ситуация 3 — девочка в полной семье. В содержательном смысле здесь социальная ситуация взаимодействия родителей с ребенком существенно отличается от рассмотренных выше. Первое, на что следует обратить внимание, — это реализация

отцом и матерью двух противоположных воспитательных стратегий, определяемых фактором F1. Действительно, как мы видим (см. рис. 21), отец реализует по отношению к дочери воспитательную стратегию, которая по стилю взаимодействия предполагает равноправие, а в целевом плане ориентирована на воспитание волевых качеств и на формирование способностей к социально-адаптивному поведению. Данная стратегия характеризуется отрицательным полюсом фактора (-F1). В этом плане отец реализует по отношению к дочери ту же стратегию, что и по отношению к сыну. В то же время мать ориентирована при воспитании дочери на прямо противоположную стратегию, которая определяется положительным полюсом фактора (+F1). Данная стратегия предполагает воспитание в дочери таких качеств, как аккуратность, дисциплинированность, отзывчивость, милосердие. Таким образом, мы видим, что по отношению к дочери в логике общей структуры данного фактора F1 мать и отец ориентированы на реализацию «противоположных» стратегий воспитания. Если говорить точнее, их стратегии находятся в отношении «полоролевой дополненности». Отец реализует «мужскую» линию воспитания, мать — «женскую». В этой связи заметим, что при обсуждении особенностей воспитания мальчика в неполной семье мы отмечали, что отсутствие отца актуализирует проявление матерью подобной же установки. Однако при воспитании сына в полной семье, как мы видим (см. рис. 18), проявление стратегии воспитания, характерной для положительного полюса данного фактора (+F1) отсутствует (отец в ситуации воспитания сына табуирует проявление подобных воспитательных тенденций со стороны матери). В ситуации же воспитания девочки эта стратегия актуализируется и становится достаточно значимой. В целом же, обобщая полученные данные, можно сделать вывод о том, что в ситуации воспитания девочки в полной семье оказываются достаточно явно выраженными противоположные полоролевые стратегии воспитания у матери и отца по линии «феминность — маскулинность».

Заметим, что в ситуации полной семьи мать также реализует и тип стратегии, направленной на поддержание социально-статусной возрастной вертикали (+F2), которая предполагает осуществление наказаний ребенка. Таким образом, в ситуации полной семьи подобная позиция оказывается инвариантной для матери как при воспитании дочери, так и при воспитании сына. Иными словами, мать берет на себя функцию сохранения социально-статусных отношений в семье.

И, наконец, мы видим, что при воспитании дочери отец реализует стратегию, характеризующуюся отрицательным полюсом фактора F3. Причем этот тип стратегии не просто актуализируется, но и оказывается доминирующим. Напомним, что данная стратегия предполагает авторитарный стиль отношений с ребенком и по своему смыслу связана с «идеологическими» задачами воспитания, в основе которых лежит фиксация моральных оценок: «что хорошо и что плохо». Реализация подобной стратегии связана с негативными переживаниями («при воспитании ребенка

я испытываю сложности, которые превращаются в скандалы»). Таким образом, важным моментом для характеристики позиции отца при воспитании дочери (в отличие от воспитания сына) является актуализация авторитарной стратегии воспитания.

В этой связи, на наш взгляд, стоит продолжить сопоставление ситуаций воспитания сына и дочери в полной семье. Действительно, при воспитании сына авторитарная позиция отца оказывается невыраженной. Более того, здесь со стороны матери реализуется противоположная стратегия, направленная на поддержание активности и самовыражения ребенка (+F3), которая предполагает формирование способностей к социальной адаптации и стремлений к социальному достижению. В ситуации же воспитания дочери отец «подавляет» проявление матерью подобной линии в ее воспитательной стратегии. Таким образом, сопоставляя две ситуации воспитания сына и дочери в полной семье, мы обнаруживаем принципиальные различия, характеризующие матрицу социальных взаимодействий родителей с ребенком. Так, при воспитании сына отцом табуируется проявление со стороны матери стратегии, ориентированной на воспитание «феминных» качеств (аккуратность, дисциплинированность, доброта, отзывчивость, милосердие). При воспитании же дочери «подавляется» совершенно иная линия воспитательной стратегии матери, та, которая связана с поддержанием активности ребенка, ориентированной на социальные достижения. По сути дела, эти целевые задачи берет на себя при воспитании дочери отец, поскольку указанные аспекты содержательно связаны со структурой отрицательного полюса фактора F1 (волевые качества и социальная адаптация входят с высокими весовыми нагрузками в отрицательный полюс фактора F1).

На наш взгляд, выявленная логика табуирования различных линий в стратегиях воспитания у матери в полной семье в зависимости от пола ребенка крайне интересна. Инвариантной здесь оказывается лишь стратегия, направленная на поддержание социально-статусной возрастной вертикали (+F2). Остальные же типы стратегий достаточно существенно трансформируются и перераспределяются между супругами в зависимости от пола ребенка.

Помимо отмеченных, крайне интересным оказывается аспект, который касается негативных эмоциональных переживаний родителей, возникающих при взаимодействии с собственным ребенком. Частично мы его уже затрагивали, отмечая специфику негативных переживаний матери при реализации ею стратегии, направленной на поддержание социально-статусной возрастной вертикали. Подобные переживания проявляются в ситуации воспитания как сына, так и дочери. В то же время, следует обратить внимание на характерные различия в переживании негативных состояний отцов и матерей, которые определяются фактором F3. Так, можно заметить, что мать фиксирует подобные негативные состояния при воспитании сына (+F3 — «нервничаю, раздражаюсь»), а отец при воспитании дочери (–F3 — «испытываю сложности, которые превращаются в скандалы»). Иными словами,

родители испытывают особые негативные состояния при воспитании ребенка противоположного пола, что, в свою очередь, может свидетельствовать о сложностях понимания ими смысловой позиции ребенка противоположного пола.

Ситуация 4 — девочка в неполной семье. Социальная ситуация воспитания девочки в неполной семье также имеет ряд характерных особенностей. Если обратиться к рисунку 21, то мы заметим, что две стратегии воспитания, реализуемые незамужней матерью по отношению к дочери, идентичны тем, которые реализует и мать при воспитании дочери в полной семье. Одна из них — стратегия, характеризующаяся положительным полюсом фактора F1 (+F1 — ориентация на воспитание «феминных» качеств); другая — воспитательная стратегия, определяемая положительным полюсом фактора F2 (+F2 — поддержание социально-статусной возрастной вертикали). Таким образом, относительно реализации этих двух стратегий отсутствие отца при воспитании дочери не оказывает какого-либо существенного влияния.

Принципиальный же интерес представляет стратегия, определяемая отрицательным полюсом фактора F3 (авторитарные отношения с ребенком, ориентированные на развитие морально-нравственной сферы в модальностях «хорошо — плохо»). Обращаясь к рисунку 18, где представлена структура социальной ситуации воспитания девочки в полной семье, можно заметить, что подобную воспитательную стратегию в ситуации полной семьи реализует не мать, а именно отец по отношению к дочери. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что при отсутствии супруга мать деформирует свою традиционалистскую воспитательную позицию, восполняя линию отцовского поведения по отношению к дочери. Если в полной семье авторитарную стратегию по отношению к девочке использует отец, то в ситуации неполной семьи именно этот тип поведения актуализируется матерью (мать по данному параметру «идентифицирует» себя с отцом).

На наш взгляд, подобная деформация материнской позиции характеризует своеобразие общей социальной ситуации развития девочки в неполной семье. Действительно, если обратиться к позиции матерей, воспитывающих мальчиков, то мы заметим, что стратегия, определяемая фактором F3, ориентирована здесь на противоположный положительный полюс, который предполагает поддержание активности и самовыражения ребенка, формирование у него как установок на социальное достижение, так и способностей к социально-адаптивному поведению. При воспитании же девочек в полной семье подобная стратегия матери подавляется отцом, и он берет эти функции на себя. Таким образом, при характеристике социальной ситуации воспитания девочки в неполной семье, по сути дела, оказывается вырожденной и никак не проявляет себя родительская стратегия, ориентированная на поддержание активности и самовыражения ребенка.

В целом же ситуация выглядит следующим образом. Мать в целевом плане ориентирована на воспитание в дочери «феминных» качеств и использует стиль воспитания, направленный

на поддержание социально-статусной возрастной вертикали, реализуя различные виды наказаний. При этом обратим внимание, что в отсутствие отца социально-статусная вертикаль оказывается ориентирована на поддержание собственного статуса матери. Параллельно с этим, мать реализует авторитарную стратегию по отношению к дочери, восполняя тем самым отсутствие отца в семье. Таким образом, мы видим, что в ситуации неполной семьи дочь в целом оказывается под влиянием жесткого контролирующего поведения матери. И, более того, следует обратить специальное внимание на то, что в отличие от воспитания сына в неполной семье, где мы отмечаем амбивалентность позитивных и негативных эмоциональных переживаний у матери, в ситуации воспитания девочки в отсутствие отца у матери доминируют негативные эмоциональные характеристики: «не могу справиться со спонтанной активностью (+F1)», «испытываю сложности, которые превращаются в скандалы» (+F2, -F3).

Итак, мы рассмотрели четыре ситуации, связанные с воспитанием мальчиков и девочек в полных и неполных семьях. Пожалуй, основной вывод, который можно сделать на основе проведенного выше анализа данных, связан с обнаруженным нами влиянием полоролевой структуры семьи на реализацию родительских воспитательных стратегий. По своему содержанию все четыре социальные ситуации в социальном плане оказываются принципиально различными, если мы предпринимаем попытку реконструировать их смысловой контекст именно с позиции ребенка. При этом стоит обратить внимание на четыре достаточно существенных, с нашей точки зрения, момента.

Первый из них касается табуирования и редуцирования тех или иных воспитательных линий поведения родителей в зависимости от полноты семьи и пола ребенка. Так, например, при воспитании мальчика в полной семье отец табуирует целевые установки со стороны матери, предполагающие развитие в ребенке «феминных» качеств (в матери «подавляется» линия поведения, характеризуемая полюсом первого фактора +F1).

Второй момент связан с обнаруженным нами феноменом «дополни-

тельности» воспитательных стратегий со стороны отца и матери. В частности, этот феномен отчетливо проявился при воспитании дочери в полной семье относительно стратегии поведения, характеризуемой фактором F1. Здесь, как мы видим, в ситуации полной семьи мать реализует «феминную» стратегию поведения (+F1), а отец ориентирован на формирование волевых и физических качеств, развитие способностей к социальной адаптации (-F1).

Третий — связан с феноменом идентификации, принятием незамужней матерью отцовской позиции при воспитании дочери. Этот феномен отчетливо проявляется при анализе линии поведения, определяемой отрицательным полюсом третьего фактора (-F3). Как мы видим, при воспитании девочки одинокая мать реализует ту линию воспитательной стратегии, которая характерна и для отца при воспитании дочери в полной семье. В данном случае мать склонна реализовывать авторитарный стиль воспитания, ориентированный на моральные оценки, задаваемые семантической оппозицией «хорошо — плохо». Заметим, что этот момент идентификации с позицией отца характерен именно для матери при воспитании дочери в неполной семье и принципиально отличается от той позиции,

которой придерживается мать при воспитании сына (при воспитании сына реализуется противоположная линия поведения, характеризуемая положительным полюсом третьего фактора (+F3). Иными словами, феномен идентификации с позицией отца связан с определенной инверсией воспитательных функций.

Наконец, сам вопрос об инверсии функций, которые характеризуют материнскую позицию, в принципе, можно обозначить как особый четвертый момент, определяющий основные результаты нашего исследования. Он отчетливо проявляется при сравнении материнской стратегии воспитания мальчика и девочки в неполной семье. Действительно, мы видим, что в данном случае трансформируется не только характер воспитательной стратегии, определяемый фактором F3, при воспитании девочки, но также происходит инверсия материнской стратегии воспитания, определяемая фактором F2, при воспитании сына одинокой матерью. Мать ориентируется на развитие умственных и интеллектуальных способностей ребенка, реализуя стиль поведения, направленный на поддержание активности и самостоятельности ребенка, акцентируя внимание на угрозе разры-

ва межличностных отношений с сыном. Выше этот момент мы характеризовали как эмоциональную амбивалентность отношений одинокой матери с сыном. Здесь же нам важно обратить внимание именно на феномен инверсии.

Завершая раздел, вернемся к нашей исходной посылке, которая определяла цель проведенного нами факторного анализа полученных эмпирических материалов. Первоначально эта цель была связана с желанием выделить типы различных воспитательных стратегий. Однако материалы анализа показывают, что в выделенных нами четырех ситуациях различные стратегии весьма своеобразно сочетаются между собой. Иными словами, реализуется не какая-то одна стратегия, задаваемая соответствующим фактором, а весьма специфичный комплекс, сочетающий между собой различные факторы. И в этом отношении, по-видимому, имеет смысл говорить не столько о воспитательных стратегиях, сколько о воспитательных комплексах. Сами же факторы скорее можно характеризовать как определенные направленности воспитательных стратегий, сочетающие целевые, исполнительные и контролирующие аспекты родительского поведения.

Глава III

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

В отличие от предыдущих двух глав, которые были посвящены ценностным ориентациям и воспитательным стратегиям родителей детей дошкольного возраста, здесь мы попытаемся рассмотреть особенности их отношения к ребенку под иным углом зрения. При этом основной акцент будет поставлен на изучении содержательной специфики самой ситуации семейного воспитания. Подобный подход, реализуемый в рамках социокультурных представлений, предполагает уделить особое внимание различным видам деятельности, которые осуществляют родители при воспитании детей-дошкольников. Первым шагом в нашем анализе будет рассмотрение особенностей распределения общего бюджета времени родителей и, в частности, тому, какое место здесь занимает их общение с собственным ребенком. Второй сюжет посвящен определению значимости тех конкретных видов деятельности (занятий), которые осуществляют родители по развитию своего ребенка. И, наконец, третий связан как с анализом нормативных представлений родителей о своих основных обязанностях по воспитанию ребенка, так и с их ориентациями на передачу ребенку собственных знаний и умений.

В ходе анализа полученных материалов мы, как и в предыдущих главах, попытаемся оценить влияние различных демографических и социально-стратификационных факторов на ответы родителей. При этом подчеркнем еще раз: основная цель подобного анализа связана с попыткой выделить различные социокультурные тенденции, определяющие своеобразие ситуации семейного воспитания ребенка старшего дошкольного возраста.

3.1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БЮДЖЕТА ВРЕМЕНИ РОДИТЕЛЕЙ

Для выяснения особенностей бюджета времени в ходе опроса родителям задавался специальный вопрос. Их просили указать, сколько времени в день в среднем они обычно тратят на работу, хозяйственные дела, общение с ребенком, просмотр телепередач, чтение книг и периодических изданий. Общие средние данные по распределению времени на эти виды деятельности родителями детей дошкольного возраста приведены в таблице 12.

Как видно из приведенных в таблице данных, в среднем на работу отцы тратят больше времени, чем матери (в пересчете

Таблица 12. Распределение ежедневного бюджета времени родителей детей дошкольного возраста на основные виды деятельности (часы)

	родители N=941	отцы N=334	матери N=607
работа	6,9	7,5	6,7
общение с ребенком	2,7	2,2	2,9
хозяйственные дела	2,7	1,7	3,0
просмотр телевизионных передач	2,0	2,2	1,9
чтение периодики, книг	1,4	1,3	1,4

на минуты ежедневно примерно на 50 минут больше). Несколько дольше отцы смотрят и телевизионные передачи. В то же время чтению книг и периодики матери и отцы отводят примерно одинаковое время. Наиболее же существенные различия между матерями и отцами обнаружены относительно двух видов деятельности: «хозяйственные дела» и «общение с ребенком». Так, матери детей дошкольного возраста ежедневно уделяют хозяйственным делам примерно на 1 час 20 минут больше времени, чем отцы. Больше времени тратят матери и на общение с ребенком: ежедневно примерно на 40 минут больше.

Исходя из общих задач нашей работы, на последнем моменте стоит остановиться подробнее. Действительно, на первый взгляд различия в 40 минут не столь уж значимы. Однако, если мы обратимся к распределению бюджета времени самого ребенка, посещающего детский сад, то заметим, что общий резерв «активного времени», который у него имеется на ежедневное общение в семье (исключая сон и посещение детского сада) составляет около 5 часов. От этих 5 часов отмеченные различия в 40 минут составляют уже 13% времени. Дальше уже «элементарная арифметика»: в неделю мать общается с ребенком на 1 день больше, чем отец; в месяц на 4 дня больше; в год на 48 дней. Иными словами, в течение года реально матери в среднем общаются со своими детьми на полтора месяца больше, чем отцы.

В целом же приведенные данные недвусмысленно показывают, что современная семья ориентирована на традиционалистскую модель: мужчина больше работает, поддерживая семью материально; на женщину ложится нагрузка по уходу за домом и воспитанию ребенка.

Представленные в таблице данные характеризуют общую картину распределения времени родителей. Между тем важно рассмотреть и то, как влияют на бюджет времени демографические и социально-стратификационные факторы.

Так, если мы сравним замужних и незамужних матерей, то обнаружим, что в среднем на работу незамужняя мать тратит гораздо больше времени — 7,3 часа (замужняя — 6,6 часа). Таким образом, мы видим, что незамужняя мать на работу тратит прак-

тически столько же времени, сколько и отец. Это еще раз подтверждает факт существенной трансформации родительской позиции незамужней матери. Подобная рабочая нагрузка, по сути дела, деформирует и всю структуру бюджета свободного времени незамужней матери. Действительно, на хозяйственные домашние дела она тратит существенно меньше времени по сравнению с матерью, состоящей в браке, соответственно: 2,3 часа и 3,0 часа (примерно на 40 минут меньше ежедневно). Можно предположить, что это уменьшение времени связано с тем, что незамужняя мать не тратит времени на «обслуживание» мужа. Однако заметим, что незамужняя мать тратит гораздо меньше времени и на общение с собственным ребенком — 2,4 часа (замужняя мать — 2,9 часа). Таким образом, ежедневно незамужняя мать тратит на общение с собственным ребенком на полчаса меньше по сравнению с замужней. Практически это та же разница во времени, которую мы обсуждали выше, сравнивая отцов и матерей. И в этом отношении можно повторить приведенную выше схему рассуждений, сделав при этом вывод о том, что по сравнению с замужней матерью, незамужняя мать в течение года уделяет на полтора месяца меньше времени активному общению со своим ребенком дошкольного возраста. И, наконец, добавим, что по сравнению с замужними матерями незамужние матери уделяют меньше времени и своему культурному досугу: чтению, просмотру телепередач. Этот факт в какой-то степени может свидетельствовать о тенденции культурной маргинализации незамужних матерей.

Помимо этого, стоит обратить внимание и на момент, связанный с продолжительностью ежедневного общения матери с ребенком в зависимости от его пола. В предыдущей главе, обсуждая воспитательные стратегии и своеобразие социальной ситуации воспитания мальчика в неполной семье, мы отмечали сложность эмоциональных переживаний во взаимодействии «мать — сын» в неполной семье, которые связаны с противоречивыми, амбивалентными чувствами, которые испытывает мать по отношению к сыну. Совершенно неожиданно для нас при сравнении бюджета времени незамужних матерей, которое они тратят на общение с ребенком в зависимости от его пола, мы обнаружили, что незамужняя мать, воспитывающая сына, тратит значительно меньше времени по сравнению с замужней матерью, воспитывающей мальчика, соответственно: 2,3 часа и 3,2 часа (сравнение же замужних и незамужних матерей, воспитывающих девочек, показывает, что здесь время, затрачиваемое на общение с ребенком, практически одинаково, соответственно: 2,7 часа и 2,5 часа). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что при воспитании мальчика в неполной семье принципиально изменяется общий тип воспитательной стратегии, реализация этой стратегии происходит в реальном дефиците времени, по сравнению со временем, которое уделяет мать при воспитании сына в полной семье. Реальная разница во времени ежедневного общения с сыном у замужних и незамужних матерей составляет почти час (54 минуты). В перерасчете на год, согласно приведенной выше схеме, это составляет

разницу в бюджете активного времени общения с ребенком-дошкольником в два месяца!

Если полнота/неполнота семьи в целом существенно деформирует продолжительность общения матери с ребенком, то уровень образования матерей не оказывает здесь какого-либо влияния. Параллельно заметим, что не сказывается и уровень образования отца на продолжительность его ежедневного общения со своим ребенком. В то же время материальный статус играет здесь заметную роль. Так, отцы и матери из среднеобеспеченного слоя уделяют общению со своим ребенком заметно больше времени по сравнению с родителями из недостаточно обеспеченного слоя, соответственно: отцы 2,3 часа и 1,9 часа; матери — 3,0 часа и 2,6 часа.

И, наконец, важно обратить внимание и на фактор возраста родителей. Особенно явно различия относительно времени общения с ребенком проявляются у отцов. Так, у отцов в возрасте 21–26 лет средняя продолжительность ежедневного общения с ребенком составляет 2,6 часа, а в возрастной когорте 36–36 лет — 1,9 часа. Таким образом, мы видим, что молодые отцы гораздо более интенсивно общаются со своим ребенком по сравнению с отцами старшей возрастной когорты. На наш взгляд, этот момент немаловажен, поскольку позволяет зафиксировать существенные различия в интенсивности общения с ребенком в молодой семье, что определенным образом характеризует более тесную связь молодых родителей с маленькими детьми.

При анализе бюджета времени родителей детей дошкольного возраста мы уделили особое внимание рассмотрению вопроса об интенсивности (продолжительности) их ежедневного общения со своими детьми. Полученные данные, на наш взгляд, имеют принципиальное значение. Во-первых, они еще раз подтверждают сохранение в целом ориентаций на традиционалистскую полоролевую модель семьи. Во-вторых, следует обратить внимание на принципиальные различия в продолжительности общения со своим ребенком замужних и незамужних матерей. При этом подчеркнем, что особенно явно дефицит общения проявляется при воспитании сына незамужней матерью. Иными словами, реализуемая ею воспитательная стратегия осуществляется в совершенно ином временном режиме общения с ребенком. В-третьих, интерес представляют данные о возрастных различиях в интенсивности общения родителей со своим ребенком, что позволяет сделать вывод о стилевых особенностях воспитания ребенка-дошкольника молодыми и пожилыми родителями

3.2. РЕБЕНОК И СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

Данный раздел посвящен анализу семейного досуга. Основное внимание здесь мы уделим тем видам деятельности, на основе которых разворачивается общение родителей со своими детьми. Помимо этого, мы рассмотрим также особенности посещения

родителями вместе ребенком различных культурных центров. На наш взгляд, этот момент достаточно важен, поскольку характеризует не только культурные ориентации семьи, но и сам выход ребенка вместе с родителями в более широкое социокультурное пространство, что в существенной степени определяет своеобразие «расширения его социальной среды» в дошкольном возрасте.

Отвечая на вопрос о том, как родители проводят свободное время дома со своими детьми, лишь 4,5% указали на дефицит времени: «к сожалению, у меня не остается свободного времени на ребенка». Подчеркнем, что отцы подобные ответы дают гораздо чаще (9%), чем матери (2,0%; различия статистически значимы на уровне .00001). На наш взгляд, эти данные крайне важны, поскольку показывают, что практически каждый десятый отец (и здесь важно отметить, что мы опрашивали не «разведенных» отцов, а тех, кто состоит в браке и живет с ребенком) фиксирует, что у него реально нет «свободного» времени на своего ребенка.

Остальные же родители отмечали разнообразные виды деятельности: чтение книг, просмотр телевизора, совместные игры, привлечение ребенка к домашней работе. Эти виды деятельности весьма распространены среди родителей, и каждую из них отмечает более половины опрошенных. При этом заметим, что относительно предпочтения различных видов совместной с ребенком деятельности матери и отцы существенно отличаются. Остановимся подробнее на каждом из перечисленных видов деятельности.

Чтение книг. Так, матери по сравнению с отцами чаще указывают на то, что в свободное время они предпочитают читать своему ребенку книжки, соответственно: 77,0% и 47,1% (различия статистически значимы на уровне .00001). Вполне понятно, что на выбор подобной формы проведения досуга оказывает влияние уровень образования родителей. И, действительно, если среди матерей с высшим образованием на чтение книг ребенку в свободное время указывает 84,2%, то среди матерей со средним образованием — 69,0% (различия статистически значимы на уровне .003); среди отцов соответственно: 55,9% и 33,3% (различия статистически значимы на уровне .008). В то же время показательно, что уровень материального благополучия не оказывает здесь какого-либо заметного влияния. Иными словами, и бедные, и среднеобеспеченные, и высокообеспеченные родители в равной степени отдают предпочтение чтению книг со своими детьми.

Просмотр телепередач. Иная ситуация возникает, если мы обратимся к совместному просмотру телепередач. Несмотря на то, что по данным наших социологических опросов в целом мужчины уделяют больше времени просмотру телепередач (В. С. Собкин, П. С. Писарский, 1994; помимо этого сошлемся также и на материалы предыдущего раздела о бюджете времени родителей), однако при ответе на вопрос о совместном просмотре передач с детьми каких-либо различий между отцами и матерями дошкольников не обнаружено. В целом 60,0% родителей указали, что обычно в свободное время они смотрят с ребенком телевизор.

Причем в отличие от чтения книг, подобную форму проведения досуга с ребенком предпочитают родители с более низким уровнем образования. Так, среди матерей со средним образованием совместный с ребенком просмотр телепередач отмечает 63,1%, а с высшим — 57,3% (различия статистически значимы на уровне .04); соответственно среди отцов: 72,9% и 54,5% (различия статистически значимы на уровне .02). В то же время, как и в случае с чтением книг, уровень материальной обеспеченности не оказывает здесь какого-либо существенного влияния.

Привлечение ребенка к домашней работе. Каждый второй из родителей (50,2%) указывает на то, что в свободное время, занимаясь с ребенком, он старается привлечь его к домашней работе. Понятно, что подобные ответы заметно чаще дают матери, чем отцы, соответственно: 59,1% и 34,2% (различия статистически значимы на уровне .00001). Более детальное рассмотрение полученных материалов позволяет обратить внимание на два момента.

Во-первых, анализ показывает, что для замужних матерей существенную роль в привлечении детей к домашней работе играет пол ребенка. Замужние матери чаще привлекают своих дочерей к подобному виду деятельности, чем незамужние матери, воспитывающие сына, соответственно: 63,3% и 50,0% (различия статистически значимы на уровне .03). В то же время среди незамужних матерей здесь не обнаружено каких-либо различий: как дочь, так и сын в равной степени привлекаются незамужней матерью к домашней работе. Таким образом, мы видим, что если в полной семье проявляется полоролевая дифференциация относительно приобщения матерью ребенка к работе по дому, то незамужняя мать не склонна к подобной дифференциации. Возможно, что зафиксированные в данном случае отход от полоролевой дифференциации по привлечению ребенка к домашней работе обусловлен трансформацией собственной позиции незамужней матери, вынужденной брать на себя выполнение мужских функций по поддержанию семейного быта. И в этом отношении можно предположить, что, выполняя подобные «мужские функции» по домашней работе, она привлекает к их выполнению и своего сына.

Во-вторых, следует отметить, что если относительно данного вида деятельности не обнаруживается каких-либо различий между отцами с низким и высоким уровнем образования, то среди матерей уровень их образования играет заметную роль. Так, матери с высшим образованием по сравнению с теми, кто имеет среднее образование, стараются чаще привлекать своего ребенка к работе по дому, соответственно: 63,7% и 52,4% (различия статистически значимы на уровне .0001). Причем эти различия наиболее явно обнаруживаются при воспитании сына. Так, среди матерей со средним образованием привлекают ребенка к домашней работе 42,1%, а с высшим — 63,9% (различия статистически значимы на уровне .01). В принципе за этими различиями можно усмотреть тенденцию проявления феминных установок у матерей с высшим образованием. Действительно, факт привлечения сына к домашней работе в какой-то степени можно рассматривать и как отход от традиционалистской полоролевой модели.

Игра с ребенком. И, наконец, особый интерес представляет такой вид деятельности, как совместная игра родителей со своим ребенком. На данный вариант ответа указали 56,0% родителей. Причем интересно, что отцы отмечают его заметно чаще, чем матери, соответственно: 60,1% и 53,7% (различия статистически значимы на уровне .04). При этом характерно, что пол ребенка в целом не оказывает здесь какого-либо влияния: как матери, так и отцы в равной степени проявляют внимание к игре со своим сыном или дочерью. В то же время уровень образования и здесь выступает в качестве дифференцирующего фактора. Так, родители с высшим образованием гораздо чаще отмечают совместную игру с ребенком как форму проведения совместного досуга по сравнению с родителями, имеющими среднее образование, соответственно: среди отцов 68,3% и 37,5% (различия статистически значимы на уровне .0002); среди матерей 61,1% и 45,2% (различия статистически значимы на уровне .01).

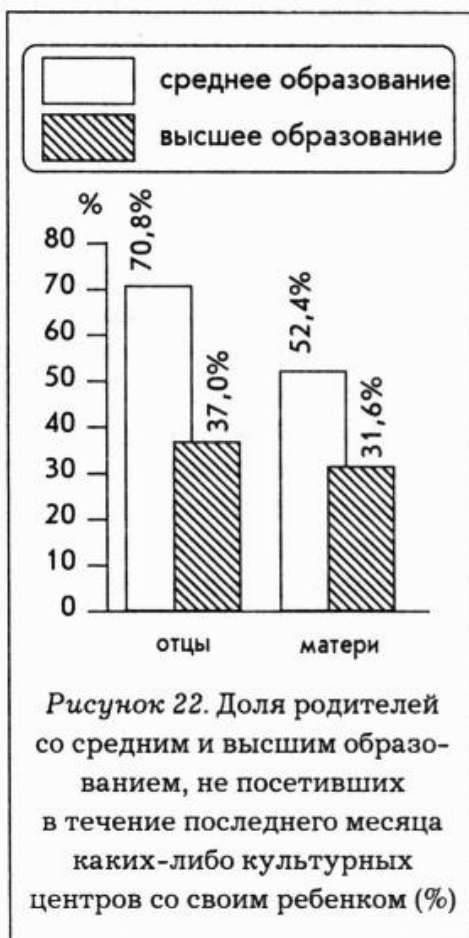
Обобщая приведенные выше данные, на наш взгляд, стоит обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, уровень образования родителей, как мы видим, оказывает последовательное влияние, дифференцируя мнения родителей практически относительно всех предложенных вариантов ответов на данный вопрос (относительно различных видов совместной деятельности родителей и детей). Таким образом, уровень образования является ключевым фактором, дифференцирующим содержание и стиль семейного общения родителей со своими детьми.

Во-вторых, полоролевые позиции матери и отца существенно отличаются, фиксируя их разные ориентации на формы проведения досуга с ребенком. При этом весьма значимую роль играет пол ребенка. Особенно явно это проявилось относительно такой формы деятельности, как привлечение ребенка к домашней работе. Именно здесь обнаружилось влияние трансформации полоролевой позиции незамужней матери при воспитании сына и обозначилось действие феминных установок у матерей с высшим образованием.

И в то же время, несмотря на отмеченные моменты, в целом можно сделать вывод о высокой степени инвариантности содержания семейного досуга при общении родителей с детьми дошкольного возраста.

Продолжая анализ досуга семьи, обратимся к ответам родителей на другой вопрос, который касается их совместного с ребенком посещения различных культурных центров (цирка, театра, концертов, выставок). Как мы отмечали, предваряя данный раздел, этот аспект важен, поскольку он характеризует своеобразие «расширения социальной среды» ребенка-дошкольника.

Полученные материалы показывают, что в течение месяца перед проведением нашего опроса, почти половина родителей (44,8%) «не посетила с ребенком каких-либо культурных центров». Характерно, что этот ответ отцы дают заметно чаще, чем матери, соответственно: 52,0% и 40,6% (различия статистически значимы на уровне .0004). Сравнение же ответов замужних и незамужних матерей показывает, что незамужние матери по сравнению

Следует отметить, что в данном случае существенную роль играет также и уровень образования родителей, и материальный статус семьи. На рисунке 22 приведены данные о тех родителях с разным уровнем образования, кто не посетил со своим ребенком в течение последнего месяца каких-либо культурных центров.

Приведенные на рисунке различия между родителями со средним и высшим образованием статистически значимы на уровне .001. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что уровень образования родителей играет принципиальную роль в организации совместного досуга ребенка и взрослого. Родители с высоким уровнем образования не только чаще реализуют разнообразные виды совместной деятельности со своим ребенком дома, но и стремятся уже в раннем детстве привить ему навыки посещения разнообразных культурных центров.

Помимо уровня образования, существенную роль играет и материальный статус семьи. Так, среди родителей из среднеобеспеченного слоя заметно ниже по сравнению с малообеспеченными доля тех, кто не был в течение месяца со своим ребенком в цирке, в театре, на концерте или на выставке соответственно: 41,8% и 50,2% (различия статистически значимы на уровне .01). Подобные различия вполне объяснимы. Сегодня обеспечить досуг ребенка достаточно дорого и часто просто не «по карману» для родителей из слабых социальных страт.

Завершая этот раздел, стоит обратить внимание и на популярность посещения родителями различных культурных центров вместе со своими детьми. Так, около трети (30,6%) посетили

с замужними уделяют совместному с ребенком посещению культурных центров большее внимание. Так, среди незамужних матерей доля тех, кто «не посетил» с ребенком в течение последнего месяца каких-либо культурных центров, составляет 30,4%, а среди замужних таких заметно больше — 42,5% (различия статистически значимы на уровне .04). Подобная разница в ответах, на наш взгляд, вполне объяснима, поскольку замужняя мать вынуждена уделять большее внимание поддержанию домашнего хозяйства, общению с мужем и т.п. В свою очередь, для незамужней матери сам выход с ребенком «за пределы дома», возможно, играет особую роль как способ расширения круга собственного социального общения или как ее способ компенсации недостаточного внимания к своему ребенку в будние дни (в повседневной жизни). В этом смысле характерно, что незамужняя мать, воспитывающая дочь, заметно чаще ходит вместе с ней на концерты и в театры.

со своим ребенком за последний месяц театр или концерт. Каждый пятый (20,9%) был в цирке. Менее популярно посещение выставок, их отметил каждый десятый среди родителей (11,9%).

В целом приведенные в этом разделе данные позволяют выделить два основных фактора — образовательный уровень родителей и полнота семьи, которые в наибольшей степени дифференцируют содержательные особенности структуры семейного досуга при воспитании ребенка-дошкольника.

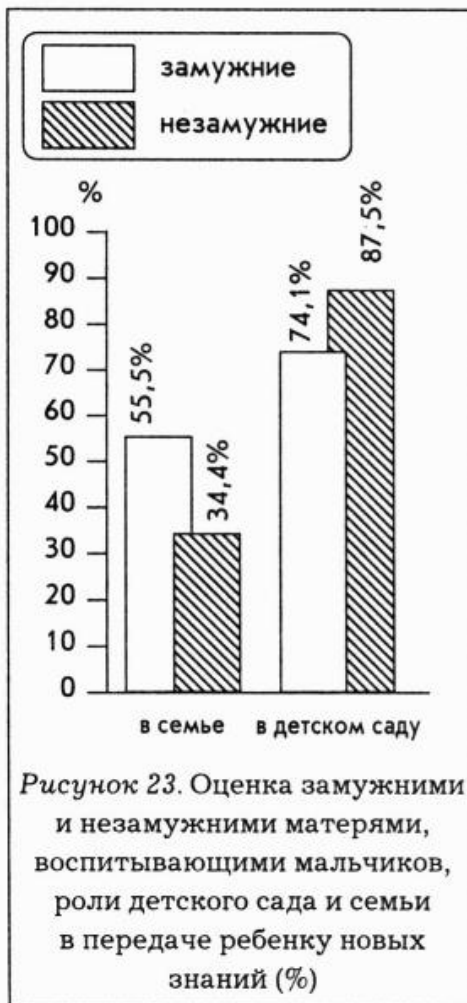
3.3. РОЛЬ СЕМЬИ В ПЕРЕДАЧЕ РЕБЕНКУ КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА

В этом разделе мы проанализируем ответы родителей на три вопроса. Первый направлен на оценку значимости тех источников информации, откуда ребенок, по мнению родителей, получает новые знания. Это позволяет оценить видение родителями места семьи и детского сада в общей структуре информационной среды ребенка старшего дошкольного возраста. Второй вопрос связан с анализом ответов родителей относительно тех обязанностей, которые, с их точки зрения, наиболее важны при воспитании ребенка. В определенном смысле ответы на него характеризуют нормативные представления родителей об основных родительских задачах по воспитанию и развитию личности ребенка. И, наконец, третий посвящен изучению установок родителей на передачу ребенку собственного практического опыта, «своих умений».

Структура информационной среды. В ходе опроса мы просили родителей указать те источники информации, откуда, с их точки зрения, ребенок преимущественно получает новые знания.

Ответы родителей показывают, что явный приоритет они отдают занятиям в детском саду. На это указали 74,0% родителей. На втором по значимости месте стоит семья — 54,4%. Далее следуют в порядке убывания: «книги» — 23,9%, «общение со сверстниками» — 19,9% и «средства массовой коммуникации» — 13,4%. Таким образом, в целом можно сделать вывод о том, что два социальных института — детский сад и семья — являются, по мнению родителей, основными источниками получения ребенком новых знаний. Иными словами, именно непосредственное общение взрослых (воспитателей и родителей) с ребенком является, по мнению самих родителей, основным каналом трансляции новых знаний. На наш взгляд, важно и то, что значительное число родителей (практически каждый пятый) высоко оценивает развивающую роль детской среды — общения ребенка со сверстниками. Эти моменты важно подчеркнуть, поскольку в целом опосредованные формы общения (книги и СМИ), по мнению родителей, явно уступают формам непосредственного социального взаимодействия в обогащении «багажа знаний» ребенка старшего дошкольного возраста.

Рассмотрим более детально полученные данные. Анализ материалов показывает высокое сходство в ответах отцов и матерей.

оценивать позитивную роль семьи, соответственно: 34,4% и 55,5% (различия статистически значимы на уровне .02). Подчеркнем еще раз, что при воспитании дочери подобного резкого снижения роли семьи у незамужних матерей не обнаруживается. Более того, именно незамужние матери, воспитывающие девочек, гораздо чаще указывают на то, что их ребенок в семье получает новые знания — 64,4% (различия между незамужними матерями, воспитывающими мальчиков, и незамужними матерями, воспитывающими девочек, статистически значимы на уровне .01).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в ситуации воспитания мальчика в неполной семье существенно деформируется характер информационной среды ребенка-дошкольника и, по оценкам самих незамужних матерей, в этом случае семья резко снижает свой информационный (образовательный и воспитательный) потенциал. Можно предположить, что в данном случае мать не восполняет отсутствие той своеобразной информации, которая транслируется от отца к сыну. По-видимому, здесь вообще правомерно поставить вопрос о наличии определенных содержательных информационных пластов, которые могут быть транслированы ребенку-дошкольнику исключительно в рамках «мужской матрицы» социально-ролевых взаимодействий. При этом интересно, что подобный феномен влияния пола проявляется уже в старшем дошкольном возрасте. (Заметим, что для более старших возрастов этот момент доста-

Можно лишь отметить, что матери по сравнению с отцами чаще указывают на позитивную роль детского сада (соответственно: 77,5% и 67,4%; различия статистически значимы на уровне .001) и чтения книг (соответственно: 27,2% и 17,7%; различия статистически значимы на уровне .0006) в развитии ребенка.

Более существенные различия выявились при сравнении ответов замужних и незамужних матерей. Следует подчеркнуть, что принципиальное значение здесь имеет пол ребенка. Так, если при сравнении ответов замужних и незамужних матерей, воспитывающих девочек, мы практически не обнаруживаем между ними каких-либо существенных различий в оценке значимости различных источников информации, то при сравнении матерей, воспитывающих мальчиков, статистически значимые различия явно обозначились. Причем характерно, что эти различия касаются оценки именно роли семьи и детского сада (см. рис. 23).

Как мы видим, незамужние матери, воспитывающие сыновей, по сравнению с замужними, склонны гораздо ниже

точно очевиден. В качестве примера здесь можно привести табуирование определенных тем при общении с представителями противоположного пола.)

Продолжая анализ, уместно в данном случае вернуться и к материалам предыдущей главы, где мы детально рассмотрели особенность социальной ситуации воспитания мальчика в неполной семье. Напомним, что эта ситуация характеризуется не только аффективно-симбиотической связью «мать — ребенок», но и актуализацией незамужней матерью линии поведения по формированию у сына «феминных» личностных характеристик. Подобная линия поведения, в свою очередь, наталкивается на явное сопротивление со стороны сына, что и проявляется в ответах незамужних матерей, фиксирующих, что они часто «не могут справиться со спонтанной активностью ребенка». По-видимому, подобные трудности во взаимодействии с сыном и переносятся незамужней матерью на оценку собственной эффективности по передаче ему новых знаний. Подчеркнем, что подобная деформация ситуации семейного воспитания сына в неполной семье ведет параллельно к явному повышению среди незамужних матерей, как мы видим (см. рис. 23), и информационной значимости общественной системы воспитания — роли детского сада.

В то же время, следует еще раз отметить, что отсутствие отца при воспитании дочери, наоборот, усиливает значимость, по мнению незамужней матери, роли семейного воспитания в передаче ребенку новых знаний. В этой связи можно полагать, что в данном случае усиливается интенсивность общения в рамках «женской матрицы» социально-ролевых взаимодействий «мать — дочь». Более того, для понимания повышения среди незамужних матерей значимости информационной роли семьи при воспитании девочки стоит также обратиться к материалам предыдущей главы, где охарактеризована специфика социального взаимодействия «мать — дочь» в ситуации неполной семьи. Напомним, что мать в данном случае реализует авторитарную стратегию по отношению к дочери, восполняя тем самым отсутствие отца в семье. По-видимому, подобная деформация традиционалистской материнской позиции при воспитании девочки и связана с повышением у матери оценки значимости семьи (т.е. собственной роли) в передаче дочери новых знаний.

Помимо рассмотренного выше фактора, связанного с семейным статусом (полнота/неполнота семьи), на оценку родителями значимости различных источников информации в передаче ребенку новых знаний оказывают влияние и социально-стратификационные характеристики. Подчеркнем, что основная роль здесь принадлежит уровню образования. Так, среди родителей с высшим образованием существенно выше доля тех, кто отмечает позитивное влияние семьи. Среди отцов с высшим образованием указывают на то, что именно в семье их ребенок получает новые знания 62,8%, а среди отцов со средним образованием таких 41,7% (различия статистически значимы на уровне .008); среди матерей — соответственно: 61,5% и 45,2% (различия статистически значимы на уровне .01).

Таким образом, мы видим, что высокий образовательный уровень родителей явно повышает оценку ими значимости роли семьи в передаче ребенку новых полезных знаний. При этом характерно, что высокий образовательный уровень родителей не оказывает какого-либо существенного влияния на переоценку (ни на повышение, ни на снижение) значимости роли детского сада по передаче ребенку новых знаний. И в то же время значимость непосредственно информационных каналов — СМИ и книг — существенно меняется. Так, отцы с высшим образованием по сравнению с отцами, имеющими среднее образование, гораздо чаще отмечают позитивную роль средств массовой информации, соответственно: 18,6% и 6,3% (различия статистически значимы на уровне .04). У матерей же их более высокий уровень образования связан с явным повышением значимости роли книг: среди матерей с высшим образованием на роль книг, как источника новых для ребенка знаний, указывают 35,9%, а среди матерей со средним образованием — 20,2% (различия статистически значимы на уровне .0001). Приведенные данные показывают, что уровень образования действительно является тем существенным фактором, который дифференцирует мнения родителей при их оценке значимости для их ребенка различных источников информации. Более того, можно полагать, что сама информационная среда детей дошкольного возраста в разных по образованию культурных стратах отличается по своей структуре.

В то же время детальный анализ полученных в ходе исследования материалов свидетельствует, что другие социально-стратификационные характеристики семьи (такие, как материальное положение семьи, многодетность и пр.) не оказывают какого-либо существенного влияния на оценку родителями значимости различных источников информации для их ребенка. Это позволяет сделать вывод о том, что именно образовательный статус семьи оказывается решающим фактором культурной дифференциации информационного пространства ребенка дошкольного возраста.

Родители о своих обязанностях по воспитанию ребенка. При характеристике особенностей семейного воспитания вопрос о том, в чем видят сами родители свои основные обязанности по воспитанию ребенка, представляет, на наш взгляд, специальный интерес. Заметим, что в предыдущей второй главе (см. раздел 1.2.1.) мы выясняли мнение родителей о тех личностных качествах, которые они стремятся воспитать в своем ребенке. Наряду с этим практически вся вторая глава была посвящена анализу родительских воспитательных стратегий (целям, задачам, стилям взаимодействия и контроля). В данном же случае нас в большей степени интересует мнение родителей о тех конкретных навыках и умениях, которые они стараются сформировать у своего ребенка. В определенном смысле этот сюжет, безусловно, содержательно связан с рассмотренной выше проблематикой целей воспитания. Однако подчеркнем, что вопрос здесь ставится не столько о целевых ориентациях родителей по развитию тех или иных личностных качеств, сколько, повторимся, о задачах по форми-

рованию знаний и умений. При этом акцент в предложенных вариантах ответов на вопрос ставился на характеристике родителями направленности собственного поведения.

Как показывают ответы родителей, одной из основных задач, определяющих круг их обязанностей, является формирование у ребенка самостоятельности. Научить ребенка «быть самостоятельным» в качестве основной своей обязанности отмечают 62,1% родителей. Второй важной обязанностью, по их мнению, является забота о физическом здоровье ребенка. Сюда относятся и моменты, касающиеся организации режима дня: «вовремя накормить, положить спать и т.п.». На это указывает 57,9% родителей. При этом заметим, что матери включают этот аспект в круг своих основных родительских обязанностей существенно чаще, чем отцы, соответственно: 61,6% и 51,5% (различия статистически значимы на уровне .003). Третью позицию по частоте ответов занимает воспитание в ребенке морально-нравственных качеств. Подчеркнем еще раз, что в данном случае ответ касается именно родительской «обязанности», а не тех целевых аспектов развития личности, которые родители стремятся воспитать в своем ребенке (развитие морально-этической сферы, интеллектуальной, эмоциональной и пр.). На этот момент указали 55,6% родителей. Причем, как и в предыдущем случае, относительно обязанности по обеспечению физического здоровья ребенка, данный аспект матери указывают чаще, чем отцы, соответственно: 60,7% и 47,0% (различия статистически значимы на уровне .0001). На четвертой по значимости позиции находится передача ребенку своих знаний и умений — 43,5%.

Остальные же обязанности, такие, как игра с ребенком, приучение его к дисциплине, обучение письму и чтению, отметил каждый третий из опрошенных родителей, соответственно: 33,9%, 35,8% и 32,9%. Характерно, что здесь распределение частоты ответов относительно этих обязанностей среди отцов и матерей практически одинаковы. Отметим лишь, что матери по сравнению с отцами чаще фиксируют в качестве своей основной обязанности обучение ребенка письму и чтению, соответственно: 37,3% и 25,4% (различия статистически значимы на уровне .0001).

В целом же приведенные данные фиксируют не только значимость (рейтинг) различных родительских обязанностей по воспитанию ребенка, но и то, что матери по сравнению с отцами чаще включают в круг своих обязанностей такие моменты, как забота о физическом здоровье ребенка, воспитание у него морально-нравственных качеств, обучение ребенка-дошкольника письму и чтению. Это позволяет еще раз отметить, что в ответах родителей явно прослеживается ориентация на сохранение традиционалистской полоролевой модели, когда забота о воспитании ребенка в большей степени лежит на матери, чем на отце.

Теперь обратимся к более детальному рассмотрению полученных материалов. Сравнение ответов замужних и незамужних матерей показывает, что незамужние матери существенно чаще включают в круг своих основных родительских обязанностей, такие, как игра с ребенком, приучение его к дисциплине, обучение

ребенка письму и чтению. Отмеченные различия статистически значимы на уровне .01 и наглядно представлены на рисунке 24.

Приведенные данные дают основание к выводу о том, что незамужние матери по сравнению с замужними существенно расширяют круг своих основных родительских обязанностей. На наш взгляд, подобное расширение круга родительских обязанностей связано, с одной стороны, с отсутствием отца при воспитании ребенка в неполной семье. Иными словами, то, что замужние матери по сравнению с незамужними реже указывают на ряд обязанностей, вполне объяснимо, поскольку в полной семье частично их выполняет и отец ребенка (играет с ребенком, приучает к дисциплине,

не, обучает чтению и письму). С другой стороны, расширение круга обязанностей (их «интенсификация») свидетельствует и о стремлении незамужней матери компенсировать «недостающего» отца за счет *повышенной заботы* о развитии ребенка.

При сравнении ответов замужних и незамужних матерей важно также обратить внимание и на то значение, которое имеет здесь пол ребенка. Так, незамужние матери, воспитывающие мальчиков, чаще по сравнению с замужними указывают на такую обязанность, как приучение своего сына к дисциплине, соответственно: 53,1% и 33,9% (различия статистически значимы на уровне .03). Заметим, что подобная ориентация незамужних матерей коррелирует с содержательными особенностями реализуемой ими стратегии по воспитанию мальчика в неполной семье (см. раздел 2.5). Так, в частности, стоит обратить внимание на то, что при воспитании сына одинокая мать ориентирована на формирование в ребенке аккуратности, дисциплинированности, исполнительности, актуализируя тип поведения, который в определенной степени «блокирует» отец при воспитании мальчика в полной семье (см. рис. 21).

В то же время характерны различия между замужними и незамужними матерями, воспитывающими дочерей. Так, незамужние матери чаще указывают на такую обязанность, как «обучение письму, чтению», соответственно: 52,1% и 36,3% (различия статистически значимы на уровне .03). В этой связи напомним, что при анализе материнской стратегии по отношению к девочке в неполной семье (см. раздел 2.5) мы отмечали, что для матерей в данном случае свойственна ориентация на авторитарные отношения с дочерью, когда мать восполняет отсутствующую линию отцовского поведения. При этом важным аспектом в данном

случае выступает контроль детского поведения в модальностях «хорошо — плохо». Это дает основание полагать, что ориентация незамужних матерей на важность родительской обязанности по обучению ребенка письму и чтению содержательно коррелирует с этой линией воспитательной стратегии, поскольку подобный тип обучения ребенка предполагает, с одной стороны, контроль его деятельности относительно явно заданных образцов (обучение письму и чтению контролируется оценками «хорошо — плохо», «правильно — неправильно»), а с другой — обучение ребенка чтению, точнее — формирование способностей по пониманию текста, содержательно связано и с актуализацией морально-этических оценок поведения персонажей художественного произведения в модальностях «хорошо — плохо». Таким образом, то, что в данном случае повышается значимость обучающей деятельности, соответствует общей стратегии поведения незамужней матери при воспитании дочери.

Помимо семейного статуса, на оценку тех или иных родительских обязанностей оказывают влияние и социально-стратификационные факторы. Так, отцы с высшим образованием заметно чаще, чем отцы со средним образованием, фиксируют важность такой обязанности, как «забота о физическом здоровье ребенка» (организация и поддержание режима дня), соответственно: 52,4% и 27,1% (различия статистически значимы на уровне .02). В свою очередь матери с высшим образованием чаще, по сравнению с матерями, имеющими среднее образование, отмечают такую родительскую обязанность, как «воспитание в ребенке морально-нравственных качеств», соответственно: 68,4% и 46,4% (различия статистически значимы на уровне .0004). Наконец, характерно и то, что родители с высшим образованием (как отцы, так и матери) существенно чаще, чем родители со средним образованием, указывают на такую обязанность, как «передача ребенку своих знаний». Среди отцов соответственно: 52,4% и 37,5% (различия статистически значимы на уровне .06); среди матерей соответственно: 51,3% и 21,4% (различия статистически значимы на уровне .0001).

Помимо уровня образования, заметное влияние на мнение о значимости тех или иных родительских обязанностей оказывает и материальный статус семьи. Так, отцы из среднеобеспеченных семей по сравнению с отцами из малообеспеченных семей чаще отмечают важность для себя выполнения таких родительских обязанностей, как «обучение ребенка письму и чтению» (соответственно: 29,6% и 14,6%; различия статистически значимы на уровне .008) и «воспитание в своем ребенке морально-нравственных качеств» (соответственно: 52,4% и 34,1%; различия статистически значимы на уровне .006). При сравнении матерей из средне- и малообеспеченных семей обнаруживается более широкий спектр различий. Матери из среднеобеспеченных семей по сравнению с малообеспеченными чаще отмечают такие родительские обязанности, как «забота о физическом здоровье ребенка» (соответственно: 63,0% и 54,5%; различия статистически значимы на уровне .05), «необходимость игры со своим ребенком» (соответственно:

34,8% и 26,3%; различия статистически значимы на уровне .03), «обучение своего ребенка чтению, письму» (соответственно: 38,0% и 29,3%; различия статистически значимы на уровне .05) и «передача ребенку своих знаний» (соответственно: 44,3% и 35,3%; различия статистически значимы на уровне .05).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что представления о значимости тех или иных родительских обязанностей существенно отличаются в зависимости от семейного статуса, уровня образования и материального положения семьи. Иными словами, культурные ситуации воспитания ребенка явно дифференцированы, что дает основание говорить о разных культурных типах семейного воспитания ребенка дошкольного возраста.

Установки родителей на передачу ребенку собственного опыта. Выше мы отметили, что значительная часть родителей включает в круг своих основных родительских обязанностей «передачу ребенку своих знаний и практических умений». На важность для себя этого аспекта при воспитании ребенка указал почти каждый второй из опрошенных родителей — 43,5%. Однако заметим, что модальность ответов на предыдущий вопрос связана скорее с *нормативными ориентациями* родителей относительно их родительских обязанностей. Теперь же нас интересует то, насколько родители действительно в своей реальной практике стремятся научить ребенка тому, что «хорошо умеют делать сами», т. е. передать ему свои практические навыки и умения.

Отвечая на данный вопрос, 60,9% родителей ответили, что они стремятся передать своему ребенку собственные умения и при этом «знают, как это сделать» (как научить). В то же время, каждый четвертый (25,4%) находится в ситуации своеобразного конфликта. Эти родители «стремятся научить, но не знают как». И, наконец, каждый десятый (9,8%) из опрошенных родителей перевел ответ в иную смысловую плоскость, они не стремятся передать ребенку свои собственные умения, поскольку они считают, что «ребенок должен научиться всему сам». Заметим, что подобная позиция более характерна для отцов, чем для матерей, соответственно: 13,8% и 7,5% (различия статистически значимы на уровне .002). Чаще склонны придерживаться такой позиции в своих ответах и незамужние матери, воспитывающие сына — 12,5%. Но наиболее распространена данная точка зрения среди тех отцов, кто имеет среднее образование и воспитывает мальчика — 17,6%, то есть каждый шестой.

Анализ полученных материалов показывает в целом высокую однородность ответов родителей в различных социальных стратах. Ни уровень образования, ни уровень материального положения, ни возраст, ни, наконец, количество детей в семье не дифференцируют их ответы. Иными словами, сами по себе установки родителей на передачу ребенку собственного опыта и умение реализовать подобную трансляцию существенно не зависят от тех или иных социокультурных факторов. В этом отношении они культурно инвариантны.

Однако одно различие нам удалось выявить и оно, на наш взгляд, весьма показательно. Так, выше мы отметили, что неза-

мужние матери, воспитывающие сына, заметно чаще выбирают тот вариант ответа, который предполагает самоустранение родителей от передачи ребенку своего опыта, аргументируя при этом свою позицию тем, что «ребенок должен научиться всему сам» (12,5%). Но это отличие незамужних матерей в данном случае не единственное. Полученные материалы показывают, что среди незамужних матерей крайне высока доля и тех, кто выбрал вариант ответа: «стремлюсь передать свои умения, но не знаю, как научить». Доля таких ответов у незамужних матерей, воспитывающих мальчиков, составляет 43,8%. Для сравнения: среди замужних матерей, воспитывающих мальчиков, — 29,6% (различия статистически значимы на уровне .04), а у незамужних матерей, воспитывающих девочек, — 25,0% (различия от незамужних матерей, воспитывающих мальчиков, статистически значимы на уровне .04). Подобное сравнение позволяет сделать вывод о том, что при трансляции ребенку собственного опыта (знаний, умений, навыков) полоролевая матрица семейных социальных отношений имеет немаловажное значение. В культурологическом плане, на наш взгляд, этот вывод принципиален. Заметим, что он согласуется и с приведенными выше данными о структуре информационной среды ребенка-дошкольника, при обсуждении которых мы также подчеркивали важность учета полоролевой матрицы детско-родительских отношений.

Анализируя особенности семейного воспитания ребенка-дошкольника, мы достаточно подробно рассмотрели три сюжета: распределение бюджета времени родителей; особенности совместного проведения досуга родителей и детей; мнение родителей о роли семьи в передаче ребенку культурного опыта.

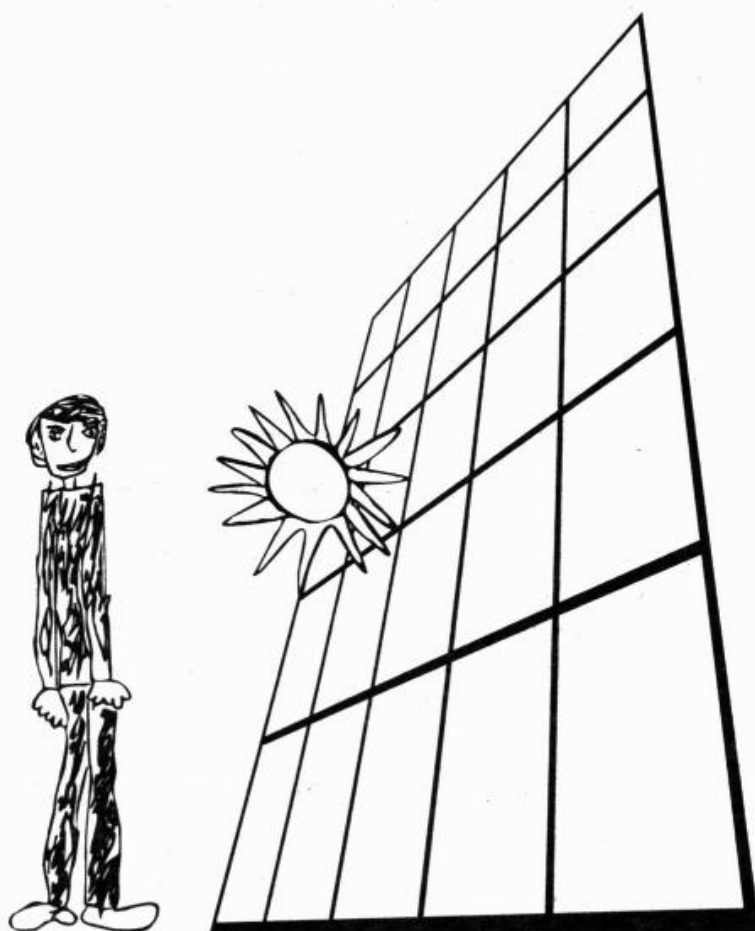
В целом полученные материалы позволяют сделать вывод о сохранении ориентации родителей на традиционалистскую модель семьи. При этом, как показывают результаты анализа, пол ребенка во многом играет определяющую роль, дифференцируя своеобразие распределения различных видов деятельности, характеризующих содержательную специфику ситуаций семейного воспитания.

На наш взгляд, представленные данные заставляют еще раз обратить особое внимание на особенности воспитания ребенка в неполной семье. Это проявляется и в распределении бюджета времени родителей, и видах их занятий с ребенком в свободное время, и в из-

менении структуры информационной среды ребенка. При этом подчеркнем, что социокультурной особенностью трансформации позиции матери при воспитании мальчика в неполной семье наиболее отчетливо выявили принципиальное значение матрицы полоролевых отношений при трансляции ребенку культурного опыта. Более того, рассмотренные особенности семейного воспитания содержательно согласуются и с проанализированными в предыдущей главе стратегиями воспитания ребенка в полной и неполной семье.

И, наконец, изложенные в этой главе материалы достаточно последовательно фиксируют влияние социально-стратификационных факторов на дифференциацию ситуаций семейного воспитания. При этом ключевую роль здесь играет образовательный уровень родителей. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что именно образовательный статус семьи определяет собственно культурные различия в типах семейного воспитания ребенка-дошкольника.

Часть 2

**ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ
ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
К ДЕТСКОМУ САДУ**

Глава I. Выбор детского сада	123
1.1. Родители перед дилеммой: воспитывать ребенка дома или в детском саду?	123
1.2. Мотивация, определяющая желание родителей воспитывать ребенка в детском саду	128
1.3. Получение предварительной информации при выборе детского сада	133
1.4. Ориентации родителей на получение дополнительных услуг в детском саду	135
Глава II. Удовлетворенность родителей развитием ребенка в детском саду	140
2.1. Удовлетворенность родителей различными аспектами воспитания их ребенка в детском саду	140
2.2. Оценка родителями влияния детского сада на личностное развитие их ребенка	141
2.3. Удовлетворенность родителей условиями деятельности детского сада	146
Глава III. Отношение родителей к содержанию дошкольного воспитания	154
3.1. Отношение родителей к образовательным программам	154
3.2. Степень знакомства родителей с образовательными программами	157
Глава IV. Отношение родителей к воспитателю детского сада	158
4.1. Удовлетворенность родителей профессиональной квалификацией воспитателя	159
4.2. Мнение родителей о том, как воспитатель оценивает их ребенка	159
4.3. Общение родителей с воспитателем по поводу своего ребенка	160
4.4. Мнение родителей об отношении их ребенка к воспитателю	166
Глава V. Общение родителей с ребенком по поводу детского сада	170
5.1. Поведение родителей в случае отказа ребенка идти в детский сад	170
5.2. Ребенок о детском саде	173
Глава VI. Готовность родителей к оказанию помощи детскому саду	181
6.1. Степень готовности родителей к оказанию помощи детскому саду	181
6.2. Возможные формы участия родителей в оказании помощи детскому саду	182

Глава I

ВЫБОР ДЕТСКОГО САДА

В данной главе мы рассмотрим особенности мотивации, обуславливающей принятие родителями решения о воспитании ребенка в детском саду. При этом для нас будут важны три аспекта: само желание (или нежелание) родителей отдать ребенка в детский сад; обстоятельства (причины), побуждающие родителей отдать ребенка в детский сад, а не воспитывать его дома; мотивы, влияющие на выбор родителями конкретного детского сада для своего ребенка. Помимо мотивации, особый интерес представляет и круг вопросов, связанных с предварительной информированностью родителей о детском саде, в который они отдали своего ребенка. Эти вопросы важны, поскольку позволяют уточнить как мотивацию выбора детского сада, так и оценить, насколько продуманным (или ситуативным) было принятие подобного решения. В этом отношении само получение родителями предварительной информации позволяет охарактеризовать то, как они соотносят воспитание в детском саду с общими стратегическими целями по развитию своего ребенка. И, наконец, последний раздел главы будет посвящен анализу мнений родителей о тех дополнительных услугах, которые они хотели бы получить в детском саду. Это дает возможность определить значимость как различных образовательных, так и социальных требований, которые предъявляются сегодня со стороны семьи к системе дошкольного воспитания.

1.1. РОДИТЕЛИ ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ: ВОСПИТЫВАТЬ РЕБЕНКА ДОМА ИЛИ В ДЕТСКОМ САДУ!

В ходе опроса мы просили родителей представить себе ситуацию, когда у них имеются «любые возможности» (средства, время и т.п.) для воспитания своего ребенка. В подобной ситуации родители должны были определиться в выборе: отдавать или не отдавать своего ребенка в детский сад? Характерно, что в предложенной им условной ситуации «неограниченных возможностей» лишь 8,9% родителей предпочли бы обучать и воспитывать ребенка дома, взяв на себя полную ответственность. Еще 11,9% родителей также склонны к семейному воспитанию ребенка: они предпочли бы нанять для этого няню или квалифицированную гувернантку.

Большинство же родителей (и таких более 80%) определяют свой выбор желанием воспитывать ребенка в учреждениях системы дошкольного воспитания. Причем характерно, что среди этих родителей мнения о воспитании ребенка в государственных или частных детских садах разделилось практически поровну: 42,4% хотели бы отдать ребенка в государственный детский сад, а 40,9% — в частный. В этой связи следует отметить, что выборка родителей, которые принимали участие в опросе, в подавляющем большинстве состояла из родителей, чьи дети посещают государственные (муниципальные) детские сады. Лишь 6,8% из опрошенных нами родителей отдали своих детей в частные детские сады. Таким образом, учитывая разницу между желающими отдать своего ребенка в частный детский сад и реально пользующимися подобной услугой, можно сделать косвенный вывод о том, что весьма значительная часть родителей (и таких около трети — 34,1%) в той или иной степени не удовлетворена системой государственного дошкольного образования.

Обозначенную в целом ситуацию стоит рассмотреть более детально. При этом важно оценить влияние демографических и социально-стратификационных факторов на мнения родителей.

Анализ материалов показывает существенное влияние возраста родителей на их предпочтения той или иной формы воспитания ребенка дошкольного возраста. Так, родители более старшего возраста (от 46 лет и старше) существенно чаще (22,2%), по сравнению с более молодыми (в возрасте 21–26 лет) родителями (3,0%) ориентированы на воспитании своего ребенка в домашних условиях (различия статистически значимы на уровне .007). В свою очередь, в старшей возрастной когорте родителей ниже доля тех, кто хотел бы отдать своего ребенка либо в государствен-

венный (16,7%), либо в частный (27,8%) детский сад. Возрастная динамика изменений в ориентации родителей на воспитание ребенка в домашних условиях, в государственном или в частном детском саду отражена на рисунке 25.

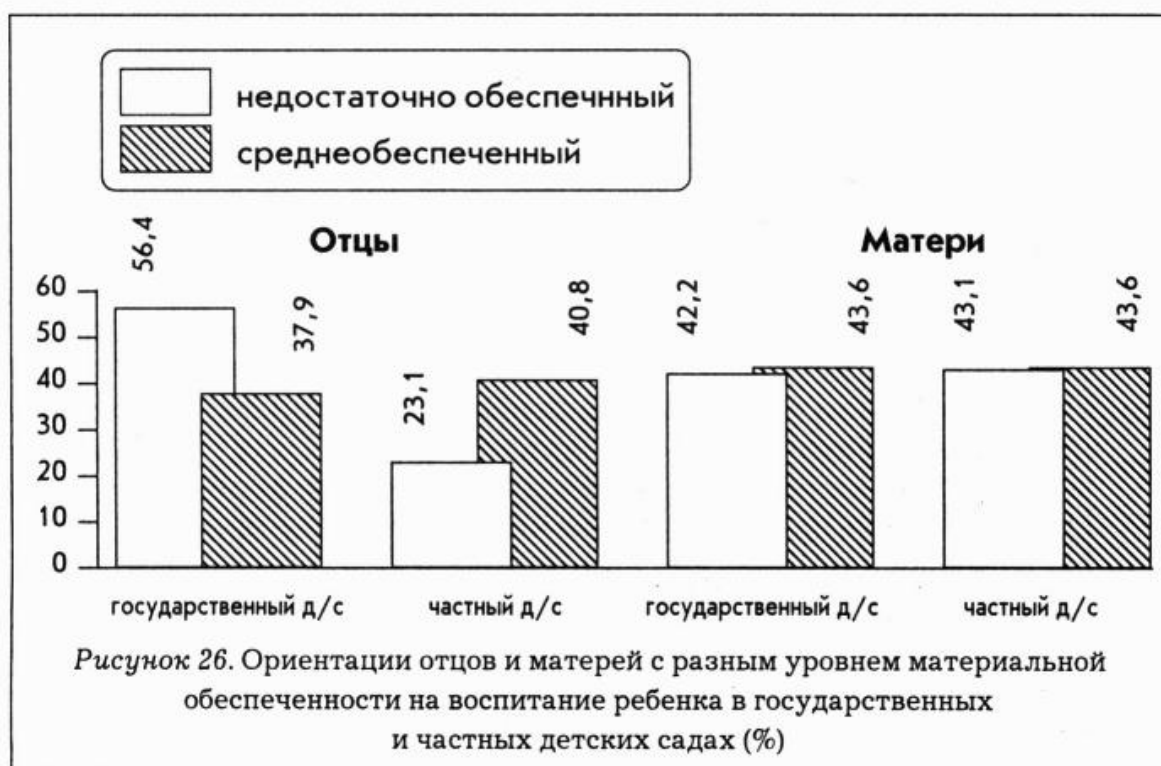
На графике отчетливо видно последовательное увеличение с возрастом доли тех родителей, кто предпочитает воспитывать своего ребенка в домашних условиях. Весьма интересна когорта родителей среднего возраста (от 36 до 45 лет).

В отличие от других возрастных когорт среди них достаточно заметно увеличивается доля тех, кто предпочитает воспитывать ребенка в государственном детском саду и соответственно падает число ориентированных на воспитание ребенка в частном детском саду. Можно полагать, что подобная поляризация ориентаций связана с особой динамикой социальной стратификации в этой возрастной когорте родителей. По-видимому, в этом возрасте заметно увеличивается доля тех, кто реально оценивает невозможность для себя отдать ребенка на воспитание в негосударственную систему образования.

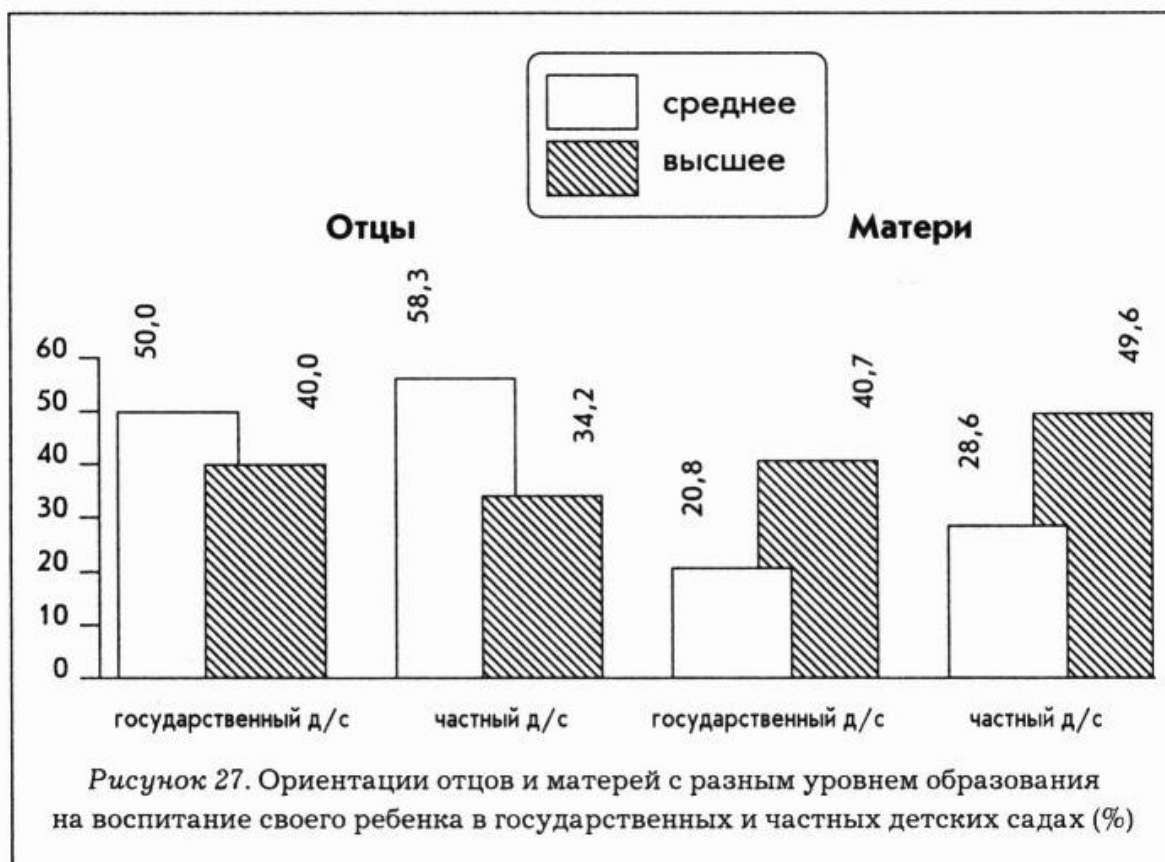
Помимо возрастной динамики на выбор родителями той или иной формы воспитания ребенка оказывает влияние и количество детей в семье. Среди многодетных родителей (с тремя и более детьми) существенно ниже доля ориентированных на воспитание ребенка в частном детском саду — 23,5% (среди родителей с одним ребенком в семье таких 44,2%; различия статистически значимы на уровне .01). В то же время у родителей с тремя и более детьми по сравнению с теми, кто имеет одного или двух детей в семье, заметно выше доля тех, кто ориентирован на воспитание ребенка в домашних условиях, соответственно: 14,7% и 8,3%.

Приведенные данные позволяют предположить, что ориентация родителей на воспитание ребенка в системе частных детских садов в существенной степени определяется материальным положением семьи. Однако специальный анализ, направленный на выявление влияния материального статуса относительно ориентаций родителей на воспитание ребенка в государственных и частных детских садах показывает, что ситуация не столь однозначна. Сравнительные данные относительно отцов и матерей из недостаточно обеспеченного и среднеобеспеченного слоев приведены на рисунке 26.

Как видно из рисунка, уровень материальной обеспеченности семьи не влияет на характер ориентаций матерей относительно воспитания ребенка в государственных или частных детских садах. У отцов же, напротив, различия явно выражены и статистически значимы на уровне .05. Так, отцы из недостаточно обеспеченных семей более ориентированы на государственную систему дошкольного воспитания, а отцы из среднеобеспеченного слоя — на воспитание своего ребенка в частных детских садах. Эти данные, на наш взгляд, достаточно принципиальны, поскольку фиксируют, что традиционалистская функция отца в семье, предполагающая поддержание ее материального статуса, отражается и в предпочтениях выбора частной или государственной системы воспитания. Иными словами, именно отец в большей степени склонен фиксировать свой материальный статус и свои материальные возможности по воспитанию ребенка. Матери же, как мы видим, реже соотносят реальные материальные возможности со своим желанием воспитывать ребенка в системе частных детских садов (статистически значимые различия между матерями из недостаточно обеспеченных и среднеобеспеченных семей отсутствуют).

Помимо влияния материального положения семьи, существенную роль в ориентациях родителей на государственную или частную системы дошкольного воспитания играет уровень их образования. В то же время характерно, что ориентация родителей на воспитание ребенка в домашних условиях не зависит от уровня образования. Иными словами, различия проявляются здесь лишь относительно системы общественного воспитания. На рисунке 27 приведены данные об ориентациях отцов и матерей

со средним и высшим образованием на воспитание своего ребенка в государственных или частных детских садах (различия статистически значимы на уровне ниже .01).

Приведенные результаты однозначно свидетельствуют о том, что родители с высоким уровнем образования в большей степени сориентированы на воспитание ребенка в частных детских садах.

Наконец, особый интерес представляет анализ особенностей ориентаций родителей на ту или иную форму воспитания ребенка в зависимости от семейного статуса. Частично мы уже коснулись этого вопроса, обратив внимание на то, что многодетные родители более ориентированы на домашнее воспитание своего ребенка. Теперь же мы сравним особенности ориентаций замужних и незамужних матерей, учитывая при этом и пол ребенка. Следует отметить, что среди замужних матерей, воспитывающих мальчика или девочку, каких-либо различий в предпочтении той или иной формы воспитания ребенка не обнаружено. Иная картина у незамужних матерей. Причем в данном случае пол ребенка имеет принципиальное значение. Так, незамужние матери, воспитывающие девочек, существенно чаще, чем матери, воспитывающие мальчиков, указывают на то, что «если бы у них была такая возможность, то они наняли бы квалифицированную гувернантку», соответственно: 29,2% и 3,1% (различия статистически значимы на уровне .04). Помимо этого, незамужние матери, воспитывающие девочек, более ориентированы по сравнению с теми, кто воспитывает мальчиков, на воспитание своей дочери в частном детском саду, соответственно: 33,3% и 3,1% (различия статистически значимы на уровне .001).

На наш взгляд, эти данные весьма интересны, поскольку фиксируют влияние механизма полоролевой идентификации. Действительно, как правило, материальное положение незамужней матери существенно хуже, чем у матери замужней, так как одинокая мать в большей степени вынуждена заботиться о материальном статусе своей семьи. И, кстати, подобная позиция отчетливо проявляется при воспитании сына: лишь 3,1% незамужних матерей, воспитывающих сына, хотели бы определить его в частный детский сад, в то время как среди замужних матерей мальчиков таких 43,9%. Однако при выборе формы воспитания для дочери, как мы видим, незамужние матери оказываются весьма «нереалистичными»: каждая третья хотела бы иметь гувернантку и примерно столько же хотели бы отдать свою дочь в частный детский сад. В этой связи можно думать, что здесь срабатывает механизм половой идентификации матери со своей дочерью. Следствием этого является явно выраженное стремление создать ей лучшие условия, возможно, «компенсировать собственные неудачи». Иными словами, здесь проявляется, на наш взгляд, своеобразная материнская проекция на жизненную ситуацию дочери: мать, идентифицируя себя с дочерью, в данном случае выбирает наиболее привлекательный тип «идеального» воспитания, действуя по принципу «я в предлагаемых обстоятельствах».

1.2. МОТИВАЦИЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ЖЕЛАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ВОСПИТЫВАТЬ РЕБЕНКА В ДЕТСКОМ САДУ

В этом разделе мы затронем два аспекта. Один касается анализа основных причин, по которым родители решили отдать своего ребенка в детский сад. Другой связан с анализом тех мотивов, по которым родители определили своего ребенка в тот конкретный детский сад, который он посещает в настоящее время. Последовательно рассмотрим ответы родителей на эти два вопроса.

В ходе опроса мы просили родителей ответить на вопрос о том, почему они отдали своего ребенка в детский сад? Полученные результаты показывают, что в ответах родителей доминирует мотивация, связанная с необходимостью обеспечить ребенку полноценное развитие и общение со сверстниками. Вариант «считаю, что общение со сверстниками обеспечит полноценное развитие личности ребенка» выбрали 65,2% родителей. На втором по значимости месте находится мотивация, связанная с необходимостью подготовить ребенка к школе. На этот вариант ответа («считаю, что в детском саду ребенка лучше подготовят школе, так как я сам(а) профессионально не компетентен(а) в вопросах методики подготовки ребенка к школе») указали 39,4% родителей. Третью позицию по частоте ответов занимает мотивация материального характера: «не могу воспитывать ребенка дома, так как вынужден(а) зарабатывать деньги на проживание». Этот вариант ответа отметили 24,2% родителей.

Таким образом, доминирующим мотивом при определении ребенка в детский сад является мотивация, связанная с желанием создать благоприятную ситуацию для его личностного развития. На втором месте стоят мотивы, связанные с основной социальной задачей старшего дошкольного возраста, — подготовка к школе. На третьем — экономические мотивы. И здесь система дошкольного воспитания рассматривается родителями как форма социальной поддержки.

Наряду с рассмотренными тремя основными мотивами, стоит обратить внимание на то, что значимость других мотивов оказалась менее выраженной. Так, например, мотивация, связанная с профессиональной карьерой («не могу воспитывать ребенка дома, так как очень люблю свою работу, не могу и не хочу ею жертвовать»), отмечается лишь незначительным числом родителей — 3,4%.

В отличие от материалов предыдущего раздела, где мы анализировали отношение родителей к различным формам воспитания ребенка, влияние социально-демографических факторов на их мотивацию относительно желания воспитывать своего ребенка в детском саду оказалось весьма незначительным. Можно выделить лишь несколько моментов.

Так, например, мотивация, связанная с социально-экономическими причинами («не могу воспитывать ребенка дома, так как вынужден(а) зарабатывать деньги на проживание»), естественно, чаще отмечается родителями из более слабых социальных страт: среди родителей из недостаточно обеспеченного слоя на нее

указывают 33,1%, а в среднеобеспеченном — 18,9% (различия статистически значимы на уровне .0003). Заметим, что эти различия проявляются как у отцов, так и у матерей. Соответственно, у отцов — 38,5% и 20,9% (различия статистически значимы на уровне .02); у матерей — 31,2% и 17,7% (различия статистически значимы на уровне .02). Добавим, что незамужние матери также склонны гораздо чаще отмечать данный тип мотивации: среди незамужних матерей 50,6%, а среди замужних — 20,4% (различия статистически значимы на уровне .0001).

Если влияние материального статуса родителей достаточно четко связано с определенным типом мотивации, то влияние уровня образования не столь выражено. Можно отметить лишь, что матери с высшим образованием чаще указывают на мотивацию, касающуюся «необходимости обеспечения полноценного развития личности ребенка и его общения со сверстниками». Среди матерей с высшим образованием этот мотив отмечают 76,9%, а со средним — 63,1% (различия статистически значимы на уровне .01).

И, наконец, достаточно явно проявляется влияние на мотивацию, обуславливающую определение ребенка в детский сад, такого фактора, как возраст родителей. Причем в наибольшей степени это связано с мотивацией, которая касается необходимости общения ребенка со сверстниками и его полноценным личностным развитием. Эти данные отражены на рисунке 28.

Как видно из рисунка, с возрастом последовательно снижается значимость данной мотивации. Различия между возрастными когортами 21–26 и 36–45 лет как у отцов, так и у матерей статистически значимы на уровне .05. Это позволяет сделать вывод о том, что молодые родители гораздо более ориентированы на оценку важности общения ребенка со сверстниками как необходимого условия его полноценного развития. Подчеркнем, что именно эта мотивация в подавляющем числе случаев оказывается доминирующей для молодых родителей при определении ребенка в детский сад.

Следует добавить, что возрастной фактор оказывает влияние на изменение значимости еще одного типа мотивации. Это мотив, связанный с успешностью в профессиональной деятельности («не могу воспитывать ребенка дома, так как очень люблю свою работу, не могу и не хочу

ею жертвовать»). Но подчеркнем, что влияние возраста на изменение значимости данной мотивации прослеживается лишь у матерей. В возрастной когорте 21–26 лет на этот мотив указывают 0,9%, а среди матерей в возрасте 36–45 лет — 7,1% (различия статистически значимы на уровне .01). Таким образом, для матерей среднего возраста данный мотив оказывается значимым почти в каждом десятом случае. В принципе, зафиксированная нами тенденция содержательно коррелирует с увеличением значимости и самой ценности успешной профессиональной деятельности в более старших возрастных когортах родителей. Однако в данном случае важно подчеркнуть, что эта тенденция прослеживается именно для матерей и не обнаруживается для отцов. Иными словами, для мужчины (и в этом, по-видимому, проявляется специфика традиционалистской полоролевой модели семьи) характер воспитания ребенка (либо в домашних условиях, либо в детском саду) не затрагивает его профессиональной деятельности. Женщина же вынуждена делать выбор: либо придерживаться традиционалистской модели и воспитывать ребенка дома, либо ориентироваться на социальную и профессиональную успешность и отдавать его в детский сад. Причем актуализация этого конфликта происходит в среднем возрасте.

Таким образом, анализ особенностей мотивации, определяющей желание родителей отдавать своего ребенка в систему общественного дошкольного воспитания, позволил выделить три момента:

1. Мотивация, связанная с социальной поддержкой. Ориентация на эту мотивацию характерна для слабых социальных страт и для незамужних матерей.

2. Мотивационный конфликт, связанный с разрешением диллемы: реализация матерью функции, предусмотренной традиционалистской полоролевой моделью семьи, или успешность профессиональной самореализации. Он наиболее характерен для матерей среднего возраста.

3. Мотивация, связанная с центрацией на важности детского коллектива для личностного развития ребенка. Ее явный приоритет обнаруживается в когорте молодых отцов и матерей, а также у родителей с высшим образованием.

Помимо анализа мотивов, обуславливающих желание родителей воспитывать ребенка в системе дошкольного образования, в ходе опроса мы выясняли и те мотивы, которые повлияли на выбор родителями того конкретного детского сада, который посещает их ребенок.

Полученные материалы показывают, что доминирующим мотивом, определяющим выбор конкретного детского сада, оказывается его территориальная расположенность («близко от дома»). На эту причину указало три четверти родителей — 75,7%. Второе и третье по значимости места занимают соответственно: содержание образования и материально-техническая база детского сада. Так, на экспериментальную нестандартную программу обучения и воспитания детей как на определяющий мотив выбора детского сада указало 22,7%. На материально-техническую базу

(наличие бассейна, хорошее оснащение групп, наличие музыкального и физкультурного залов) указали 21,6% опрошенных. На остальные причины указывали лишь немногие из родителей. Фактор пребывания старшего ребенка в этом же детском саду отметили 7,9%; ведомственную принадлежность детского сада — 6,2%; возможность устроить ребенка в престижную школу после детского сада — 5,9%; социальный состав семей, чьи дети посещают данный детский сад, оказался важным для 3,1%; международные контакты и связи детского сада отметили 0,6%; наличие летней дачи (базы для отдыха детей) — 0,2% опрошенных.

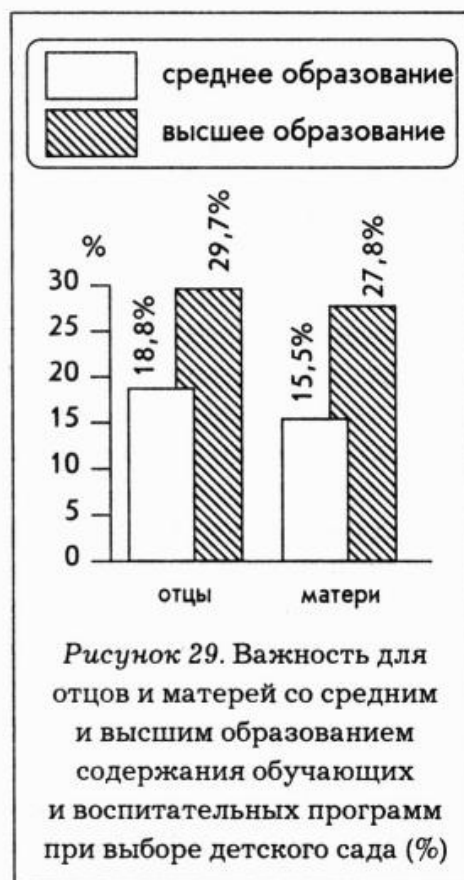
Это средние данные. Заметим, что каких-либо существенных различий между отцами и матерями в ответах на данный вопрос не обнаружено. Отсутствуют различия и между замужними и незамужними матерями. Практически только один мотив дифференцирует их мнения. Так, незамужние матери гораздо чаще указывают на «территориальную расположенность детского сада» как на определяющий фактор его выбора, соответственно: 93,7% и 74,2% (различия статистически значимы на уровне .0003). Подобная мотивация незамужних матерей вполне понятна и содержательно коррелирует с характерным для них мотивом определения ребенка в детский сад — «необходимость работать».

Отметим еще две достаточно важных, на наш взгляд, тенденции.

Во-первых, уровень образования родителей оказывает значимое влияние на их мотивацию, которая связана с содержанием образовательных программ. Так, родители с высшим образованием детей при выборе детского сада по сравнению с родителями, имеющими среднее образование, чаще отмечают значимость для них экспериментальной нестандартной программы воспитания и обучения (различия статистически значимы на уровне .02). Данные об ответах отцов и матерей со средним и высшим уровнем образования приведены на рисунке 29.

В то же время уровень образования совершенно иначе проявляет свое влияние относительно значимости такой мотивации, как «возможность устроить своего ребенка в престижную школу после окончания детского сада». Здесь, наоборот, на данный мотив при воспитании сына чаще указывают родители со средним образованием, чем родители, имеющие высшее образование. Соответственно: 10,9 % и 4,3 % (различия статистически значимы на уровне .04).

Иными словами, если родители с высшим образованием непосредственно ориентированы на содержание образовательной программы, предъявляя

к ней особые требования, то в отличие от них для родителей со средним образованием само содержание программ оказывается менее важным, и вместе с тем они более ориентированы на социальный успех, социальное продвижение (вертикальную мобильность) своего ребенка, желая отдать его в «престижную» школу. Причем характерно, что подобный тип ориентации у родителей со средним образованием на социальное продвижение оказывается более выраженным при воспитании именно мальчика. В принципе это противоречит распространенному представлению о том, что уровень образования оказывается гораздо более значим для обеспечения вертикальной мобильности девочек: с помощью получения более высокого уровня образования они переходят из низкой социальной страты в более высокую. Как мы видим, в дошкольном возрасте, напротив, родители из более низких социальных страт ориентируются на стратегию социального продвижения с помощью получения хорошего образования в большей степени по отношению к сыну.

Во-вторых, достаточно своеобразно проявляет свое влияние на мотивацию выбора детского сада другой социально-стратификационный фактор, который характеризует материальный статус семьи. Так, родители из среднеобеспеченного слоя чаще отмечают, что при выборе детского сада для них важен социальный состав тех семей, дети из которых посещают данный детский сад. В этом отношении характерно, что среди родителей из недостаточно обеспеченных семей на этот мотив выбора детского сада не указал ни один человек, в то время как среди родителей из среднеобеспеченного слоя таких 4,9% (различия статистически значимы на уровне .005).

Иными словами, если более высокий уровень образования ориентирует родителей на повышенные требования к содержанию образования, то экономический социально-стратификационный фактор ориентирует их именно на социальный состав, социальную среду, в которой воспитывается ребенок. Скажем иначе: более высокий уровень образования родителей повышает их требовательность к содержанию, но допускает достаточно демократичное отношение к детской социальной среде, в которой воспитывается ребенок; напротив, более высокий экономический статус родителей не определяет каких-либо особых повышенных требований к самому содержанию образования, но обостряет их чувствительность к социальному составу семей, социальной среде ребенка. Таким образом, барьеры и попытка выстроить социальную дистанцию у родителей из экономически высокообеспеченного слоя, как мы видим, достаточно отчетливо проявляются уже при воспитании ребенка дошкольного возраста. Причем эти социальные барьеры касаются не только контингента (желание ограничить своего ребенка от детей из «бедных» семей), но и проявляются в повышенной требовательности (опять же не столько к содержанию образования) к условиям содержания ребенка (материальной оснащенности детского сада). Особенно это характерно опять же для родителей из высокообеспеченного слоя. Среди них на этот мотив выбора детского сада указывает

каждый второй — 54,5% (различия между остальными социально-экономическими группами родителей статистически значимы на уровне .01).

1.3. ПОЛУЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ВЫБОРЕ ДЕТСКОГО САДА

Особенности выбора родителями детского сада для своего ребенка характеризуют и их ответы на те вопросы, которые связаны с получением предварительной информации о дошкольном учреждении. Это позволяет определить как целенаправленность родительского выбора, так и в определенной степени уточнить мотивацию выбора — те аспекты деятельности детского сада, на которые ориентируются родители перед устройством в него своего ребенка.

Полученные данные показывают, что в целом две трети родителей (66,4%) считают, что они были «достаточно информированы» о детском саде перед устройством в него своего ребенка. При этом матери в большей степени озабочены получением предварительной информации о детском дошкольном учреждении по сравнению с отцами, соответственно: 70,0% и 59,9% (различия статистически значимы на уровне .002). Особенно же склонны интересоваться спецификой детского сада и получать о нем предварительную информацию незамужние матери, воспитывающие девочек — 83,3%.

Характерно, что социально-стратификационные факторы (уровень образования, материальное положение), а также возраст родителей не оказывают какого-либо влияния на поведение родителей в получении предварительной информации о детском саде. Иными словами, доли имеющих предварительную информацию о его работе здесь практически одинаковы.

Важно обратить внимание и на те источники, из которых родители получили предварительную информацию о работе детского сада перед устройством в него своего ребенка. В целом ответы родителей позволяют выделить три основных источника. Доминируют рекомендации друзей, дети которых ходят в данный детский сад. На это указали 37,2%. На втором месте по своей значимости находится такой «источник», как предварительные беседы с педагогами, работающими в данном детском саду (22,3%). На третьем — соседи или родственники (17,6%). Таким образом, мы видим, что основной круг предварительной информации о работе детского сада связан с микросоциальной средой, где основное место занимают оценки и мнения друзей, родственников, соседей. Другая тактика получения предварительной информации — это непосредственный приход родителей в детский сад и знакомство с ним «на месте».

Помимо этого, стоит выделить и позицию детского участкового врача. Его профессиональное мнение и рекомендации учитывают 6,4% родителей. Анализ полученных данных показывает,

что к мнению врача при выборе детского сада более склонны прислушиваться родители (и это понятно), дети которых страдают теми или иными заболеваниями (нуждаются в исправлении зрения, слуха, речи и т.п.). Среди этих родителей доля тех, кто указывает на советы участкового врача как источник получения предварительной информации о детском саде, составляет 8,5% (отличие от остальных родителей статистически значимо на уровне .01).

Характерно, что информация, полученная из СМИ («прочитал о детском саде в газете, журнале, рекламном приложении»), отмечается лишь немногими родителями — 2,5%. При этом стоит отметить, что существенно чаще обращаются к информации, размещенной в газетах, журналах, рекламе, родители из высокообеспеченного слоя, их доля составляет 40,0% (различия между остальными социальными группами статистически значимы на уровне .0001). Таким образом, мы видим, что реклама об услугах в системе дошкольного воспитания рассчитана на высокообеспеченный слой. Но основной вывод состоит, пожалуй, в другом. Так, полученные результаты косвенно свидетельствуют о том, что детские дошкольные учреждения, продвигающие себя на рекламном рынке образовательных услуг, ориентированы преимущественно на высокообеспеченный социальный слой.

В ходе опроса мы выясняли и то, какого рода данные о деятельности детского сада родители имели (стремились получить) перед устройством своего ребенка. В своих ответах информацию о режиме работы детского сада отметили 43,4% родителей; о профессиональной квалификации педагогических кадров — 38,5%; о материально-технической базе — 26,3%; о санитарно-гигиенических условиях содержания детей — 24,0%; о рационе и качестве питания — 20,0%. Следует отметить, что матери по сравнению с отцами чаще интересуются режимом работы детского сада (соответственно: 46,4% и 38,3%; различия статистически значимы на уровне .01); профессиональной квалификацией педагогов (соответственно: 41,0% и 34,3%; различия статистически значимы на уровне .03); санитарно-гигиеническими условиями содержания детей (соответственно: 27,0% и 18,4%; различия статистически значимы на уровне .002). Иными словами, специфика работы детского сада для матерей имеет существенно большее значение, чем для отцов.

Полученные материалы показывают, что матери с высшим образованием по сравнению с матерями со средним образованием гораздо чаще склонны интересоваться условиями содержания ребенка в детском саде. Так, среди матерей с высшим образованием санитарно-гигиеническими условиями содержания детей интересуются 23,5%, а со средним образованием — 8,3% (различия статистически значимы на уровне .002); соответственно материально-технической базой дошкольного учреждения (наличие бассейна, хорошо оснащенного спортивного или музыкального залов, а также специализированных групп), соответственно: 30,8% и 11,9% (различия статистически значимы на уровне .001). Таким образом, мы видим, что родители с более высоким уровнем

образования склонны предъявлять более высокие требования к системе дошкольного воспитания.

И, наконец, укажем на возрастные различия. Так, с возрастом у матерей явно снижается интерес к информации о режиме работы детского сада: в возрастной когорте 21–26 лет на этот аспект указывают 59,5%, а в более старших возрастных когортах — 43,7% (различия статистически значимы на уровне .001). В этой связи можно полагать, что для молодых матерей режим работы детского сада является тем основным параметром, на который они ориентируются при устройстве своего ребенка в дошкольное учреждение. По-видимому, для них устройство ребенка в детский сад связано в существенной степени с получением для себя «резерва времени», который необходим для работы, общения и т.п. В этой связи интересно, что среди незамужних матерей, для которых, казалось бы, этот аспект также крайне важен, подобной тенденции не обнаруживается.

Завершая анализ данных, рассмотрим ответы родителей из высокообеспеченного слоя. Выше мы уже отмечали, что родители из этого социального слоя более склонны ориентироваться на СМИ и рекламу в получении информации о детском саде. Полученные результаты показывают, что высокообеспеченные родители существенно чаще интересуются профессиональной квалификацией педагогических кадров (72,7%), материально-технической базой (54,5%) и санитарно-гигиеническими условиями содержания детей (36,4%). Эти данные существенно отличаются от приведенных выше средних значений по всей выборке (различия статистически значимы на уровне .03) и характеризуют своеобразие требований к системе дошкольного воспитания высокообеспеченных родителей.

Таким образом, в целом приведенные выше данные показывают, что социально-стратификационные факторы (высокий уровень образования, материальная обеспеченность) в существенной степени определяют ориентации родителей на получение более детальной информации о деятельности дошкольного учреждения.

1.4. ОРИЕНТАЦИИ РОДИТЕЛЕЙ НА ПОЛУЧЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В ДЕТСКОМ САДУ

В ходе опроса мы просили родителей указать те дополнительные услуги, которые они хотели бы иметь в дошкольном учреждении для своего ребенка. Почти каждый второй из опрошенных отметил такие услуги, как наличие тренера по плаванию (44,2%), обучение иностранному языку (43,8%), наличие психолога в детском саду (42,7%). Помимо этих трех видов услуг, около трети родителей указывает: занятия по хореографии (36,8%), наличие детского стоматолога (35,9%), наличие логопеда (29,8%), занятия на компьютерах (27,1%). Перечисленные услуги отмечаются родителями наиболее часто. Заметим в этой связи, что другие услуги, например,

такая, как «присмотр за детьми в выходные дни», фиксируется сравнительно небольшим числом опрошенных — 8,1%.

В целом мнения отцов и матерей относительно тех или иных дополнительных услуг для своего ребенка достаточно схожи. Заметные различия обнаруживаются лишь относительно двух позиций. Так, занятия на компьютерах существенно чаще отмечают отцы — 35,5% (среди матерей — 22,3%; различия статистически значимы на уровне .0001). Матери же, в свою очередь, более ориентированы на необходимость наличия в детском саду психолога — 46,3% (среди отцов — 36,8%; различия статистически значимы на уровне .003). Таким образом, гендерные различия весьма характерны: мужчины ориентированы на освоение ребенком технических средств; женщины — на психологическую поддержку.

Анализ материалов показывает, что мнения родителей относительно необходимости наличия в детском саду психолога в существенной степени зависят от целого ряда факторов. Рассмотрим их более детально.

Так, если мы сравним замужних и незамужних матерей, то обнаружим, что незамужние матери существенно чаще указывают на необходимость наличия психолога в детском саду. Среди них таких 57,0%, в то время как среди замужних матерей 44,6% (различия статистически значимы на уровне .03). Это обстоятельство может косвенно свидетельствовать о том, что у незамужних матерей возникает гораздо больше психологических проблем при воспитании своего ребенка по сравнению с замужними матерями. Причем заметим также, что полученные нами данные позволяют внести существенное уточнение, которое связано с полом ребенка. Так, при сравнении замужних и незамужних матерей, воспитывающих дочерей, каких-либо существенных различий в их ответах не обнаруживается. Однако они отчетливо проявляются при сравнении замужних и незамужних матерей, воспитывающих сына: среди незамужних матерей на необходимость наличия психолога указывают 65,2%, а среди замужних — 44,2% (различия статистически значимы на уровне .05). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что психологические проблемы, касающиеся ребенка, у незамужних матерей возникают существенно чаще именно при воспитании сына. Иными словами, трансформация полоролевой родительской позиции матери, обусловленная отсутствием отца при воспитании сына, связана с серьезными психологическими проблемами. Подчеркнем, что вообще для незамужних матерей, воспитывающих сына, подобный тип дополнительной услуги (наличие психолога в детском саду) оказывается явно доминирующим, существенно опережая по своей значимости все перечисленные выше дополнительные услуги.

Помимо семейного статуса (полнота/неполнота семьи) на желание родителей иметь психолога в детском саду оказывают влияние и другие факторы. Так, например, среди родителей, имеющих одного ребенка, указывают на необходимость психолога в детском саду 46,2%, среди родителей с двумя детьми таких 40,0%, а среди родителей с тремя детьми лишь 23,5% (различия между многодетными родителями, имеющими троих детей и бо-

лее, и родителями с одним или двумя детьми статистически значимы на уровне .05). Иными словами, многодетные родители, обладающие большим опытом воспитания детей в меньшей степени нуждаются в услугах профессионального психолога, хотя сама психологическая ситуация при наличии нескольких детей в семье отнюдь не менее сложна, чем при наличии одного ребенка.

Наконец, отметим, что, помимо перечисленных факторов, на отношение родителей к наличию психолога в детском саду влияет и возраст самих родителей. Наиболее часто указывают на желание иметь профессионального психолога в детском саду молодые родители в возрасте 21–26 лет — 57,9%; в более же старшей возрастной когорте 27–35 лет — 41,2%; в когорте 36–45 лет — 37,3% (различия между молодыми родителями и остальными возрастными группами статистически значимы на уровне .0004). Таким образом, не только опыт воспитания детей (многодетная семья), но и собственный жизненный опыт (возраст) влияют на потребность родителей иметь профессионального психолога в детском саду.

Заметим, что само желание иметь подобную дополнительную услугу при воспитании ребенка особым образом характеризует те факторы, которые обуславливают психологические проблемы, возникающие у родителей при воспитании ребенка. Во-первых, материнская позиция в отличие от позиции отца в целом в гораздо большей степени предполагает наличие профессиональной психологической консультации и помощи. Это в принципе связано с тем, что в традиционалистской модели семьи мать уделяет большее внимание воспитанию ребенка. Во-вторых, мы обнаружили, что психологические проблемы воспитания ребенка гораздо более актуальны для незамужних матерей, чем для замужних. При этом особенно отчетливо они проявляются при воспитании сына, что в существенной степени связано с трансформацией полоролевой позиции матери. В-третьих, появление первого ребенка, отсутствие опыта в воспитании детей явно актуализирует у родителей потребность в психологической помощи и профессиональной консультации. И, наконец, в-четвертых, отсутствие достаточного жизненного опыта молодых родителей также является важным фактором, обуславливающим желание иметь профессиональную психологическую поддержку.

Влияние перечисленных выше факторов на необходимость профессиональной психологической поддержки отражено на рисунке 30.

Рассмотрим отношение родителей и к другим дополнительным услугам. Характерно, что здесь явно обнаруживается влияние социально-стратификационных факторов, в первую очередь уровня образования. Так, родители с высшим образованием по сравнению с теми, кто имеет среднее образование, гораздо в большей степени ориентированы на такие услуги, как обучение иностранному языку, занятия по хореографии и наличие логопеда. Эти различия между группами родителей со средним и высшим образованием статистически значимы (на уровне .03 и ниже) и отражены на рисунке 31.

Рисунок 30. Влияние различных социальных факторов на мнение родителей относительно необходимости наличия психолога в детском саду (%)

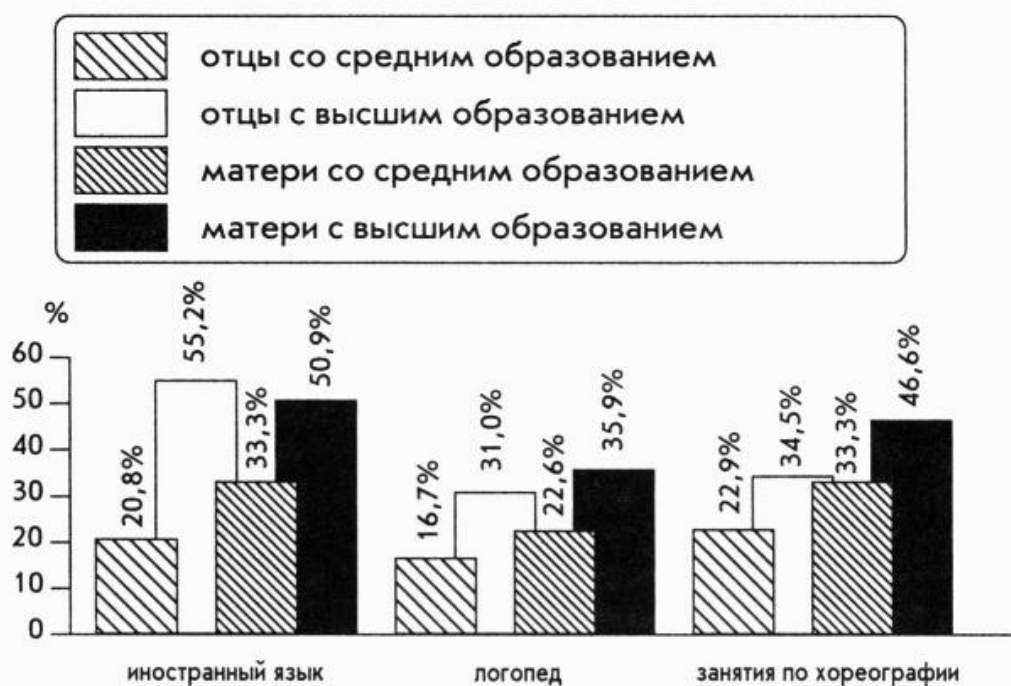

Рисунок 31. Мнения родителей с разным уровнем образования относительно необходимости различных дополнительных услуг в детском саду (%)

Как мы видим, родители с высоким уровнем образования чаще предъявляют повышенные требования к собственно образовательным услугам, которые должен предоставлять детский сад. В этой связи следует отметить, что в отличие от уровня образования материальный статус семьи не играет какой-либо существенной роли относительно требований к предоставлению дополнительных образовательных услуг в дошкольном учреждении.

Так, родители из среднеобеспеченных семей практически не отличаются от родителей из семей недостаточно и малообеспеченных.

И, наконец, завершая данный раздел, остановимся еще на одном аспекте. Как мы отметили выше, такую дополнительную услугу, как «присмотр за детьми в выходные дни», отметили лишь немногие родители. В то же время более детальный анализ данных показывает, что ориентация на подобную услугу весьма существенно дифференцирует мнения отцов. Так, отцы с высшим образованием существенно чаще хотели бы иметь такую возможность по сравнению с отцами со средним образованием, соответственно: 18,5% и 2,1% (различия статистически значимы на уровне .006). Среди отцов из среднеобеспеченных семей доля тех, кто указывает на подобную услугу 11,7%, а из малообеспеченных — 1,2% (различия статистически значимы на уровне .005). Таким образом, мы видим, что отцы из более высоких социальных страт в большей степени склонны отмечать услуги, которые дают им возможность иметь больше свободного личного времени. Это дает основание полагать, что для мужчин из более сильных социальных групп резерв личного свободного времени оказывается гораздо более значимой ценностью.

Глава II

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ РАЗВИТИЕМ РЕБЕНКА В ДЕТСКОМ САДУ

Если предыдущая глава была посвящена анализу особенностей мотивации родителей при устройстве ребенка в детский сад и определению их требований к дополнительным образовательным услугам, то здесь мы рассмотрим вопросы, связанные с оценкой эффективности дошкольного воспитания. При этом подчеркнем, что в данном случае для нас центральным моментом является мнение родителей о том, насколько эффективным оказалось влияние детского сада на развитие их ребенка. В этой связи мы также проанализируем удовлетворенность родителей различными аспектами воспитания: физическим развитием ребенка, интеллектуальным и эстетическим развитием, его отношениями со сверстниками в детском саду. Наряду с этим мы рассмотрим мнения родителей относительно различных аспектов деятельности детского сада (оплата за содержание ребенка в детском саду, режим работы, коррекционные услуги).

2.1. УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫМИ АСПЕКТАМИ ВОСПИТАНИЯ ИХ РЕБЕНКА В ДЕТСКОМ САДУ

В ходе исследования мы просили родителей ответить на вопрос о том, удовлетворены ли они интеллектуальным и речевым развитием их ребенка в детском саду, процессом его физической подготовки, эстетическим воспитанием и отношениями ребенка со сверстниками. Полученные результаты показывают, что более половины родителей (53,8%) удовлетворены процессом обучения ребенка в детском саду, который ориентирован на его интеллектуальное и речевое развитие. Около трети отмечают, что они удовлетворены процессом физической подготовки своего ребенка и эстетическим воспитанием, соответственно: 30,3% и 29,6%. Наконец, 40,4% родителей позитивно оценивают социальную ситуацию в детском коллективе — «отношения их ребенка со сверстниками в детском саду».

Следует отметить, что в целом каких-либо существенных различий в ответах на этот вопрос между отцами и матерями не обнаружено. Лишь один вариант ответа выявил статистически значимые различия: матери в большей степени по сравнению с отцами удовлетворены интеллектуальным и речевым развитием ребенка в детском саду (соответственно: 56,1% и 49,4%;

различия статистически значимы на уровне .04). Причем наиболее выражена подобная оценка среди незамужних матерей, воспитывающих сына. Здесь интеллектуальным и речевым развитием ребенка в детском саду удовлетворено подавляющее большинство — 78,1%.

Особым образом проявляется влияние социально-стратификационных факторов. Так, например, родители с более высоким уровнем образования в большей степени удовлетворены эстетическим воспитанием их ребенка в детском саду по сравнению с родителями со средним образованием, среди отцов с высшим образованием — 33,8%, а среди отцов со средним образованием — 14,6% (различия статистически значимы на уровне .008); среди матерей, соответственно: 39,7% и 11,9% (различия статистически значимы на уровне .0001).

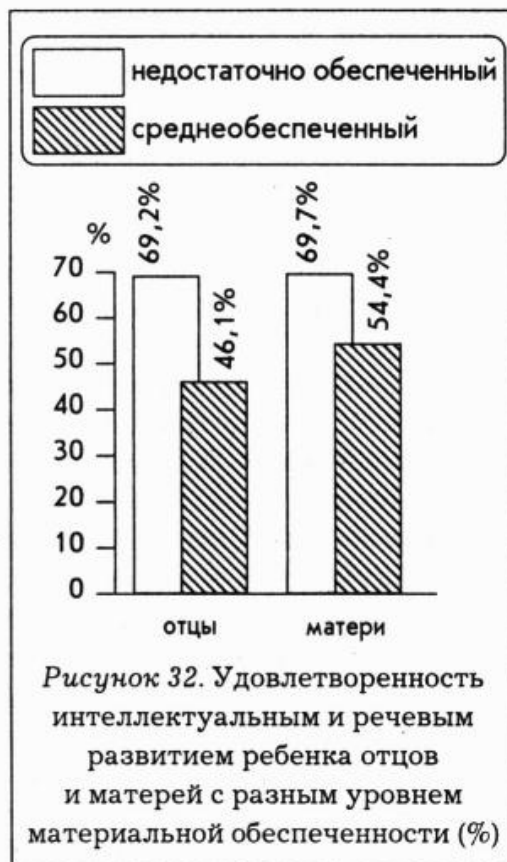
Уровень материальной обеспеченности проявляется иначе. Так, родители из более обеспеченных семей критичнее относятся к качеству интеллектуального и речевого развития их ребенка в детском саду (см. рис. 32).

Приведенные на рисунке данные фиксируют различия, которые статистически значимы на уровне .01.

Таким образом, если уровень образования родителей дифференцирует их удовлетворенность процессом эстетического воспитания ребенка в детском саду, то уровень материальной обеспеченности фиксирует различия в отношении к процессу интеллектуального и речевого развития ребенка. Иными словами, различные социально-стратификационные факторы (образование и материальное положение) характеризуют разные содержательные доминанты, определяющие отношение родителей к тем или иным аспектам дошкольного воспитания.

2.2. ОЦЕНКА РОДИТЕЛЯМИ ВЛИЯНИЯ ДЕТСКОГО САДА НА ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ ИХ РЕБЕНКА

Важным показателем эффективности воспитательного процесса является оценка родителями эмоционального самочувствия ребенка при его возвращении из детского сада. С этой целью в ходе опроса мы предлагали родителям оценить *эмоциональное самочувствие* их детей, фиксируя как позитивные, так и негативные моменты. Полученные материалы показывают, что родители в целом позитивно оценивают эмоциональное состояние своих

детей. Так, большинство (60,3%) отмечают, что ребенок приходит из детского сада обычно в «приподнятом настроении». Более трети указывают, что он возвращается «уравновешенным и спокойным» — 38,8%. И лишь незначительное число родителей (4,4%) фиксируют, что ребенок приходит «подавленным, замкнутым, усталым».

Каких-либо различий между отцами и матерями в оценке ими эмоционального состояния своего ребенка не обнаружено. Следует только отметить, что среди незамужних матерей, воспитывающих дочь, несколько выше доля тех, кто фиксирует, что ребенок возвращается из детского сада «подавленным, замкнутым, усталым» — 8,3%; среди замужних матерей указывают на подобные негативные эмоциональные состояния дочери 2,8% (различия статистически значимы на уровне .05). Характерно, что между замужними и незамужними матерями, имеющими сына, подобных различий не выявлено. Таким образом, мы видим, что незамужняя мать, воспитывающая дочь, более чувствительна к негативным эмоциональным состояниям своего ребенка. На наш взгляд, эти данные содержательно коррелируют с приведенными выше (см. раздел 1.1.) результатами ответов незамужних матерей на вопросы об условиях воспитания дочери, где проявилась их выраженная ориентация на создание для дочери более благоприятных условий. В то же время можно полагать, что здесь обнаруживает себя и действие механизма половой идентификации матери с дочерью, проекция на своего ребенка собственных негативных эмоциональных состояний.

Как ни странно, но большинство факторов (возраст родителей, их уровень образования, материальное положение) не оказывают какого-либо существенного влияния на оценку родителями эмоциональных состояний собственного ребенка при его возвращении из детского сада. Можно лишь отметить, что родители более старшей возрастной когорты (от 27 лет и выше) менее склонны фиксировать уравновешенное, спокойное состояние своего ребенка по сравнению с молодыми родителями (возрастная когорта от 21 до 26 лет), соответственно: 37,3% и 48,9% (различия статистически значимы на уровне .01).

Помимо оценки эмоциональных состояний, особый интерес представляет мнение родителей о тех *личностных изменениях*, которые произошли с ребенком после его поступления в детский сад. В ходе опроса мы предлагали родителям оценить различные аспекты изменений, касающиеся физического, интеллектуального и нравственного развития их ребенка.

Следует отметить, что почти две трети родителей (68,8%) фиксируют явно позитивное влияние детского сада на интеллектуальное развитие своего ребенка: «после поступления в детский сад мой ребенок стал более любознательным и активным». При этом лишь единицы (0,7%) отметили негативное влияние.

Треть родителей (34,3%) указали на позитивную роль детского сада в развитии морально-этической сферы ребенка: «после поступления в детский сад мой ребенок стал добрее, отзывчивее, общительнее». И лишь немногие из родителей (2,3%) указали

на негативные изменения, касающиеся морально-этической сферы: после поступления ребенка в детский сад «он стал более замкнутым и эгоистичным».

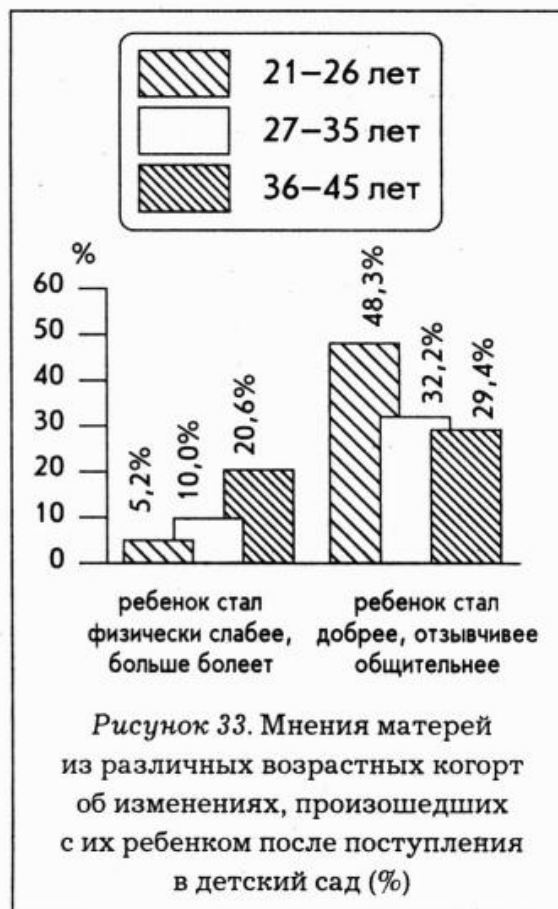
Иначе обстоит дело с физическим развитием ребенка. Во-первых, стоит отметить, что здесь существенно ниже доля родителей (16,0%), указавших на то, что после поступления в детский сад их ребенок стал «физически крепче и меньше болеет». Во-вторых, примерно столько же (10,4%) фиксирует негативное влияние детского сада на физическое развитие их ребенка: «ребенок стал физически слабее, больше болеет». Таким образом, мы видим, что проблема физического развития ребенка в детском саду является одной из наиболее «острых». Физическим развитием ребенка менее всего удовлетворены родители.

Следует отметить, что каких-либо различий между отцами и матерями в оценке влияния детского сада на развитие ребенка не обнаружено. Нет различий и между замужними и незамужними матерями. Не оказывают какого-либо существенного влияния и такие социально-стратификационные факторы, как уровень образования и материальный статус родителей.

Пожалуй, можно выделить лишь две достаточно явно обозначившихся тенденции. Во-первых, многодетные родители (с тремя и более детьми) склонны более позитивно оценивать влияние детского сада на развитие своего ребенка. Среди них существенно выше доля тех, кто позитивно оценивает влияние детского сада как на физическое развитие ребенка (32,4%), так и на его морально-нравственное развитие (50,0%). Здесь различия статистически значимы (на уровне .01) относительно ответов родителей, имеющих одного или двух детей.

Во-вторых, по мере увеличения возраста родители (и в первую очередь матери) оказываются более критичны в оценке позитивного влияния детского сада на развитие ребенка. Особенно это касается таких аспектов, как его физическое и морально-этическое развитие. На рисунке 33 представлены данные об ответах относительно этих двух аспектов в различных возрастных когортах матерей.

Как видно из рисунка, по мере увеличения возраста среди матерей заметно возрастает доля тех, кто негативно оценивает влияние детского сада на физическое развитие своего ребенка. Параллельно с этим (особенно на рубеже 21–26 лет и возрастной когорты 27–35 лет) резко сокращается доля матерей, фиксирующих

позитивное влияние детского сада на морально-этическое развитие ребенка.

Рассмотренный нами выше вопрос касался мнений родителей о тех изменениях, которые произошли с их ребенком после его поступления в детский сад. Помимо этого, мы задавали родителям и другой вопрос, направленный на выявление их мнений относительно влияния различных факторов, сыгравших основную роль в этих изменениях. Ответы родителей показывают, что на изменения, произошедшие с их ребенком, в существенной степени, с их точки зрения, повлияли педагоги в детском саду. На это указали 55,4% опрошенных. Весьма значима по оценке родителей и роль детского коллектива. Так, влияние сверстников в детском саду отметило 44,9% родителей. Каждый четвертый из опрошенных (25,5%) обращает внимание на «резкую смену обстановки» — переход ребенка из домашних условий в ситуацию детского сада. И, наконец, крайне интересен тот факт, что свою собственную роль в произошедших личностных изменениях в их ребенке отмечают сравнительно немногие родители — 11,7%. Последний момент, на наш взгляд, важен, поскольку фиксирует достаточно своеобразную тенденцию «самоустранения» родителей от задач воспитания после устройства своего ребенка в детский сад. Действительно, поставленный нами вопрос касается именно личностных изменений ребенка, и здесь, как мы видим, свою собственную роль родители оценивают гораздо ниже, чем роль педагогов или детей, окружающих ребенка в детском саду.

Более детальный анализ ответов на этот вопрос показывает, что позитивную роль воспитателя детского сада в личностном развитии своего ребенка матери в целом отмечают чаще, чем отцы, соответственно: 58,4% и 50,2% (различия статистически значимы на уровне .01). При этом характерно, что матери с более высоким уровнем образования влиянию педагога на ребенка склонны придавать большее значение. Так, среди матерей с высшим образованием позитивную роль воспитателя отмечают 63,2%, а со средним — 41,7% (различия статистически значимы на уровне .0005).

Особый интерес представляет мнение родителей о роли влияния детского коллектива на личностное развитие их ребенка. Здесь следует выделить несколько моментов. Так, например, родители, имеющие одного ребенка, чаще отмечают влияние сверстников в детском саду по сравнению с родителями, имеющими двух детей. В принципе подобная тенденция понятна, поскольку в данном случае ребенок из однодетной семьи получает большую возможность общаться с другими детьми, возможность, которой он лишен внутри семьи. В этой связи можно полагать, что желание создать для ребенка круг общения со сверстниками является одним из значимых мотивов при его определении в детский сад у тех родителей, которые имеют одного ребенка.

Другой момент связан с влиянием возраста родителей. Молодые родители существенно чаще склонны отмечать позитивную роль сверстников в детском саду. Наглядно эта тенденция отображена на рисунке 34.

И, наконец, достаточно противоречивым оказалось влияние социально-стратификационных факторов. Так, родители из недостаточно обеспеченных семей существенно чаще указывают на позитивную роль сверстников по сравнению с высокообеспеченными родителями, соответственно: 48,6% и 18,2% (различия статистически значимы на уровне .05). Влияние же уровня образования обнаруживает прямо противоположную тенденцию. Здесь, напротив, родители с высшим образованием чаще склонны фиксировать положительное влияние детского коллектива на личностное развитие их ребенка (соответственно: среди матерей 49,1% и 33,3%; различия статистически значимы на уровне .01; у отцов: 49,7% и 37,5%).

При анализе других аспектов (резкая смена обстановки, собственное влияние родителей на ребенка) явно обнаруживается различие между матерями, имеющими разный уровень образования. Так, среди матерей со средним образованием выше доля тех, кто отмечает «смену обстановки», соответственно: 36,9% и 26,5% (различия статистически значимы на уровне .05). И, напротив, матери с высшим образованием существенно чаще указывают на свое собственное влияние на те личностные изменения, которые произошли в их ребенке, соответственно: 13,7% и 3,6% (различия статистически значимы на уровне .006).

В целом приведенные данные показывают, что большинство родителей позитивно оценивают влияние детского сада на личностное развитие их ребенка. Родители отмечают и хорошее эмоциональное состояние ребенка по возвращению из детского сада, и явно положительные сдвиги в интеллектуальном и морально-нравственном развитии. Вместе с тем стоит обратить специальное внимание на ряд моментов. К ним относятся: феномен проекции незамужней матерью негативных эмоциональных переживаний на состояние дочери; неудовлетворенность значительной части родителей процессом физического развития их ребенка в детском саду; феномен «самоустранения» родителей от воспитания ребенка после определения его в детский сад социально-стратификационные различия в понимании значимости различных факторов на личностное развитие ребенка.

2.3. УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ УСЛОВИЯМИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТСКОГО САДА

В данном разделе мы рассмотрим удовлетворенность родителей различными аспектами деятельности детского сада. К ним относятся: уровень оплаты за содержание ребенка в детском саду, режим работы, предоставление услуг, связанных с коррекцией дефектов в развитии.

Оплата за содержание ребенка в детском саду. Здесь мы коснемся двух вопросов. Один — это мнения родителей относительно уровня оплаты по содержанию ребенка в детском саду. Здесь нас интересует, насколько существующая оплата доступна («приемлема») для родителей. Другой вопрос связан с финансовыми возможностями оплачивать дополнительные услуги, предоставляемые в детском саду.

Почти каждый второй родитель (46,1%) отметил, что существующая сегодня оплата пребывания ребенка в детском саду «вполне доступна». Около трети (31,7%) оценило оплату как «относительно доступную». По мнению 13,4% — это для них «дороговато». И, наконец, 5,2% — это те родители, для кого «очень дорого платить» за содержание ребенка в детском саду.

Как ни странно, формальный социально-стратификационный анализ относительно уровня материальной обеспеченности родителей не выявил каких-либо существенных различий в ответах на данный вопрос между родителями, относящими себя к недостаточно, мало- и среднеобеспеченным слоям. Иными словами, если придерживаться одномерной модели социально-стратификационного анализа, ограничившись лишь одним индикатором — «уровнем материального положения», то можно сделать вывод о том, что существующая сегодня система дошкольного воспитания достаточно дифференцирована и в относительно равной степени удовлетворяет возможности различных социальных страт. Однако более детальный анализ, предполагающий включение дополнительных индикаторов, показывает, что возможности родителей по оплате содержания ребенка в детском саду существенно различаются. В первую очередь это касается возможностей многодетных родителей. Так, среди тех, кто имеет трех детей и более, 17,6% указали, что для них «очень дорого» содержать ребенка в детском саду. Для сравнения среди родителей с одним ребенком таких 4,3%, с двумя — 5,0% (различия статистически значимы на уровне .002). Еще более проясняет ситуацию выбор другого варианта ответа — «дороговато». Среди многодетных родителей на этот вариант указали 29,4%, с двумя — 15,6%, с одним ребенком — 11,0% (различия статистически значимы на уровне .03). Таким образом, мы видим, что среди многодетных родителей, если суммировать оба варианта ответа, практически каждый второй (47%) считает, что существующая оплата за содержание ребенка в детском саду для него сегодня в финансовом отношении весьма обременительна.

Вторым значимым фактором является возраст родителей. Здесь обнаруживается, на первый взгляд, весьма парадоксальный факт. Чем старше родители, тем выше среди них доля тех, для кого оплата по содержанию ребенка в детском саду связана с серьезными финансовыми затруднениями (либо «дороговато», либо «очень дорого»). Наглядно эта возрастная динамика отображена на рисунке 35.

Как мы видим, явные различия обнаруживаются между возрастными группами 27–35 и 36–45 лет (различия статистически значимы на уровне .00001). Таким образом, для трети родителей, имеющих детей-дошкольников и принадлежащих к возрастной когорте от 36 лет и старше, содержание ребенка в детском саду связано с финансовыми проблемами. И в этом отношении они оказываются в гораздо более сложной ситуации по сравнению с молодыми родителями. В этой связи, с одной стороны, можно полагать, что родители старших возрастных групп сегодня в целом оказались в экономически более тяжелой ситуации, и им труднее ориентироваться на рынке труда. Особенно это характерно для тех родителей, кто входит в предпенсионный возраст. С другой — важно учесть тот факт, что мы опрашиваем в данном случае родителей детей дошкольного возраста. И в этой связи родители среднего возраста (кому 36 лет и больше), как правило, являются родителями второго, а порой и третьего ребенка. Иными словами, здесь возрастная динамика коррелирует с многодетностью, усугубляя финансовые проблемы по содержанию ребенка.

Перейдем к рассмотрению второго из намеченных нами аспекта — оплате дополнительных услуг, предоставляемых детским садом. В разделе 2.1.4 мы отмечали, что подавляющее большинство родителей хотело бы получить в детском саду различные дополнительные услуги для своего ребенка. В то же время ответы родителей на вопрос об их возможностях оплачивать подобные услуги показывают, что каждый десятый (10,7%) из опрошенных не имеет для этого достаточных финансовых средств. Причем в отличие от ответов на вопрос о содержании ребенка в детском

саду здесь явно проявились социально-стратификационные различия между родителями. Так, если в малообеспеченном слое доля тех, кто не имеет возможности оплачивать дополнительные услуги детского сада, составляет 22,9%, то в среднеобеспеченном таких лишь 4,4% (различия статистически значимы на уровне .00001). Та же тенденция обнаруживается и при сравнении мнений родителей с разным уровнем образования. Среди родителей со средним образованием на отсутствие возможности оплачивать дополнительные услуги детского сада указывает существенно больший процент, чем среди родителей с высшим образованием (среди отцов, соответственно: 20,8% и 5,5%; различия статистически значимы на уровне .001; среди матерей, соответственно: 19,0% и 7,7%; различия статистически значимы на уровне .002). Таким образом, выявленные социально-стратификационные различия в возможности оплаты дополнительных услуг детского сада позволяют сделать вывод о том, что современная тенденция развития системы дошкольного воспитания, направленная на предоставление дополнительных услуг, усиливает социальную дифференциацию и неравенство. Для значительной части представителей слабых социальных групп подобные услуги оказываются просто недоступными.

Помимо этого, добавим, что на невозможность оплачивать дополнительные услуги детского сада указывает и весьма высокий процент незамужних матерей — 26,6% (среди замужних — 10,1%; различия статистически значимы на уровне .0001). Недоступны дополнительные услуги и для каждого третьего многодетного родителя — 32,4% (среди родителей с одним ребенком таких 9,4%; различия статистически значимы на уровне .00001). Часто «не по карману» подобные услуги и для родителей в возрасте 36–45 лет — 17,8% (в более молодой когорте таких 7,8%; различия статистически значимы на уровне .00001).

В целом приведенные данные свидетельствуют о том, что современная политика по развитию дополнительных услуг в системе дошкольного воспитания не осмыслена в аспекте социокультурной динамики. Социальные последствия подобной политики могут оказаться крайне негативными, поскольку потери на ранних этапах возрастного развития часто невосполнимы.

Режим работы детского сада. Этот аспект является одним из важных параметров, по которому родители оценивают свою удовлетворенность качеством работы дошкольного учреждения. В этой связи в ходе опроса мы попытались выяснить два момента. Один касается общей удовлетворенности режимом работы дошкольного учреждения. Другой же связан с ориентацией родителей на круглосуточное пребывание их ребенка в детском саду. Сам вопрос о круглосуточном пребывании ребенка в детском саду, на наш взгляд, достаточно интересен в социально-психологическом отношении и в определенной степени характеризует своеобразие родительской позиции.

Полученные в ходе опроса данные показывают, что большинство родителей (70,1%) указывают на то, что их «вполне

устраивает» режим работы детского сада, который посещает их ребенок. Негативно же оценивают режим работы детского сада лишь единицы. Так, 1,7% указывают на то, что их «много не устраивает» в режиме работы, и еще 0,9% фиксируют явно негативное отношение — «совершенно не устраивает».

Следует отметить, что каких-либо существенных различий между родителями в зависимости от социально-демографических факторов не обнаружено, это позволяет сделать вывод о том, что сам режим работы детского сада культурно отнормирован и удовлетворяет требованиям различных социальных страт.

Весьма любопытны данные, полученные при ответе на вопрос о круглосуточном пребывании ребенка в группе детского сада. Ответы родителей показывают, что подавляющее большинство из них (85,0%) «не оставляют» своих детей на ночь в детском саду. Лишь 2,0% родителей указывают на то, что они «определили своих детей в группу с круглосуточным пребыванием»; 3,4% родителей отметили, что они «иногда пользуются подобной возможностью».

Наряду с этими данными, особый интерес представляет вариант ответа, фиксирующий неудовлетворенность родителей отсутствием подобной возможности оставлять своего ребенка в круглосуточной группе: «не оставляю, так как нет такой возможности». Таких среди опрошенных нами родителей 12,1%. На наш взгляд, этот вариант ответа достаточно важен в социально-психологическом плане, поскольку он вскрывает особенности отношения родителей к воспитанию своего ребенка. В связи с этим его стоит рассмотреть более детально.

Анализ полученных данных показывает, что относительно данного варианта ответа существенно отличаются мнения замужних и незамужних матерей. Так, если среди замужних матерей хотели бы оставлять своего ребенка в круглосуточную группу, но не имеют такой возможности 12,0%, то среди незамужних матерей таких вдвое больше, практически каждая четвертая — 22,8%. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что для незамужней матери возможность оставить своего ребенка в круглосуточной группе детского сада является весьма значимым моментом, и, по-видимому, это связано с ее проблемами по устройству своей личной жизни. То, что подобное предположение правомерно, подтверждает и сравнение ориентаций на важность пребывания ребенка в круглосуточной группе среди матерей мальчиков и девочек. Эти данные приведены на рисунке 36.

Как мы видим, среди незамужних матерей, воспитывающих сына, существенно выше доля тех, кто хотел бы оставлять своего ребенка в круглосуточной

группе детского сада по сравнению с замужними матерями, воспитывающими мальчиков, соответственно: 25,0% и 9,1% (различия статистически значимы на уровне .01). То, что среди незамужних матерей гораздо более выражено желание определить своего сына в круглосуточную группу по сравнению с замужними, на наш взгляд, может быть связано с желанием «изолировать» его от контактов с посторонним для него мужчиной. Здесь, возможно, проявляется боязнь матери нанести ему психологическую травму, связанную с замещением отца фигурой «другого». В этой связи характерно, что статистически значимых различий между замужними и незамужними матерями, воспитывающими дочерей, не обнаружено. Иными словами, при воспитании дочери незамужняя мать менее чувствительна к возможной психологической травме ребенка при появлении в ее ближайшем социальном окружении другого мужчины. Таким образом, на наш взгляд, здесь срабатывает классическая психоаналитическая модель, связанная с механизмами полоролевой идентификации. Так, тенденция полоролевой идентификации мальчика с отцом (эдипов комплекс) психологически учитывается незамужней матерью, и она стремится во многом подсознательно вывести сына из круга общения с мужчиной, который может претендовать на супружескую позицию. Поясним: в классическом психоанализе эдипов комплекс связан с желанием ребенка «овладеть» матерью, заняв место отца. Когда же место отца занимает другой мужчина, в психологическом отношении коллизия еще более обостряется: позиция отца «занята не самим ребенком», а другим мужчиной. Классический пример подобной ситуации мы, в частности, находим в трагедии о принце датском (и в этом смысле, действительно, осталась лишь «тень отца»): Клавдий — Гертруда — Гамлет. Устранить подобный конфликт и стремится незамужняя мать. В случае же воспитания дочери полоролевая идентификация носит иной характер (дочь идентифицирует себя с матерью) и здесь ситуация «другого» на месте отца не переживается столь драматично.

Таким образом, казалось бы, простой вопрос о помещении ребенка в круглосуточную группу детского сада вскрывает драматизм социально-психологических отношений матери с ребенком при его воспитании в неполной семье.

Удовлетворенность родителей услугами детского сада по коррекции развития их ребенка. В данном случае нас интересует работа детского сада по коррекции развития ребенка: нарушение зрения, слуха и т.д. Этот аспект, с нашей точки зрения, крайне важен при оценке роли системы дошкольного воспитания, поскольку, как показывают результаты нашего исследования, более трети родителей (36,2%) фиксируют то, что их ребенок нуждается в подобных услугах.

В этой связи отметим, что особый интерес здесь представляет анализ влияния демографических и социально-стратификационных факторов на оценку родителями состояния здоровья своего ребенка. Подобный аспект важен, поскольку в данном

случае мы имеем возможность косвенно охарактеризовать состояние здоровья детей в разных социальных стратах и группах.

Рассмотрение полученных данных позволяет выделить две явно выраженные тенденции. Одна из них связана с возрастом родителей. Так, среди родителей более старшего возраста существенно выше доля тех, кто фиксирует необходимость коррекционной работы с ребенком: среди родителей возрастной когорты 21–26 лет таких 29,3%, в возрастной когорте от 46 лет и старше в два раза больше — 61,1% (различия статистически значимы на уровне .007). Наглядно динамика увеличения доли родителей, фиксирующих дефекты в развитии собственного ребенка в различных возрастных когортах, отображена на рисунке 37.

Как мы видим, чем старше родители, тем чаще они фиксируют дефекты в развитии своего ребенка. При этом резкий сдвиг в фиксации дефектов ребенка наблюдается в наиболее старшей возрастной когорте — от 46 лет и старше. Эти данные недвусмысленно свидетельствуют о том, что рождение ребенка в позднем возрасте связано с большим риском относительно его физического развития. Причем следует добавить, что данная тенденция наиболее явно проявляется у отцов. Так, молодые отцы в возрасте 21–26 лет указывают на дефекты в развитии своего ребенка существенно реже, чем отцы в возрасте 36–45 лет, соответственно: 11,8% и 39,8% (различия статистически значимы на уровне .03). Поскольку подобных явно выраженных различий между данными возрастными группами у матерей не обнаруживается, то можно полагать, что отцы, находящиеся в зрелом возрасте, более внимательны, более чувствительны к дефектам в развитии собственного ребенка. В принципе эти данные содержательно коррелируют с результатами по возрастной динамике изменения жизненных страхов родителей (см. раздел 1.3., часть 1). Напомним, что именно при переходе в возрастную когорту 36–45 лет среди отцов резко увеличивается доля тех, кто беспокоится за свое здоровье (с 21,7% до 32,7%). Это дает основание полагать, что актуализация в этом возрасте у отцов страхов и беспокойств за свое здоровье делает их и более чувствительными к состоянию

физического развития ребенка (собственные страхи переносятся на ребенка).

Другая тенденция связана с количеством детей в семье. Так, родители, которые имеют одного ребенка, существенно реже фиксируют дефекты в его развитии по сравнению с многодетными родителями (трое и более детей). Если среди однопородных родителей таких 32,5%, то среди многодетных — 52,9% (различия статистически значимы на уровне .001). Эти данные однозначно свидетельствуют о том, что стратегия перехода к созданию многодетной семьи сегодня связана с повышением риска для физического здоровья ребенка.

Таким образом, обобщая приведенные данные, можно сделать вывод о том, что отмеченные выше два фактора (возраст и многодетность) явно повышают риск физического благополучия ребенка-дошкольника. Иными словами, физическое состояние родителей отражается на их оценке физического благополучия ребенка.

Помимо отмеченных двух тенденций, следует обратить внимание и на влияние социально-стратификационных факторов. В первую очередь, это касается уровня материальной обеспеченности семьи. Так, среди родителей из недостаточно обеспеченного слоя на дефекты в развитии своего ребенка указывает 41,2%, а в среднеобеспеченном слое 33,0% (различия статистически значимы на уровне .03). Распределение доли родителей, указывающих на дефекты в развитии ребенка среди различных социальных страт, приведено на рисунке 38.

Как мы видим, чем выше уровень материального благополучия, тем ниже доля родителей, отмечающих дефекты в развитии собственного ребенка. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что наряду с физическим здоровьем родителей на физическое развитие ребенка оказывает влияние и социальный статус, материальное благополучие семьи.

Выше мы охарактеризовали оценку родителями состояния здоровья детей. В этой связи особый интерес представляет то, насколько система дошкольного воспитания в настоящее время обеспечивает семью услугами по коррекции развития ребенка. Напомним, что рекомендациями детского участкового врача при

устройстве своего ребенка в детский сад воспользовалось 6,4% родителей. Хотели бы воспользоваться услугами психолога 42,7%, логопеда 29,8% родителей. Однако в данном случае нас интересует не столько *желание родителей*, сколько то *реальное предоставление услуг* по коррекции в развитии, которые осуществляются в системе дошкольного воспитания. С этой целью в ходе опроса мы задавали родителям специальный вопрос о том, предоставляются ли подобные услуги их ребенку в детском саду.

Полученные результаты показывают, что среди тех родителей, кто отметил дефекты зрения, слуха или речи у своего ребенка, лишь 62,9% указали на то, что их ребенку оказывается коррекционная помощь в детском саду. Таким образом, практически 40% детей с дефектами развития сегодня не могут получить квалифицированную помощь в системе дошкольного воспитания. И этот факт позволяет сделать вывод о том, что система дошкольного воспитания явно не справляется с возложенными на нее функциями по коррекции детского развития.

Глава III

ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К СОДЕРЖАНИЮ ДОШКОЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Вопрос о содержании образовательных программ является одним из центральных при оценке системы дошкольного воспитания. В этой связи мы задавали родителям вопрос, касающийся их предпочтений относительно различных типов образовательных программ. При этом в данном случае нас интересовала общая целевая направленность программ. Например, программы, ориентированные на развитие творческих способностей, программы, акцентирующие внимание на умственном развитии ребенка, и т.д.

3.1. ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ

Полученные материалы показывают, что лишь небольшая часть родителей (11,5%) «не придает какого-либо особого значения образовательной программе детского сада». Для них главное, «чтобы ребенок был здоровым и веселым». При этом характерно, что подобной позиции более склонны придерживаться родители со средним образованием. Причем особенно отчетливо это проявляется при воспитании мальчика. Так, среди тех отцов со средним образованием, которые воспитывают сына, данный вариант ответа фиксируют 23,5%, а с высшим — 8,1% (различия статистически значимы на уровне .02); среди матерей соответственно: 28,9% и 6,7% (различия статистически значимы на уровне .002). Таким образом, при воспитании сына родители со средним образованием уделяют гораздо большее внимание его эмоциональному благополучию и здоровью, чем собственно содержанию образования. Заметим, что в случае воспитания девочки каких-либо различий относительно этого между родителями, имеющими разный уровень образования, не обнаружено.

Помимо этого, анализируя материалы ответов родителей важно также подчеркнуть, что почти каждый десятый (9,1%) из опрошенных не предъявляет каких-либо особых требований к образовательной программе детского сада. Их вполне устраивает «обычная государственная программа обучения и воспитания ребенка в детском саду». В выборе данного варианта ответа проявляется в целом та же, уже отмеченная выше тенденция: родители со средним образованием чаще отдают приоритет обычной государственной программе обучения. Так, среди отцов со средним образованием их доля составляет 14,6%, а с высшим —

4,1% (различия статистически значимы на уровне .01); среди матерей соответственно: 22,6% и 4,7% (различия статистически значимы на уровне .0001). Иными словами, родители с низким уровнем образования более склонны принимать предлагаемую им программу обучения и воспитания ребенка, не предъявляя к ней каких-либо особых требований.

Теперь перейдем к рассмотрению вариантов тех ответов, в которых родители предъявляли определенные требования к образовательной программе детского сада. Отметим, что более половины (53,6%) опрошенных выразили желание, чтобы их ребенок занимался по программам, направленным на его *умственное развитие*. Причем на выбор подобного типа программ в большей степени ориентируются родители с высшим образованием. Особенно отчетливо это проявляется у матерей. Среди матерей с высшим образованием подобный тип программ отмечают 55,1%, а со средним образованием — 42,9% (различия статистически значимы на уровне .05). В целом у отцов тенденция та же, но статистически значимые различия отсутствуют.

Другой тип программ, который отмечается родителями достаточно часто — это программы, направленные на развитие *творческих способностей* ребенка. Их отмечает в целом 40,2% опрошенных. При этом следует подчеркнуть, что дифференциация, связанная с образовательным статусом родителей, здесь выражена еще отчетливее. Так, среди отцов с высшим образованием на программы, воспитывающие творческие способности ребенка, указывают 43,4%, а среди отцов со средним образованием — 27,1% (различия статистически значимы на уровне .05); среди матерей соответственно: 51,7% и 29,8% (различия статистически значимы на уровне .0006). Таким образом, мы видим, что ориентация на развитие творческих способностей ребенка более характерна для родителей с высоким уровнем образования.

Помимо отмеченных требований к развитию интеллектуальных и творческих способностей, весьма значительная часть родителей ориентирована на *прикладные программы*, направленные на развитие у ребенка различных навыков и умений. Подобной ориентации придерживаются около трети опрошенных — 32,4%. Причем характерно, что уровень образования родителей никак не отражается на их ответах относительно данного типа программ.

И, наконец, каждый пятый из опрошенных нами родителей (19,9%), предъявляя требования к образовательным программам детского сада, склонен ориентироваться не столько на их целевую направленность, сколько на стиль взаимоотношений воспитателя с ребенком. Эти родители предпочитают программы, основанные «на свободной импровизации со стороны воспитателя в совместном взаимодействии с детьми». Иными словами, в данном случае акцент ставится на социально-психологических особенностях взаимодействия ребенка и взрослого. Причем в определенной степени здесь фиксируется неприятие авторитарных форм воспитания и стремление к созданию своеобразной психологической атмосферы, когда и взрослый, и ребенок оказываются

соучастниками творческого процесса. На наш взгляд, подобная родительская позиция крайне важна, поскольку она соответствует перспективным направлениям педагогики дошкольного воспитания. При этом заметим, что ориентация на такой тип программ не связана с тем или иным образовательным статусом родителей. Данное обстоятельство важно подчеркнуть, поскольку оно дает основание полагать, что подобные воспитательные установки связаны не столько с социально-стратификационными факторами, сколько с глубинной родительской ориентацией на понимание психологии и своеобразия детского развития.

В целом, обобщая приведенные выше результаты, мы можем сделать вывод о том, что именно уровень образования родителей в существенной степени дифференцирует их требования к содержанию дошкольного воспитания. Так, родители с низким образовательным статусом менее требовательны к содержанию образовательных программ. Их удовлетворяет «то, что есть», и главное, «чтобы ребенок был весел и здоров». Родители же с высшим образованием ориентированы на необходимость развития творческих способностей своих детей, и для них более важно интеллектуальное развитие ребенка.

Заметим, что образовательный статус родителей играет доминирующую роль в дифференциации родительских требований к содержанию дошкольного образования. Другие же факторы (материальный статус, состав семьи и т.д.) проявляют себя в гораздо меньшей степени. Их влияние весьма фрагментарно. Отметим лишь один наиболее важный, на наш взгляд, момент. Так, анализ полученных данных позволил выявить принципиально разные приоритеты в ответах родителей, принадлежащих к различным возрастным когортам. (Это в частности, подтверждает и специальный корреляционный анализ относительно частоты выборов тех или иных типов программ в различных возрастных когортах. Так, например, коэффициент Спирмена между частотами ответов в возрастной когорте 21–26 лет и когорте старше 46 лет равен .04 и статистически незначим). Если родители старшей возрастной группы на первую по значимости позицию ставят «прикладные» программы, направленные на развитие навыков и умений ребенка (72,2%), то среди молодых родителей таких существенно меньше (43,6%). И, наоборот, у молодых родителей на первом месте оказываются программы, связанные с умственным развитием детей (66,2%), в то время как среди родителей старшего возраста таких лишь 16,7%. И, наконец, если для каждого третьего из молодых родителей (29,3%) важными оказываются «программы, основанные на свободной импровизации и совместном взаимодействии воспитателей с детьми», то среди родителей старше 45 лет этот тип программ практически не отметил ни один из опрошенных. Таким образом, мы видим, что среди родителей этих двух возрастных групп обнаруживается явная оппозиция в ориентации одних на развитие умений и навыков и других — на интеллектуальное развитие ребенка, которое предполагает активное взаимодействие («сотрудничество») взрослых и детей.

3.2. СТЕПЕНЬ ЗНАКОМСТВА РОДИТЕЛЕЙ С ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПРОГРАММАМИ

Выше мы рассмотрели предпочтения родителей относительно образовательных программ различной содержательной направленности. Это родительские «требования». Вместе с тем не менее важно оценить, хотя бы в первом приближении, насколько эти требования связаны с *реальным интересом родителей к содержанию* тех программ, которые реализуются в детском саду. В этой связи в ходе исследования мы задавали ряд специальных вопросов. Родительские ответы на них достаточно показательны.

Так, например, почти четверть родителей (22,2%), отвечая на вопрос об образовательной программе, «вообще не знает», по какой программе ведется обучение и воспитание ребенка в детском саду. Около трети (30,3%) не смогли ответить на вопрос о том, «какую песню в настоящее время учит их ребенок на музыкальном занятии». И, наконец, 30,9% родителей «не знают расписания занятий», которые будут проводиться в течение ближайшей недели с их ребенком в детском саду.

В целом эти данные недвусмысленно свидетельствуют о том, что практически каждый третий родитель не включен в процесс обучения и воспитания ребенка в детском саду. И в этом, на наш взгляд, состоит одна из центральных проблем взаимосвязи семейного и дошкольного воспитания.

Глава IV

ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К ВОСПИТАТЕЛЮ ДЕТСКОГО САДА

Понятно, что профессиональный уровень воспитателя весьма значим для родителей при их оценке детского сада. В частности, это проявляется в мотивации, определяющей желание родителей воспитывать ребенка в детском саду. Напомним (см. раздел 1.2), что 39,4% опрошенных указывают в качестве основного мотива, обуславливающего необходимость отдать ребенка в детский сад, на свою собственную профессиональную некомпетентность в вопросах подготовки ребенка к школе. Таким образом, именно профессиональная компетентность педагога выступает как важный момент при определении ребенка в детский сад. Другой характерный пример связан с особенностями той предварительной информации, которую стремятся получить родители при устройстве своего ребенка в детский сад. Здесь также (см. раздел 1.3) информация о профессиональной квалификации педагогических кадров оказалась одной из наиболее важных: желание получить подобную информацию о педагогах, их профессиональной квалификации отметили 38,5% родителей. Все это свидетельствует о том, что именно воспитатель детского сада, его профессионализм выступают для родителей одним из определяющих факторов при устройстве своего ребенка в учреждение дошкольного воспитания. Рассмотрим более детально отношение родителей к воспитателю детского сада.

Обозначим три сюжетных линии, которые определяют основное содержание данной главы. Одна непосредственно касается оценки родителями *уровня профессиональной квалификации* воспитателя детского сада. Другая связана с отношением родителей к тем оценкам, которые дает воспитатель их ребенку. Этот момент важен, поскольку выявляет не только мнение родителей об *адекватности/неадекватности* оценок, но и определяет видение родителями особенностей *отношения воспитателя к их ребенку*. И, наконец, третья линия анализа полученных материалов связана со спецификой *общения родителей с воспитателями*. Здесь важно оценить не только интенсивность подобного общения, но и те основные темы, которые являются предметом обсуждения. Помимо этого, мы попытаемся также выяснить и мнение родителей об *отношении их ребенка к воспитателю*.

4.1. УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИЕЙ ВОСПИТАТЕЛЯ

Для выявления степени удовлетворенности родителей профессиональной квалификацией воспитателей детского сада мы задавали респондентам шкальный вопрос и просили оценить степень удовлетворенности по пятибалльной шкале от «вполне удовлетворен/а» до «совершенно не удовлетворен/а».

Полученные результаты показывают, что большинство родителей «вполне удовлетворены» уровнем профессиональной квалификации воспитателя детского сада (68,5%). Около 12% родителей в разной степени не удовлетворены профессиональной квалификацией воспитателя. При этом явно негативно оценивающих профессиональную квалификацию воспитателя («совершенно не удовлетворен/а») единицы — 1,0%.

Вместе с тем, характеризуя степень неудовлетворенности родителей профессиональной квалификацией воспитателей, следует обратить внимание на то, что практически каждый пятый из опрошенных (18,5%) не смог оценить профессиональную квалификацию воспитателей, выбрав вариант ответа: «не могу оценить, так как не знаю, какова она». Это еще раз подтверждает тот факт, что весьма значительная часть родителей активно не включена в процесс воспитания своего ребенка в детском саду. В этой связи показательно также и то, что доля выбравших данный вариант ответа существенно выше среди отцов по сравнению с матерями, соответственно: 24,3% и 15,3% (различия статистически значимы на уровне .0007).

Анализируя полученные данные, важно отметить, что оценки профессиональной квалификации воспитателей достаточно однородны в различных группах родителей. Здесь не оказывают какого-либо особого влияния ни возраст, ни уровень образования, нет также различий между замужними и незамужними матерями. Родители мальчиков и девочек также одинаково оценивают профессиональную квалификацию воспитателей. Можно выделить лишь один фактор — уровень материальной обеспеченности. Так, данные проведенного опроса показывают, что в целом родители из недостаточно обеспеченных семей склонны более позитивно оценивать профессиональную квалификацию воспитателей по сравнению с родителями из среднеобеспеченного слоя. Среди недостаточно и среднеобеспеченных родителей «вполне удовлетворены» соответственно: 76,4% и 66,8% (различия статистически значимы на уровне .03). Подобные различия понятны и отражают общую тенденцию меньшей критичности в отношении к образованию родителей из слабых социальных страт.

4.2. МНЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ О ТОМ, КАК ВОСПИТАТЕЛЬ ОЦЕНИВАЕТ ИХ РЕБЕНКА

Как мы отметили выше, особый интерес представляет мнение родителей об оценке воспитателем достижений их ребенка. При этом

повторимся, здесь важна не только «адекватность/неадекватность» самой оценки, которая, собственно, и характеризует квалификацию педагога, но и такой аспект, как «завышение» или «занижение» воспитателем достижений ребенка. Заметим, что в подобном случае характеристика воспитателя может служить своеобразным индикатором мнений родителей о его позитивном или негативном отношении к их ребенку.

Подавляющее большинство родителей (86,1%) считают, что воспитатель «вполне правильно» оценивает успехи их ребенка. Мнения же относительно «завышения» или «занижения» достижений ребенка разделились практически поровну, соответственно: 5,1% и 3,7%. Каких-либо существенных различий между родителями в зависимости от их принадлежности к разным социальным стратам здесь не обнаружено. В принципе это дает основание сделать вывод о том, что в своем отношении к детям воспитатели ориентируются непосредственно на их достижения и не склонны обращать особого внимания на социальный статус семьи.

В то же время следует специально выделить мнения родителей из высокообеспеченного слоя, которые гораздо чаще считают, что их ребенок «заслуживает более высокой оценки». Таких здесь более трети — 36,4%. В этой связи можно полагать, что родители с высоким материальным статусом не удовлетворены как раз тем обстоятельством, что их ребенок воспринимается и оценивается воспитателем «наравне с другими». Можно думать, что подобная позиция связана со своеобразным механизмом проекции на собственного ребенка своего социального статуса. Иными словами, в данном случае за требованием родителей к более высокой оценке достижений собственного ребенка реально лежит их требование «к высокой оценке самих себя». За желанием высокой оценки ребенка лежит потребность (по-видимому, часто не реализованная) к подтверждению собственного высокого статуса. Заметим, что сам по себе феномен идентификации родителей с собственным ребенком достаточно подробно описан в психоаналитической литературе. Так, в частности, Анна Фрейд, анализируя механизм родительской идентификации с ребенком, как раз приводит примеры особой реакции родителей на успехи своих детей. Однако в данном случае нам важно подчеркнуть, что здесь мы обнаруживаем особую чувствительность именно высокообеспеченных родителей к собственному социальному статусу и перенос ожиданий «признания» со стороны окружающих (воспитателя) на собственного ребенка.

4.3. ОБЩЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ С ВОСПИТАТЕЛЕМ ПО ПОВОДУ СВОЕГО РЕБЕНКА

Здесь мы рассмотрим три момента, которые характеризуют особенности общения воспитателей с родителями: периодичность, инициатива и содержание (тематика) общения.

В целом «регулярно» общаются с воспитателями по поводу своего ребенка 45,6% родителей. Причем подобной стратегии существенно чаще придерживаются матери по сравнению с отцами, соответственно: 57,3% и 25,4% (различия статистически значимы на уровне .0001). Эпизодически («иногда») общаются с воспитателями 41,1% родителей. Эта стратегия в равной степени характерна как для матерей, так и для отцов. И, наконец, практически каждый девятый из опрошенных нами респондентов (12,3%) отметил, что он «практически не общается» с воспитателями детского сада по поводу своего ребенка. Заметим, что среди отцов подобные ответы встречаются в каждом третьем случае — 29,9% (для сравнения: среди матерей таких лишь 2,5%; различия статистически значимы на уровне .00001). Характерно, что отмеченные выше различия между отцами и матерями в общении с воспитателями по поводу ребенка практически идентичны во всех социальных стратах и во всех возрастных группах. Это позволяет сделать вывод о том, что тенденция поддержания контакта с воспитателем по поводу ребенка преимущественно осуществляется матерью, несмотря на социокультурные различия семейных ситуаций воспитания ребенка.

Анализ полученных материалов показывает, что, по мнению родителей, как правило, инициаторами общения являются «они сами». На это указали 62,0% опрошенных. При этом матери существенно чаще по сравнению с отцами указывают на то, что инициатива в общении с воспитателем по поводу ребенка принадлежит им самим, соответственно: 73,0% и 43,1% (различия статистически значимы на уровне .00001). Материалы показывают, что матери с более высоким уровнем образования чаще выступают инициаторами общения с воспитателем по поводу своего ребенка. Так, среди матерей с высшим образованием на это указывают 79,9%, а со средним — 64,3% (различия статистически значимы на уровне .003). Достаточно интересно проявляется и роль пола ребенка. Например, отцы с высшим образованием гораздо больше интересуются мнением воспитателя о своей дочери, по сравнению с теми, которые имеют среднее образование (среди отцов с высшим образованием таких 53,8%, а среди отцов со средним образованием — 29,2%; различия статистически значимы на уровне .05). Наконец, проявляются и возрастные различия: молодые родители гораздо чаще фиксируют, что инициатива в общении с воспитателем принадлежит им самим. Среди родителей в возрасте 21–26 лет таких 74,1%, а в возрастной когорте 36–45 лет — 58,2% (различия статистически значимы на уровне .01).

Помимо этого, значительная часть родителей фиксирует, что инициатива в общении по поводу ребенка принадлежит не им самим, а воспитателю детского сада. Таких чуть более трети (37,7%). На подобную ситуацию в равной степени указывают как отцы, так и матери. Не сказывается здесь влияние и каких-либо других факторов. Можно лишь отметить, что родители из недостаточно обеспеченного слоя несколько чаще указывают на то, что инициатором общения по поводу ребенка выступает воспитатель. Таких среди них 45,3% (для сравнения: в среднеобеспеченном

слое 36,1%; различия статистически значимы на уровне .04). На наш взгляд, подобное различие может свидетельствовать не столько о том, что дети в недостаточно обеспеченном слое более «педагогически запущены», сколько о социально-статусных отношениях «воспитатель — родитель». По видимому, по отношению к родителям из недостаточно обеспеченного слоя воспитатель склонен в большей степени проявлять свою лидирующую позицию: давая советы, делая замечания и т.п.

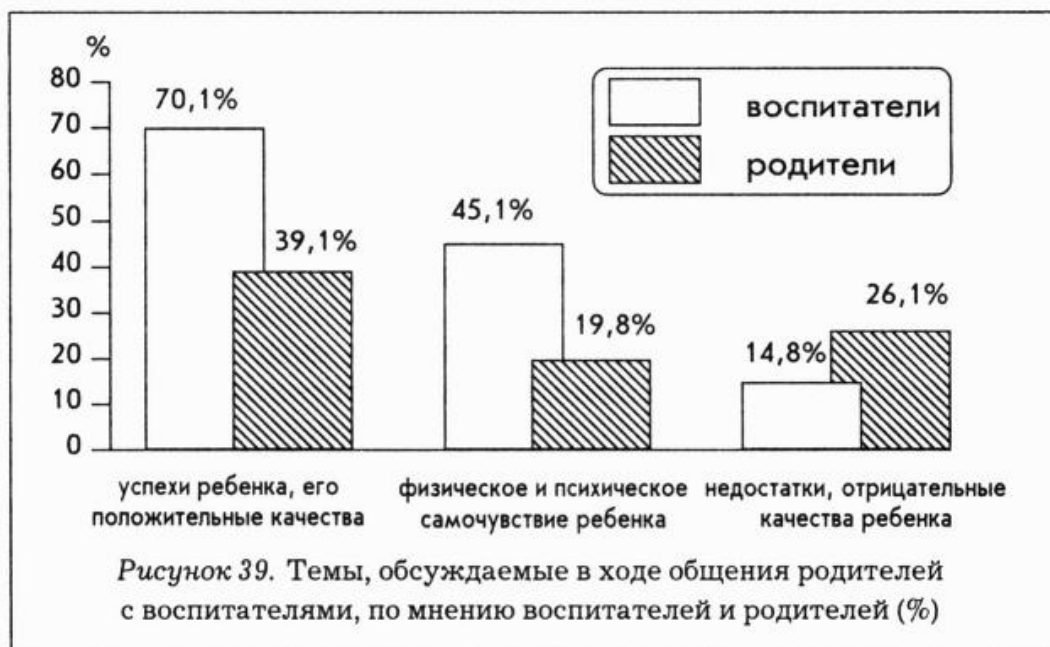
Рассмотрим теперь особенности содержания общения родителей с воспитателями. В этой связи мы предлагали родителям ответить на вопрос о том, какие темы, касающиеся ребенка, они чаще всего обсуждают с воспитателями детского сада. Результаты ответов приведены в таблице 13.

Как видно из приведенных в таблице данных, наиболее часто обсуждается поведение ребенка в группе детского сада. Весьма значимы и такие аспекты, как успехи ребенка, его положительные качества, а также его отношения с другими детьми. Характерно при этом, что недостатки ребенка обсуждаются заметно реже, чем успехи, соответственно: 26,0% и 39,1%. Заметно реже среди перечисленных выше тем обсуждаются между родителями и воспитателями такие вопросы, как аппетит ребенка, его физическое и психическое самочувствие в детском саду.

Эти результаты ответов родителей характеризуют их видение тематики общения с воспитателем. Однако ответы родителей стоит сопоставить с данными по опросу воспитателей детских садов (В.С. Собкин, Е.М. Марич, 2000; В.С. Собкин, Е.К. Эльяшевич, Е.М. Марич, 2001). Подобное сопоставление показывает, что воспитатели иначе представляют содержание своего общения с родителями по поводу ребенка. Так, по мнению воспитателей, они заметно реже уделяют внимание обсуждению с родителями недостатков их ребенка — 14,8%. В то же время обсуждение успехов, положительных качеств ребенка в их разговорах с родителями занимает доминирующее место. Эту тему отметили 70,1% воспитателей. Существенно чаще по сравнению с родителями,

Таблица 13. Темы, касающиеся ребенка, которые обсуждают родители с воспитателями детского сада (%)

	родители отцы матери			P<
	N=941	N=334	N=607	
поведение ребенка	62,1	46,1	70,8	.0001
аппетит ребенка	21,1	14,5	24,5	.0003
отношения ребенка с другими детьми	35,6	42,4	42,4	.0001
недостатки ребенка, его отрицательные качества	26,1	29,9	29,9	.0003
успехи ребенка, его положительные качества	39,1	45,3	45,3	.0001
физическое и психическое самочувствие ребенка	18,8	19,8	19,8	

они обсуждают физическое и психическое самочувствие ребенка — 45,1%. Наглядно эти различия отражены на рисунке 39.

Как мы видим, содержание общения по поводу ребенка с позиции воспитателей и родителей представляется принципиально по-разному. При этом характерно, что педагогическая этика нормативно табуирует обсуждение с родителями негативных качеств ребенка. Эту норму, по сути дела, и воспроизводят воспитатели, ставя акцент на успехах и положительных качествах ребенка.

Важно также отметить, что представленные в таблице 13 данные отчетливо фиксируют различия между отцами и матерями. Как мы видим, матери по сравнению с отцами гораздо интенсивнее обсуждают практически все обозначенные темы, касающиеся их ребенка. Подобные различия в принципе понятны, поскольку они коррелируют с приведенными выше данными о разной интенсивности общения отцов и матерей с воспитателем детского сада.

Помимо уже приведенных в таблице данных, отметим также и ряд характерных тенденций, которые были обнаружены в ходе более детального анализа. Так, например, незамужние матери по сравнению с замужними чаще обсуждают с воспитателем «недостатки ребенка, его отрицательные качества», соответственно: 39,7% и 28,2% (различия статистически значимы на уровне .05). По-видимому, подобное различие связано с актуализацией в ходе общения тех негативных переживаний, которые у незамужней матери возникают во взаимоотношениях с собственным ребенком. Если мы предположим, что чаще инициирует подобное общение именно мать, то можно рассматривать фигуру воспитателя как своеобразного «психотерапевта», который, выслушивая жалобы незамужних матерей по поводу их ребенка, «снимает» напряжение и аффекты. Понятно, что это достаточно вольная интерпретация, но ею, на наш взгляд, не стоит пренебрегать. Более того, подобная «психотерапевтическая роль» воспитателя детского сада,

по сути дела, не обсуждается в специальной психолого-педагогической литературе, и этому аспекту, как ни странно, не уделяется должного внимания при профессиональной подготовке воспитателей дошкольных учреждений. Между тем психологическая подготовка воспитателя должна предусматривать не только знание возрастных закономерностей развития ребенка, особенностей его мышления, аффективно-волевой сферы и т.д., но и формировать культуру взаимодействия с родителями ребенка.

Другие характерные различия, касающиеся обсуждения родителями тех или иных тем с воспитателем, обусловлены полом ребенка.

Так, например, *отцы девочек* более склонны обсуждать *успехи ребенка*, его положительные качества по сравнению с отцами мальчиков, соответственно: 32,3% и 23,7% (различия статистически значимы на уровне .0001). Сам по себе этот факт, на первый взгляд, трудно интерпретировать. Однако попытаемся предложить одно из возможных объяснений.

Понятно, что идентификация отца с дочерью существенно затруднена в силу половых различий. И в этом отношении можно полагать, что социальное окружение пытается своеобразно усилить «связь» отца с дочерью. Возможно, читатель не раз встречался с такими ситуациями, когда социальное окружение подчеркивает схожесть дочери со своим отцом (так, отец маленькой дочери часто слышит: «Как Анечка на Вас похожа»; «Миша, Катенька — это вылитый ты»). В этой связи можно полагать, что воспитатель детского сада, акцентируя внимание на успехах дочери, неосознанно «работает» на усиление позитивной эмоциональной идентификации отца с дочерью. Но, конечно, мы не исключаем того, что читатель, возможно, предложит и другие объяснения данного факта.

В свою очередь, *замужние матери мальчиков* чаще обсуждают с воспитателем *поведение сына* по сравнению с матерями, воспитывающими дочерей, соответственно: 74,7% и 64,9% (различия статистически значимы на уровне .01). Подобные различия вполне ожидаемы, поскольку поведение мальчиков менее нормативно, по сравнению с поведением девочек. Это и обуславливает повышенное внимание к обсуждению поведения мальчиков у родителей и воспитателей.

И, наконец, *незамужние матери мальчиков* гораздо чаще указывают на то, что темами их общения с воспитателем являются как успехи, так и недостатки сына. Так, успехи сына обсуждают с воспитателем 53,3% незамужних матерей, среди же незамужних матерей девочек этой теме в общении с воспитателем отдают предпочтение 30,9% (различия статистически значимы на уровне .03). Дополнительно отметим, что среди замужних матерей успехи своего сына обсуждают с воспитателями также меньшее число опрошенных — 30,9% (различия по сравнению с незамужними матерями мальчиков статистически значимы на уровне .02). Гораздо чаще незамужними матерями мальчиков обсуждаются и недостатки сына: среди незамужних матерей мальчиков на эту тему при общении с воспитателем по поводу

своего ребенка указывают 66,7%, а среди незамужних матерей девочек — 43,6% (различия статистически значимы на уровне .04). Замужние матери мальчиков на данную тему в общении с воспитателем указывают реже — 41,1% (различия статистически значимы на уровне .005).

Приведенные данные дают основание к выводу о том, что незамужние матери гораздо более эмоционально относятся к успехам и недостаткам своего сына по сравнению с незамужними матерями девочек и замужними матерями мальчиков. В этом отношении стоит напомнить (см. раздел 1.2.5.), что их взаимоотношения с собственным сыном эмоционально амбивалентны. И в этой связи, обсуждая проблематику общения незамужней матери с воспитателем, уместно обратиться к уже используемой нами выше интерпретации специфической позиции воспитателя детского сада как «психотерапевта». По-видимому, с воспитателем незамужняя мать делится как своими позитивными, так и негативными переживаниями по поводу ребенка. Собственно говоря, это и становится, как мы видим, доминирующей темой в их общении.

Помимо перечисленных, отметим и еще ряд выявленных различий в тематике общения родителей по поводу их ребенка, которые связаны с возрастными особенностями и социально-стратификационными характеристиками.

Полученные результаты показывают, что молодые родители чаще обсуждают с воспитателем поведение своего ребенка. Так, в возрастной когорте 21–26 лет на эту тему указывает 81,2%, а среди родителей 36–45 лет — 55,6% (различия статистически значимы на уровне .0001). В этой связи можно полагать, что в отношениях с молодыми родителями воспитатель детского сада занимает особую позицию, подчеркивая, что молодые родители не уделяют достаточного внимания «правильному воспитанию» своего ребенка: не учат его, как надо себя вести. В принципе здесь в скрытой форме обнаруживается и влияние возрастной статусной вертикали взаимоотношений «воспитатель — молодые родители». Заметим, что в данном случае мы используем представление о специфике социально-ролевых позиций, с помощью которого мы уже пытались интерпретировать особенности интенсивности общения родителей из недостаточно обеспеченного слоя с воспитателем детского сада.

Следует также обратить внимание и на то, что молодые родители чаще указывают и на такую тему при общении с воспитателем детского сада, как отношения их ребенка с другими детьми (в возрастной когорте 21–26 лет таких 47,4%, а в возрастной когорте 36–45 лет — 38,2%; различия статистически значимы на уровне .001). В определенном смысле эта тема содержательно коррелирует и с темой поведения ребенка, поскольку взаимоотношения с детьми связаны с поведением ребенка: ссоры, драки, обиды и т.п. В то же время можно полагать, что сама по себе проблема общения ребенка со сверстниками для молодых родителей является более актуальной, по сравнению с родителями старшего возраста.

Анализ данных относительно влияния социально-стратификационных параметров показывает, что здесь различия затрагивают иные аспекты тематики общения родителей с воспитателем. Так, родители из среднеобеспеченного слоя чаще обсуждают с воспитателем физическое и психическое самочувствие ребенка в детском саду (в среднеобеспеченном слое — 21,7%, а в малообеспеченном — 10,4%; различия статистически значимы на уровне .0001). В этой связи добавим, что родители из среднеобеспеченного слоя гораздо чаще интересуются и «аппетитом ребенка», соответственно: 22,9% и 13,7% (различия статистически значимы на уровне .002). Другой момент касается обсуждения недостатков ребенка, его отрицательных качеств. Ему также более склонны уделять большее внимание в общении с воспитателем родители из среднеобеспеченного слоя, соответственно: 26,6% и 18,5% (различия статистически значимы на уровне .01). Таким образом, мы видим, что родители из среднеобеспеченного слоя по сравнению с родителями из малообеспеченного слоя более озабочены физическим и психическим самочувствием ребенка в детском саду. Важно и то, что они чаще пытаются выяснить мнение воспитателя детского сада о недостатках своего ребенка. В целом сопоставление этих данных позволяет сделать вывод о том, что родители из среднеобеспеченного слоя при общении с воспитателем детского сада пытаются занять педагогически осмысленную позицию, выясняя у воспитателя, как самочувствие ребенка, так и негативные аспекты его личностных проявлений с тем, чтобы предпринять корректирующие действия.

4.4. МНЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ОБ ОТНОШЕНИИ ИХ РЕБЕНКА К ВОСПИТАТЕЛЮ

Выше мы рассмотрели специфику общения родителей с воспитателями детского сада. Однако данная глава, посвященная отношению родителей к воспитателю детского сада, была бы явно неполной, если бы мы не попытались выяснить мнение родителей о том, как их ребенок относится к воспитателю. Действительно, через призму отношения ребенка к воспитателю косвенно проявляется и специфика отношения к нему самих родителей. Ведь часто родители оценивают воспитателя именно с позиции ребенка, видят воспитателя «его глазами».

Для выяснения мнений родителей об отношении их ребенка к воспитателю детского сада мы ставили специальный вопрос, где предлагали им выбрать разные модальности отношений ребенка: от максимально позитивных («любит, ждет встречи, скучает по воспитателю») до явно негативных («боится воспитателя»).

Как ни странно, полученные результаты показывают, что практически каждый десятый родитель (10,9%) «вообще не знает», как относится их ребенок к воспитателю. Причем подобные ответы среди отцов встречаются значительно чаще, чем среди

матерей, соответственно: 15,0% и 8,7% (различия статистически значимы на уровне .001). Наиболее же выражена подобная позиция среди отцов из недостаточно обеспеченного слоя, где таких каждый четвертый — 25,6%.

Относительно немногие из родителей считают, что их ребенок испытывает страх перед воспитателем детского сада («боится его, боится послушаться»), — 2,3%. Несмотря на немногочисленность подобных ответов, стоит все же заметить, что такая оценка отношения ребенка к воспитателю более часто встречается среди матерей мальчиков — 4,0% (среди матерей девочек таких 1,2%; различия статистически значимы на уровне .03). Более того, добавим, что подобную оценку склонны существенно чаще давать матери с высшим образованием. Так, если среди матерей со средним образованием такие ответы практически не встречаются, то среди матерей с высшим образованием доля указавших данный вариант ответа составляет 4,2%. Это позволяет сделать вывод о том, что матери — и особенно матери с высшим образованием — более чувствительны к негативным переживаниям ребенка по поводу его отношений с воспитателем детского сада.

Если предыдущий вариант ответа связан со страхами ребенка («боязнью воспитателя»), то теперь рассмотрим другой, который характеризует противоположную позицию, когда ребенок не столько боится воспитателя, сколько, напротив, вступает с ним в конфронтацию («воспитатель для него не авторитет»). В целом среди родителей подобный вариант, как и предыдущий, выбрали немногие — 3,1%. Причем здесь как отцы, так и замужние матери не отличаются между собой в выборе данного варианта ответа. Однако стоит заметить, что незамужние матери, воспитывающие мальчиков, существенно чаще склонны отмечать конфрантирующую позицию своего ребенка по отношению к воспитателю — 9,4% (среди незамужних матерей девочек данный вариант ответа практически не был отмечен — различия статистически значимы на уровне .04). Это дает основания к выводу о том, что при воспитании мальчика в неполной семье у него затруднено формирование адекватной стратегии поведения с другими взрослыми. В этой связи стоит вернуться к проведенному выше анализу ситуации воспитания мальчика в неполной семье (см. раздел 1.2.5.), где мы специально подчеркивали своеобразие и амбивалентность эмоциональных состояний незамужней матери при взаимодействии с сыном. Возможно, подобные эмоциональные напряжения, возникающие между матерью и ребенком, переносятся ребенком и на его отношения с воспитателем. Или, иными словами, можно полагать, что мальчик в неполной семье находится в ситуации, когда деформирована традиционалистская полоролевая позиция матери (вследствие принятия ею на себя отцовских функций воспитания), что и дезориентирует его относительно способа поведения при общении с «женщиной-воспитателем». В этом смысле у мальчика из неполной семьи, по всей вероятности, в результате деформации социально-ролевых отношений в семье (поддержание статусно-возрастной вертикали отношений с матерью реализуется в иной логике, или модели,

родительской воспитательной стратегии) формируются и конфронтационные установки поведения по отношению вообще к «другой женщине», которая пытается реализовать последовательную воспитательную стратегию поведения.

Теперь перейдем к анализу другого варианта ответов. Отвечая на предложенный вопрос, практически каждый второй родитель (56,1%), характеризуя отношение ребенка к воспитателю, указал на то, что их ребенок «слушается, выполняет его требования». Это наиболее распространенный вариант, который фиксирует адекватность социально-ролевых отношений «ребенок — воспитатель». Следует подчеркнуть, что на ответы родителей относительно подобного типа отношений их ребенка с воспитателем практически не оказывают никакого влияния ни состав семьи, ни возраст родителей, ни другие социально-стратификационные факторы. Можно лишь отметить, что отцы со средним образованием явно реже (41,7%) по сравнению со всеми другими группами родителей акцентируют внимание на соответствии поведения своего ребенка нормам, регулирующим социально-ролевые отношения ребенка с воспитателем в детском саду. В целом же подчеркнем еще раз, что при характеристике отношений своего ребенка к воспитателю для родителей доминирующим моментом оказывается именно соответствие поведения ребенка нормативным требованиям воспитателя.

И, наконец, последний вариант ответа определяет явно позитивное эмоциональное отношение ребенка к воспитателю детского сада («любит, ждет с ним встречи, скучает»). Подобной точки зрения придерживается почти каждый третий из опрошенных родителей — 31,5%. При этом важно подчеркнуть, что на фиксацию этого типа отношения ребенка к воспитателю детского сада не оказывают какого-либо влияния социально-стратификационные факторы (уровень образования, материальное положение родителей). Однако семейный статус родителей в данном случае играет важную роль. Так, незамужние матери (44,3%) заметно чаще указывают на то, что их ребенок «любит воспитателя, ждет с ним встречи, скучает». Для сравнения: среди замужних матерей — 32,0% (различия статистически значимы на уровне 0,05). При этом следует добавить, что наиболее часто указывают на подобное отношение своего ребенка к воспитателю незамужние матери, воспитывающие девочек (50,0%). В этой связи можно предположить, что подобное, явно выраженное позитивное отношение ребенка из неполной семьи к своему воспитателю обусловлено дефицитом *позитивных* эмоциональных отношений со взрослым внутри семьи. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить отмечаемое незамужней матерью стремление ее ребенка «любить другого взрослого». Возможно, здесь сказывается и подсознательная фиксация самой незамужней матерью недостатка «тепла» со стороны взрослых к ее ребенку. Можно думать, что здесь мы сталкиваемся также и с фактом действия психологических механизмов полоролевой идентификации, обуславливающих «перенос» собственных эмоциональных состояний матери («недостаток любви») на ситуацию отношений дочери с воспитателем.

Завершая данную главу, отметим, что особенности отношения родителей к воспитателю детского сада уже анализировались в нашей предыдущей книге (В. С. Собкин, Е. М. Марич, 2000). Однако здесь мы существенно расширили изложение полученных материалов, уделив большее внимание не только специфике общения родителей с воспитателем, но и анализу влияния социально-стратификационных факторов. При этом мы попытались, интерпретируя полученные данные, «психологизировать» специфику взаимоотношений родителей и воспитателей. И в этом отношении, на наш взгляд, крайне важно обратить внимание еще раз на своеобразие той социально-ролевой позиции, которую занимает воспитатель при общении с родителями по поводу их ребенка, подчеркнув ее «психотерапевтический» аспект. В этой связи мнения родителей о воспитателе детского сада позволяют поставить специальный вопрос не только об отношениях «воспитатель — ребенок», но и о формировании профессиональной культуры общения воспитателей с родителями.

Глава V

ОБЩЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ С РЕБЕНКОМ ПО ПОВОДУ ДЕТСКОГО САДА

В данной главе мы затронем ряд аспектов, которые характеризуют особенности общения родителей со своим ребенком по поводу детского сада. Один из них касается особенностей поведения родителей в том случае, когда ребенок «отказывается идти в детский сад». Другой связан с обсуждением взрослыми и детьми событий, произошедших в детском саду. (Насколько регулярно осуждаются эти события? Кто является инициатором? Какие темы наиболее часто обсуждаются?) И, наконец, последний аспект направлен на выявление мнений родителей о социально-психологическом климате в детском коллективе, об отношениях их ребенка с детьми в группе детского сада.

5.1. ПОВЕДЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ В СЛУЧАЕ ОТКАЗА РЕБЕНКА ИДТИ В ДЕТСКИЙ САД

Понятно, что с ситуациями, когда ребенок не хочет идти в детский сад, в той или иной степени сталкиваются практически все родители. При этом их поведение может существенно отличаться. В данном случае нас и интересуют именно те *тактики поведения*, которые используют родители в случаях подобного отказа. Полученные данные показывают, что здесь родители детей старшего дошкольного возраста преимущественно используют тактику «убеждения» своего ребенка. В этом случае родители стремятся прибегать к различным аргументам о необходимости идти в детский сад, часто обещая ребенку, что они «заберут его пораньше». Эта линия поведения характерна для 61,2% родителей. Заметим, что подобная стратегия «убеждения и обещаний» более характерна для матерей, чем для отцов, соответственно: 66,1% и 52,0% (различия статистически значимы на уровне .0001). Особенно же часто склонны использовать подобную тактику поведения матери с высшим образованием — 70,5% (а среди матерей со средним образованием 58,3%; различия статистически значимы на уровне .01). Отмеченная тенденция, на наш взгляд, достаточно интересна и фиксирует склонность матерей с высшим образованием при воспитании ребенка ориентироваться в большей степени на рациональное объяснение логики и мотивов поведения. Заметим, что этот результат содержательно коррелирует с рядом зарубежных исследований (Т. Попкевиц, 1998), где было показано, что представители более высоких социальных

страт при воспитании ребенка ставят больший акцент на объяснении причин и мотивов поведения, а не на контроле за отклонениями ребенка от нормы.

Помимо тактики «объяснений и убеждений», отметим и другие. Так, 8,7% родителей занимают жесткую авторитарную позицию, «подавляя» сопротивление ребенка: «несмотря на сопротивление, заставляю идти». Заметим, что подобной линии поведения чаще склонны придерживаться отцы, чем матери, соответственно: 12,8% и 6,4% (различия статистически значимы на уровне .0004). Причем это в наибольшей степени характерно именно для отцов мальчиков — 15,8%; среди отцов девочек таких 6,5% (различия статистически значимы на уровне .004). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что тактика, ориентированная на «подавление сопротивления» ребенка наиболее характерна для отцов при взаимодействии с сыном. Заметим, что здесь явно напрашиваются психоаналитические интерпретации, возможность которых мы предоставляем сделать самому читателю.

Другой характерный момент использования тактики «подавления сопротивления ребенка» касается уровня образования родителей. Здесь наиболее часто подобную стратегию используют матери, имеющие среднее образование, при общении с сыном. Среди матерей со средним образованием тактики «подавления сопротивления» сына придерживается 18,4%, а среди матерей с высшим образованием — 5,9% (различия статистически значимы на уровне .02). Это дает основание предположить, что матери из более низких социальных страт существенно реже могут найти способы решения конфликта с ребенком противоположного пола, опираясь на логические доводы. Заметим, что пол ребенка в данном случае действительно важен, поскольку по отношению к дочерям каких-либо различий в использовании подобной стратегии между матерями с высшим и средним образованием не обнаруживается.

Противоположной, «попустительской» тактики взаимодействия с ребенком придерживается 11,5% родителей. Они предпочитают «при любой возможности в случае нежелания ребенка идти в детский сад оставлять его дома». Характерно, что подобная тактика в одинаковой степени свойственна как отцам, так и матерям. Однако, как и в предыдущем варианте ответа, здесь также проявляется влияние социально-стратификационных факторов.

В данном случае следует обратить внимание на то, что в целом как отцы, так и матери со средним уровнем образования склонны придерживаться «попустительской» тактики. Среди отцов со средним образованием — 20,8%, а с высшим — 8,3% (различия статистически значимы на уровне .01). Среди матерей, соответственно: 16,7% и 7,3% (различия статистически значимы на уровне .01). Таким образом, мы видим, что «попустительская» тактика поведения по отношению к собственному ребенку более характерна для родителей с низким образовательным статусом. Но данный вывод был бы неполным, если бы мы не обратили внимание и на социально-стратификационные различия, которые связаны с материальным статусом семьи. Здесь картина прямо

противоположна: чем выше статус, тем более склонны родители ориентироваться на «попустительскую» тактику. Так, родители из высокообеспеченных семей гораздо чаще отмечают, что они используют подобную тактику в конфликтных ситуациях взаимоотношений с ребенком — 36,4% (для сравнения, в малообеспеченном слое — 8,8%, в среднеобеспеченном — 12,7%; различия статистически значимы на уровне .01). Как видим, материальные возможности семьи (высокий уровень) существенно трансформируют тактику родительского поведения: здесь родители более склонны «потакать» желаниям ребенка. В данном случае важно подчеркнуть, что социальная стратификация, связанная с уровнем образования, и социальная стратификация, характеризующая материальный статус семьи, явно дифференцируются: родители из высокообразованного слоя относительно тактики «попустительского» поведения в отношении ребенка ведут себя иначе, чем родители из слоя высокообеспеченного.

И, наконец, отметим и еще одну линию поведения, которой придерживаются родители в случае отказа их ребенка идти в детский сад. Она связана с «проблематизацией» самой ситуации, когда родители «предлагают ребенку выбрать самому, что делать». Подобной тактики в случаях противодействия ребенка склонны придерживаться 10,4% опрошенных. В целом эта линия поведения более характерна для отцов, чем для матерей, соответственно: 15,0% и 8,1% (различия статистически значимы на уровне .001). При этом анализ полученных данных показывает, что подобная тактика взаимодействия более приемлема для отцов с высшим образованием. Так, например, если при воспитании дочери отцы со средним образованием практически не используют данную тактику поведения, избирая «попустительскую» (на нее указал каждый четвертый из опрошенных отцов со средним образованием), то отцы с высшим образованием, наоборот, склонны ориентироваться на «проблематизацию ситуации», предоставляя ребенку самому принять правильное решение. Подобной тактики придерживаются 21,2% отцов с высшим образованием.

На наш взгляд, этот результат представляет особый интерес, если мы сопоставим выбор тактики «проблематизации» с тактикой «убеждения». Действительно, среди родителей с высшим образованием относительно предпочтения этих двух моделей взаимоотношений с ребенком матери и отцы существенно отличаются между собой. Так, матери с высшим образованием склонны ориентироваться на объяснение причин, а отцы с высшим образованием предпочитают проблематизировать ситуацию, предоставляя ребенку возможность самостоятельного решения.

Выше мы рассмотрели особенности поведения родителей в случае отказа их ребенка идти в детский сад. В целом полученные материалы показывают, что доминирующей среди родителей оказывается тактика «убеждения» ребенка. Однако наряду с этим используются и другие тактики: «подавление», «попустительство», «проблематизация». Относительно их выбора явно проявляется влияние социально-стратификационных факторов,

что позволяет сделать вывод не только о существующей в разных стратах специфике взаимодействия родителей с детьми в случае их противодействия, но и о самом отношении родителей и детей к детскому саду, поскольку параллельно мы фиксируем как безусловную необходимость для ребенка его посещения, так и относительную свободу выбора.

Помимо этого, добавим, что данный сюжет в определенной степени корреспондирует с материалами второй главы, где мы обсуждали родительские стратегии поведения. Однако заметим, что ракурс рассмотрения проблематики взаимодействия родителей с ребенком в данном случае существенно иной. Так, действительно, обсуждая во второй главе книги стратегии взаимодействия родителей с детьми, мы делали основной акцент на анализе целевой, исполнительской и контролирующей фаз родительского поведения. При этом сам эмпирический материал в случае анализа стратегий был ориентирован на выявление *общих родительских предпочтений*. В данном же случае ситуация конкретна («отказ ребенка идти в детский сад») и предполагает тактику поведения родителей в ситуации конфликта, противодействия ребенка взрослому. И здесь, заметим, нам необходимы уже иные характеристики, определяющие своеобразие взаимодействия на уровне разрешения конкретной ситуации: «убеждение», «попустительство», «подавление», «проблематизация». Иными словами, сам переход к рассмотрению конкретной ситуации конфликтного взаимодействия «ребенок — взрослый» предполагает и особый методологический переход от типов *воспитательных стратегий* (определяемых в параметрах «авторитаризм — демократизм», «поддержание активности и самовыражения ребенка», «поддержание иерархии социально-ролевых позиций») к типам тактик конфликтного взаимодействия («убеждение», «попустительство», «подавление», «проблематизация»).

5.2. РЕБЕНОК О ДЕТСКОМ САДЕ

Здесь мы рассмотрим ответы родителей на три вопроса. Один касается родительских установок на обсуждение с ребенком событий, произошедших в детском саду. Второй связан с выяснением того, кому принадлежит инициатива в общении по поводу детского сада (ребенку или родителю). И, наконец, третий вопрос посвящен анализу тематики общения родителей с ребенком по поводу детского сада.

Полученные материалы показывают, что «регулярно» обсуждают со своим ребенком день, проведенный в детском саду, 60,1% опрошенных родителей. Эпизодически («иногда») — 37,6%. Практически не общаются со своим ребенком по поводу детского сада лишь единицы — 0,6%.

Следует отметить, что среди матерей доля тех, кто «регулярно» обсуждает со своим ребенком день, проведенный в детском саду, существенно выше, чем среди отцов, соответственно: 70,7%

и 41,9% (различия статистически значимы на уровне .00001). В свою очередь, отцы более ориентированы на «эпизодическое» общение с ребенком по поводу детского сада — 54,8% (среди матерей таких 27,5%; различия статистически значимы на уровне .00001).

Характеризуя особенности общения с ребенком по поводу детского сада 71,9% родителей отметили, что обычно инициаторами в этом диалоге являются они сами. Помимо этого, 45,2% родителей указали на то, что ребенок «сам рассказывает им все новости за день, проведенный в детском саду». На собственную инициативу в общении с ребенком по поводу детского сада матери, как и при ответе на предыдущий вопрос, указывают заметно чаще, чем отцы, соответственно: 76,5% и 64,1% (различия статистически значимы на уровне .0001).

Таким образом, анализ ответов родителей на два вопроса относительно «регулярности» и «инициативы» в общении с ребенком по поводу детского сада, позволяет зафиксировать заметное различие в позиции отцов и матерей. Вместе с тем отметим, что каких-либо различий между родителями с разным уровнем образования, материальным положением, а также замужними и незамужними матерями в данном случае не выявлено.

Особый интерес представляет содержательная сторона общения: те вопросы, которые задают родители своему ребенку, спрашивая его о детском саде. Полученные материалы показывают, что главное место в этих разговорах с ребенком занимают темы, касающиеся либо занятий, либо отношений ребенка с другими детьми. Их отмечают соответственно: 78,4% и 66,6% родителей. Важное место в беседах с ребенком занимают и вопросы об условиях содержания: о питании (45,0%), о дневном отдыхе ребенка (37,2%). Наконец, треть родителей (32,4%) достаточно постоянно интересуется отношениями своего ребенка с воспитателем.

Более детальный анализ показывает, что всеми перечисленными темами матери в целом интересуются заметно чаще, чем отцы (различия статистически значимы на уровне .01 и ниже). Это вполне объяснимо, поскольку, как мы показали выше, матери чаще («регулярнее») общаются со своими детьми, выступая инициаторами в обсуждении вопросов, касающихся детского сада. Характерно при этом, что каких-либо различий в самой тематике общения с ребенком среди замужних и незамужних матерей не выявлено. Не проявилось здесь влияние и социально-стратификационных факторов. Это позволяет сделать вывод о том, что в целом тематика общения родителей с ребенком по поводу детского сада культурно инвариантна.

Можно лишь отметить, что матери с высшим образованием гораздо чаще интересуются взаимоотношением своего ребенка с другими детьми в детском саду. Так, среди матерей с высшим образованием на это указали 76,9%, а среди матерей со средним образованием — 52,4% (различия статистически значимы на уровне .0001). Таким образом, мы видим, что для матерей с высшим образованием характер взаимоотношений их ребенка с другими

детьми гораздо более значим, чем для матерей с низким образовательным статусом. В то же время — и это достаточно интересно — родители из высоко обеспеченного слоя уделяют гораздо меньшее внимание обсуждению этой проблематики при общении со своими детьми. Заметим, что в данном случае мы снова сталкиваемся (как, например, при обсуждении тактики «попустительского» поведения) с тенденцией, когда влияние образовательного статуса и материального не коррелирует, а обуславливает прямо противоположные тенденции. В принципе само сопоставление тактики «попустительства» с интересом родителей к взаимоотношениям их ребенка с детьми в детском саду достаточно содержательно, поскольку характеризует своеобразие социокультурных ориентаций в разных стратах. Так, например, в высокообеспеченном слое ориентация родителей на удовлетворение, «потакание» желаниям ребенка связана и с меньшей значимостью отношений со сверстниками. Здесь детский коллектив обладает более низким «социальным статусом».

Поскольку характер общения ребенка со сверстниками в детском саду оказывается тем аспектом, относительно которого существенно дифференцируются мнения родителей, то проанализируем его более детально. С этой целью в ходе опроса мы задавали родителям специальный вопрос о том, есть ли у их ребенка друзья в детском саду?

Полученные материалы показывают, что лишь немногие родители (3,4%) практически ничего «не знают» о характере отношений своего ребенка со сверстниками в детском саду. Эти родители не смогли ответить на вопрос о наличии друзей у своего ребенка в группе детского сада. Отметим при этом, что, несмотря на общий низкий процент подобных ответов, доля «неинформированных» среди отцов все же заметно выше, чем среди матерей, соответственно: 6,0% и 1,8% (различия статистически значимы на уровне .001).

Также небольшой процент родителей (2,1%) ответил отрицательно на поставленный вопрос, указав на то, что у их ребенка «друзей в детском саду нет». При этом, на наш взгляд, интересна и мотивация, которой объясняют родители отсутствие друзей у своего ребенка в детском саду. В этом случае они апеллируют к его личным особенностям, фиксируя, что «ребенок любит играть один».

Анализируя результаты, связанные с этим вариантом ответа, следует отметить, что незамужние матери, воспитывающие мальчиков, гораздо чаще придерживаются подобного мнения по сравнению с замужними матерями и отцами. Так, среди незамужних матерей 9,4% указали, что у их сына нет друзей, и он любит играть один, в то время как у замужних матерей, воспитывающих мальчиков, этот вариант ответа выбрали 2,6% (различия статистически значимы на уровне .02). На наш взгляд, склонность незамужних матерей подобным образом характеризовать своего сына («нет друзей, так как он любит играть один») заслуживает особого внимания, поскольку позволяет уточнить своеобразие социальной ситуации развития мальчика в неполной семье,

фиксируя особый тип отношения матери к своему сыну. Действительно, здесь проявляется тенденция воспринимать его эгоцентричным и относительно замкнутым, не склонным к тесным эмоциональным контактам с другими детьми. Заметим, что это существенным образом дополняет содержание описанной в первой части нашей работы ситуации отношений «мать – ребенок» в неполной семье (см. раздел 1.2.5.). При этом подчеркнем, что незамужние матери девочек не склонны давать подобную оценку своим дочерям и в этом отношении практически не отличаются от замужних матерей, воспитывающих девочек.

Характерно, что ни возраст родителей, ни количество детей в семье, ни уровень их образования не оказывают какого-либо существенного влияния на выбор родителями подобного варианта ответа. Можно лишь отметить, что матери из недостаточно обеспеченных семей склонны несколько чаще фиксировать отсутствие друзей у своего ребенка в группе детского сада по сравнению с матерями из среднеобеспеченного слоя. Среди матерей из недостаточно обеспеченного слоя таких 4,6%, а среди среднеобеспеченных — 1,6% (различия статистически значимы на уровне .04). Таким образом, обобщая результаты, связанные с выбором данного варианта ответа, мы можем сделать вывод о том, что неблагополучие семейной ситуации (неполнота семьи, низкий уровень материальной обеспеченности) сказывается на оценках матерей, воспитывающих сына, относительно его благополучия в детском коллективе. Благополучие семейной ситуации проецируется и на благополучие ребенка в контакте с другими детьми.

Остальные три варианта ответов на предложенный вопрос, по сути дела, характеризуют как степень коммуникабельности, так и избирательность ребенка при общении с другими детьми в группе детского сада. Так, один вариант предполагает, что «есть один друг (подруга)». Другой — «есть несколько ребят из группы, с которыми он дружит». И, наконец, последний вариант — «дружит со всеми ребятами в группе детского сада». Рассмотрим более детально ответы родителей на предложенные варианты.

Отмечают, что у их ребенка «есть один друг (подруга) 7,0% родителей. Это те родители, кто фиксирует высокую избирательность своего ребенка в установлении контактов с другими детьми. Отметим, что матери и отцы не отличаются между собой относительно частоты выбора этого варианта ответа. Нет каких-либо различий между замужними и незамужними матерями. Не имеет также существенного значения и пол самого ребенка, поскольку ответы родителей мальчиков и девочек не отличаются между собой. Не влияют здесь и социально-стратификационные факторы. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что тенденция фиксировать высокую избирательность своего ребенка в контакте с другими детьми, по-видимому, не столько связана с какими-либо социальными моментами, определяющими мнение родителей, сколько с личностными особенностями (индивидуальностью) самого ребенка.

Иным образом структурируются ответы родителей относительно двух других вариантов.

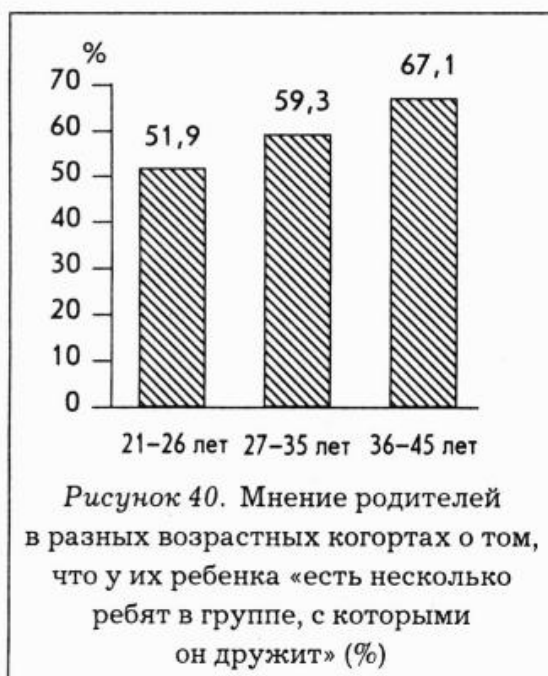
Так, стоит отметить, что вариант ответа, предполагающий наличие «нескольких ребят из группы, с которыми дружит» их ребенок, выбрало большинство родителей – 59,8%. Они считают, что их ребенок достаточно контактен, но избирателен в общении с другими детьми. При этом стоит отметить два момента, связанных с влиянием уровня образования и возраста родителей. Так, родители с более высоким уровнем образования чаще склонны считать своего ребенка вполне коммуникабельным и достаточно избирательным в общении с другими детьми. Среди отцов с высшим образованием подобной точки зрения придерживаются 69,0%, а со средним — 47,1% (различия статистически значимы на уровне .006); среди матерей соответственно: 67,9% и 52,4% (различия статистически значимы на уровне .009). Это дает основания полагать, что для высокообразованного социального слоя именно подобная модель социальных отношений их ребенка в группе детского сада и является наиболее предпочтительной: ребенок не должен дружить абсолютно со всеми, но и не должен быть замкнутым и изолированным.

Другой момент связан с влиянием возраста родителей (см. рис. 40).

Как мы видим, по мере увеличения возраста растет доля тех родителей, кто оценивает своего ребенка как достаточно коммуникабельного и обладающего избирательностью в установлении тесных отношений с другими детьми в группе детского сада.

Теперь обратимся к последнему варианту ответа, который характеризует установку ребенка на высокую степень коммуникабельности и в то же время на отсутствие у него и особой избирательности в установлении дружеских отношений с другими детьми: «дружит со всеми ребятами». Подобный стиль как характерный для своего ребенка в его отношениях с детьми в группе детского сада отметило около трети родителей — 29,2%. Анализируя особенности выбора данного варианта, следует отметить несколько характерных тенденций.

Одна из них связана с влиянием социально-стратификационных факторов, при котором наиболее существенную роль играет уровень образования. Так, среди отцов с высшим образованием данный вариант ответа выбрали 16,6%, а со средним — 31,3% (различия статистически значимы на уровне .02); среди матерей соответственно: 24,4% и 40,5% (различия статистически значимы на уровне .005). Таким образом, мы видим, что для родителей с низким уровнем образования оказывается гораздо более приемлемой подобная модель явно выраженных «коллективистских» отношений в группе детского сада.

Более того, сравнивая эти результаты с ответами на описанный выше предыдущий вариант, мы можем сделать вывод о том, что оба этих варианта явно дифференцируют социально-стратификационные группы родителей с разным уровнем образования. Действительно, родители с невысоким (средним) уровнем образования склонны больше ориентироваться на выраженную «коллективистическую» модель взаимоотношений между детьми в детском саду. Напротив, родители с высоким уровнем образования предпочитают «избирательную» модель взаимоотношений, для которой характерна достаточно высокая коммуникабельность между детьми и в то же время определенная избирательность в установлении тесных дружеских контактов. Подчеркнем, что при этом, на наш взгляд, важно не только то, что здесь мы обнаружили социально-стратификационные различия между родителями относительно их предпочтений разных типов социальных связей в детском коллективе, но и то, что различия в требованиях к социальной организации взаимосвязей между детьми со стороны родителей проявляется уже в дошкольном возрасте, на начальных этапах социализации ребенка. Отметим еще раз, что подобная дифференциация взглядов относительно структуры детских взаимоотношений обусловлена именно различиями в образовательном статусе и никак не обнаруживает себя при сравнении родителей с разным уровнем материальной обеспеченности.

В продолжение сказанного стоит отметить и еще одну особенность, которая связана с влиянием пола ребенка. Дело в том, что описанные выше различия между родителями с разным уровнем образования особенно явно проявляются среди родителей мальчиков. Именно здесь и выявлены статистические различия на высоком уровне значимости .008. Эти различия представлены на рисунке 41.

На рисунке отчетливо видно, что как матери, так и отцы со средним образованием, воспитывающие мальчиков, ценностно

более ориентированы на коллективистическую модель, характеризующую взаимоотношения их ребенка с детьми в детском саду: «ребенок дружит со всеми детьми в группе». Среди же отцов и матерей девочек подобные социально-стратификационные различия отчетливо не обозначены.

Другая тенденция связана с влиянием семейного статуса. Так, незамужние матери мальчиков по сравнению с замужними в существенно большей степени сориентированы на «коллективистические» представления о взаимоотношениях своего ребенка в детском саду: среди незамужних матерей мальчиков данный вариант ответа выбирает 43,8%, а среди замужних матерей мальчиков — 28,4% (различия статистически значимы на уровне .04). Само по себе это различие достаточно интересно и его стоит сопоставить с уже приведенными выше результатами ответов незамужних матерей мальчиков относительно другого варианта ответа, который фиксировал замкнутость и некоммуникабельность ребенка. Так, напомним, что незамужние матери мальчиков гораздо чаще по сравнению с замужними матерями мальчиков фиксируют, что у их сына «нет друзей в группе, и он любит играть один». Таким образом, сопоставляя мнения незамужних матерей мальчиков, воспитывающих сына, мы обнаруживаем две явно противоположные тенденции, связанные с определением особенностей их взаимоотношений с другими детьми в детском саду: «изоляция-коллективизм». Можно полагать, что эти тенденции, в свою очередь, фиксируют два характерных типа реакций мальчиков на ситуацию воспитания в неполной семье. Один тип — замкнутость и изоляция от сверстников; другой — стремление компенсировать социальную ситуацию, возникающую в неполной семье, гиперстремлением к контактам со сверстниками.

И, наконец, еще одна тенденция, характеризующая различия в оценках родителей, связана с их возрастом. Причем показательно, что данный вариант ответа, как и предыдущий (где фиксировалась ориентация на «избирательную» модель взаимоотношений ребенка с другими детьми), дифференцирует мнения родителей, принадлежащих к разным возрастным когортам. Однако тенденция здесь прямо противоположная (см. рис. 42).

Как мы видим, с увеличением возраста среди родителей явно снижается значимость коллективистической модели взаимоотношений их ребенка с детьми в группе детского сада. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что «избирательность» и «коллективизм» дифференцируют не только социально-стратификационные различия, связанные с уровнем

образования родителей, но также и разные возрастные когорты родителей.

Завершая данный раздел, выделим ряд моментов, которые представляются нам наиболее существенными. Во-первых, следует отметить, что жизнь ребенка в детском саду является одной из важных тем регулярного общения большинства родителей со своими детьми. При этом матери уделяют этому гораздо больше внимания.

Во-вторых, важно обратить внимание на то, что тематика общения родителей с ребенком по поводу детского сада весьма разнообразна и в целом культурно инвариантна.

В-третьих, ответы родителей, касающиеся отношений их ребенка с другими детьми в группе детского сада, выявили целый ряд характерных тенденций, фиксирующих как влияние семейной ситуации, так и своеобразие различий в социокультурных ориентациях родителей на разные модели взаимоотношений в детских коллективах. При этом важно подчеркнуть две содержательные оппозиции: «изоляция — гиперобщение», которая характеризует тип поведения мальчика из неполной семьи в детском коллективе; «избирательность — коллективизм», которая фиксирует социокультурную дифференциацию в ориентациях родителей на разные модели взаимоотношений их ребенка в детском коллективе.

Глава VI

ГОТОВНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ К ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ДЕТСКОМУ САДУ

Эту часть работы, которая в целом посвящена «отношению родителей к детскому саду», на наш взгляд, уместно завершить небольшой главой, где мы попытаемся охарактеризовать готовность родителей к оказанию помощи дошкольному учреждению. Здесь нас будут интересовать два аспекта: непосредственно сама «готовность» родителей и те «формы участия, виды деятельности», где они могут проявить свою активность.

6.1. СТЕПЕНЬ ГОТОВНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ К ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ДЕТСКОМУ САДУ

Подавляющее большинство родителей, отвечая на вопрос о своей *готовности* к оказанию какой-либо помощи детскому саду, ответили «положительно» — 87,8%. Доля же родителей, не желающих оказывать ту или иную помощь в работе дошкольного учреждения и выбравших категоричный ответ «нет», составляет 10,3%. Заметим, что среди отцов таких в два раза больше, чем среди матерей, соответственно: 14,7% и 7,8% (различия статистически значимы на уровне .0001). Это еще раз подтверждает неоднократно приводимые выше факты о меньшей заинтересованности отцов в деятельности детского сада и пребывании в нем своего ребенка. Дополнительный анализ показывает, что на ответы отцов существенно влияет пол ребенка. Так, отцы мальчиков более отстраненно относятся к деятельности детского сада по сравнению с отцами девочек (среди отцов мальчиков, отказывающихся от оказания помощи детскому саду, — 19,2%, а среди отцов девочек таких 9,7%; различия статистически значимы на уровне .01). И, наконец, заметим, что наиболее выражена тенденция к самоустранению от деятельности детского сада, нежелание оказывать ему какую-либо помощь проявилась у тех отцов мальчиков, которые имеют высшее образование. Это каждый четвертый — 25,6%.

Полученные материалы показывают, что если на нежелание отцов участвовать в деятельности детского сада оказывает существенное влияние уровень их образования и пол ребенка, то на мнение матерей эти параметры не влияют. Однако другие факторы (уровень материального положения и возраст) в равной степени обуславливают отношение отцов и матерей. Так, если мы обратимся к рассмотрению влияния уровня материального обеспечения семьи, то здесь результаты вполне ожидаемы:

родители из более обеспеченного слоя чаще проявляют готовность к оказанию какой-либо помощи детскому саду. Например, среди родителей из среднеобеспеченного слоя готовы к оказанию помощи 91,8%, а среди малообеспеченных родителей таких — 81,5% (различия статистически значимы на уровне .0001). Приведем и данные относительно доли тех, кто отказывается оказывать какую-либо помощь. Среди малообеспеченных отцов таких 24,4%, а у среднеобеспеченных — 10,2% (различия статистически значимы на уровне .002); соответственно среди матерей: 13,8% и 4,9% (различия статистически значимы на уровне .001). В принципе подобные различия между родителями из средне- и малообеспеченного слоев вполне понятны, поскольку часто детскому саду для поддержания его деятельности необходима именно материальная поддержка.

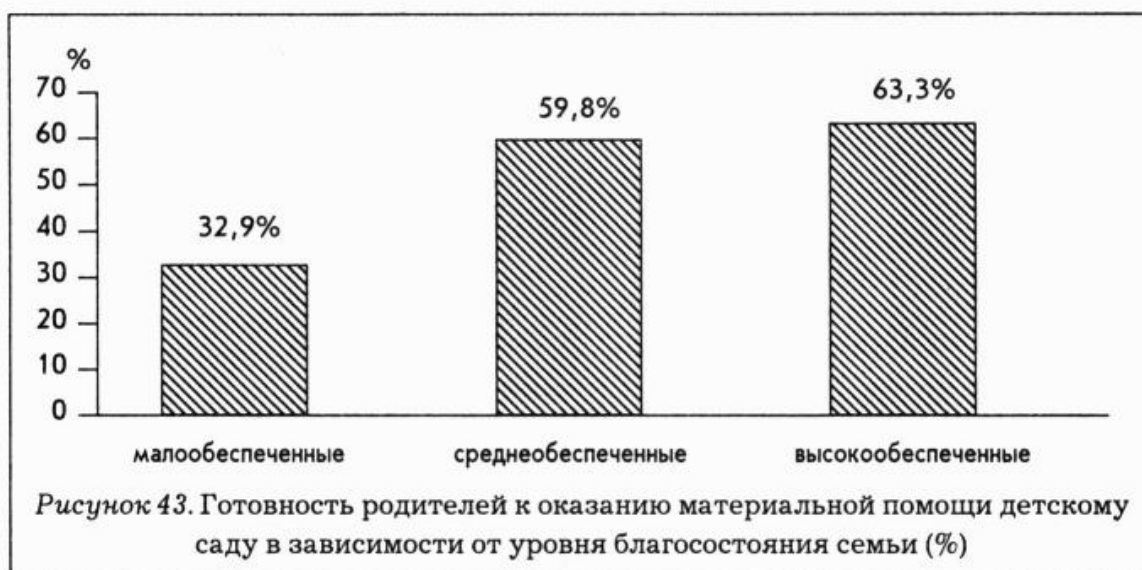
Наряду с материальным положением сказывается и влияние возраста родителей. По мере его увеличения среди родителей заметно возрастает доля тех, кто не желает оказывать поддержку дошкольному учреждению: в возрастной когорте родителей 21–26 лет таких 5,3%, в когорте 27–35 лет — 11,8%, а среди родителей в возрасте 46 лет и старше их уже 16,7%.

Как мы видим, по мере увеличения возраста доля родителей, не желающих оказывать помощь детскому саду, возросла практически в три раза. Заметим, что подобная тенденция «отстранения», как ни странно на первый взгляд, содержательно коррелирует и с ответами родителей старшей возрастной когорты об оценке ими модели коллективистических отношений детей в группе детского сада (см. рис. 40). В этой связи можно полагать, что здесь мы сталкиваемся с проявлением общей возрастной тенденции, суть которой состоит в падении значимости активного социального взаимодействия, уходе от социального участия. Причем это проявляется как в нежелании помогать детскому саду, так и в «выборе» для своего ребенка в качестве наиболее привлекательной отнюдь не коллективистической формы общения со сверстниками в детском саду.

6.2. ВОЗМОЖНЫЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ РОДИТЕЛЕЙ В ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ДЕТСКОМУ САДУ

Выше мы рассмотрели общую «готовность» родителей к оказанию помощи детскому саду. Теперь обратимся ко второму из обозначенных нами аспектов и рассмотрим конкретные *формы участия* родителей. В данном случае мы проанализируем ответы родителей на вопрос о том, какую именно помощь они готовы оказать детскому саду?

Полученные материалы показывают, что каждый второй родитель «готов внести деньги на какие-либо нужды группы детского сада». В целом ответы отцов и матерей здесь не отличаются. В то же время следует отметить, что незамужние матери существенно реже выбирают данный вариант ответа: среди

замужних матерей — 51,4%, а среди незамужних — 41,8%. Также реже готовы к такой помощи родители, имеющие троих детей и больше. В принципе эти тенденции вполне понятны и фиксируют более сложное материальное положение незамужних матерей и многодетных родителей. Наглядно же более общая тенденция готовности родителей к оказанию материальной помощи детскому саду в зависимости от уровня благосостояния семьи приведена на рисунке 43.

Как мы видим, доля родителей, готовых к оказанию материальной помощи, в малообеспеченном слое существенно ниже, чем в среднеобеспеченном (различия статистически значимы на уровне .001).

Другим достаточно распространенным видом помощи, которую готовы оказать родители, является «уборка помещений или проведение ремонта в группе детского сада». Этот вариант отметили 42,4% родителей. В целом на подобную помощь матери соглашаются чаще, чем отцы, соответственно: 46,8% и 34,7% (различия статистически значимы на уровне .0001). Поскольку подобная форма участия не требует материальных затрат, то здесь большую готовность проявили как раз незамужние матери. Среди них таких 58,2% (среди замужних — 45,1%; различия статистически значимы на уровне .03). В то же время, менее готовы к подобному роду деятельности по оказанию помощи детскому саду многодетные родители (среди них таких 23,5%), что, по-видимому, связано с дефицитом времени при воспитании нескольких детей. В целом понятно, что участие в таких видах деятельности, как уборка помещений или ремонт в группе детского сада, связаны с материальными возможностями семьи. Иными словами, те из родителей, кто не в состоянии поддержать детский сад материально, компенсируют это своим непосредственным участием. Наглядно распределение доли родителей из семей с разным уровнем дохода, указавших на данный вариант ответа, приведено на рисунке 44.

Как мы видим, чем выше уровень материальной обеспеченности, тем менее родители склонны участвовать в уборке или

ремонте помещения детского сада. Повторимся, они скорее готовы «заплатить деньги».

Около четверти родителей (23,2%) указывали и на другую возможность своего участия в помощи детскому саду, отмечая, что они могли бы помочь «достать что-либо необходимое для занятий детей». При этом и здесь матери чаще отмечают данный вариант ответа по сравнению с отцами, соответственно: 26,6% и 16,8% (различия статистически значимы на уровне .002). Причем существенно чаще подобную помощь готовы оказать незамужние матери по сравнению с замужними. Среди них таких 40,5%, а среди замужних — 24,8% (различия статистически значимы на уровне .006). Стоит добавить, что отцы с высшим образованием несколько чаще указывают на готовность оказать подобную помощь детскому саду по сравнению с теми отцами, которые имеют среднее образование, соответственно: 23,4 и 10,4% (различия статистически значимы на уровне .05). И, наконец, на выбор родителями данного варианта ответа оказывает заметное влияние и уровень материальной обеспеченности семьи. Так, если в малообеспеченном слое на него указывает 19,7%, то в среднеобеспеченном — 26,0% (различия статистически значимы на уровне .03).

Наряду с отмеченными выше моментами, которые в той или иной степени связаны с готовностью оказать «материальную поддержку» деятельности детского сада (либо просто «внести деньги», либо «помочь в уборке или ремонте», либо «что-то достать»), каждый четвертый родитель (24,0%) указал на то, что он «готов оказать помощь в организации праздника, проведении экскурсии с детьми, культпохода и т.д.». Этот вариант также чаще отмечают матери по сравнению с отцами, соответственно: 29,3% и 15,0% (различия статистически значимы на уровне .00001).

Более детальный анализ полученных данных позволил выделить ряд характерных тенденций.

Так, например, родители с одним ребенком чаще указывают на свою готовность оказать помощь в организации праздника,

экскурсии и т.п. по сравнению с теми родителями, кто имеет двух детей, соответственно: 26,7% и 18,2% (различия статистически значимы на уровне .005). Этот факт может свидетельствовать о большем интересе родителей, имеющих одного ребенка, к социальным и культурным аспектам жизни детей в детском саду.

Сказываются и возрастные различия (см. рис. 45).

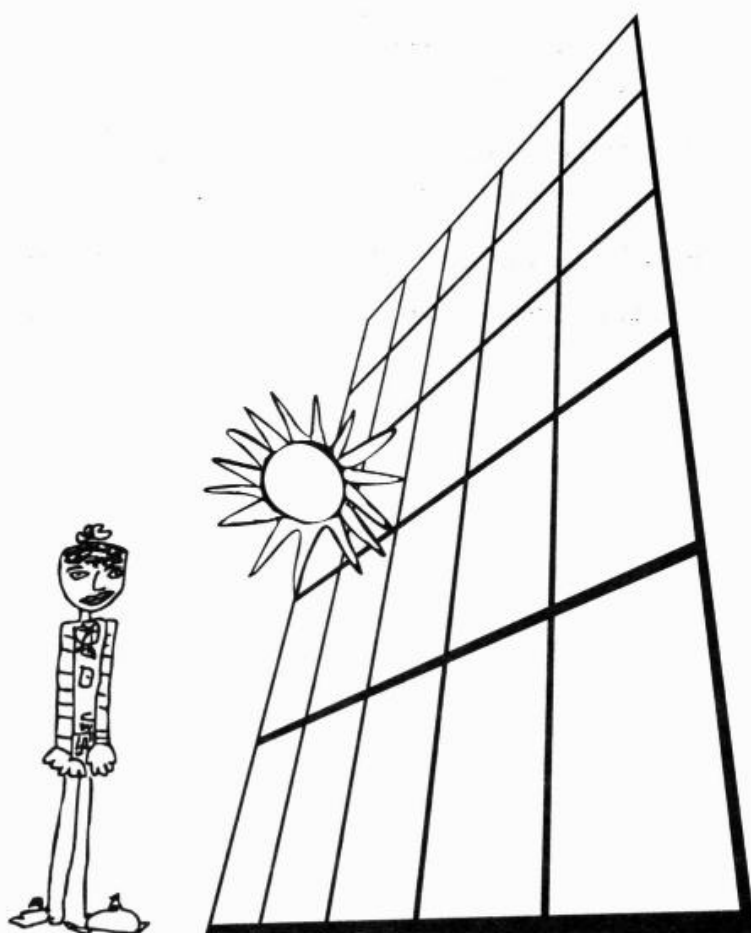
Как видно из рисунка, с увеличением возраста для родителей все менее значимым оказывается непосредственное участие в организации культурно-образовательной среды их ребенка в детском саду. Таким образом, и в данном случае мы сталкиваемся с отмеченной тенденцией «отстранения» родителей по мере увеличения их возраста от участия в деятельности детского сада.

Помимо этого, анализ материалов показывает, что в отличие от предыдущих вариантов здесь на ответы родителей существенное влияние оказывает пол их ребенка. Причем влияние этого фактора проявляется только у матерей. Так, матери девочек гораздо чаще указывают на свою готовность оказать помощь в организации культурной жизни детского сада по сравнению с матерями мальчиков, соответственно: 34,7% и 24,1% (различия статистически значимы на уровне .003). Можно полагать, что здесь проявляет себя действие механизма полоролевой идентичности матери со своей дочерью, который возможно и обуславливает актуализацию у матери своих собственных позитивных детских переживаний (праздники, поход в театр, на концерт и т.д.) с тем, чтобы попытаться «воссоздать» их в жизни своей дочери.

И, наконец, следует отметить, что в выборе данного варианта ответа никак не проявляют себя такие социально-стратификационные факторы, как уровень образования или уровень материального положения семьи, которые достаточно отчетливо дифференцировали родителей в ситуациях, предполагающих материальную поддержку. Это дает основание полагать, что готовность в оказании помощи по организации культурной жизни ребенка в детском саду связана с более тонкими социально-психологическими моментами. В частности повторимся, подобная готовность обусловлена тенденциями актуализации, реконструкции родителями собственного детского опыта и их стремлением спроецировать свои позитивные переживания на социальную ситуацию развития собственного ребенка. Именно к опыту этих позитивных переживаний собственного детства взрослый и стремится приобщить своего ребенка.

Часть 3

**СЕМЬЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА
СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Глава I. Особенности интеллектуального развития ребенка-дошкольника	191
Глава II. Особенности эмоционально-личностной сферы детей дошкольного возраста	199
2.1. Сравнительный анализ рисунков детей из полных и неполных семей	201
2.2. Опыт структурного анализа детских рисунков «Моя семья»	209
2.3. Особенности эмоционального состояния детей в детском саду	228
Глава III. Особенности игры современных дошкольников	234

Первая часть этой книги была посвящена изучению ценностных ориентаций и воспитательных стратегий родителей; вторая — их отношению к детскому саду. В целом обе предыдущие части направлены на социологический анализ тех или иных аспектов, характеризующих своеобразие *родительских позиций* при воспитании ребенка дошкольного возраста. Заметим, что полученные нами результаты достаточно отчетливо фиксируют типологические различия. Особенно явно это проявилось в ходе рассмотрения эмпирических материалов первой части работы при сравнении ценностных ориентаций и воспитательных стратегий отцов и матерей. При этом, как мы показали, на характер реализуемых родителями стратегий существенное влияние оказывает и пол ребенка. Более того, исследование выявило, что деформация структуры семьи (неполнота семьи) принципиально трансформирует и саму социокультурную ситуацию воспитания ребенка, которая проявляется в своеобразных изменениях родительских стратегий при воспитании мальчика или девочки в неполной семье.

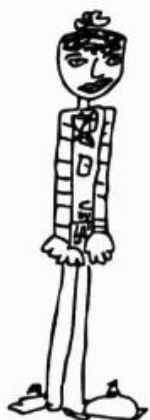
Вторая часть книги важна, на наш взгляд, в том отношении, что представленный в ней материал достаточно отчетливо проявляет влияние социально-стратификационных факторов (уровня образования родителей и материального статуса семьи) на содержательные особенности воспитания ребенка. Это выражается как в требованиях родителей к содержанию программ дошкольного воспитания, так и в их удовлетворенности образовательными услугами.

Однако заметим, что обе предыдущие части оказались пока не «замкнуты» на показатели, характеризующие *уровень развития самого ребенка*. По сути дела на протяжении всей книги мы лишь один раз «услышали голос ребенка», когда рассматривали материалы интервью с детьми об их отношении к детскому саду. Поэтому в этой части работы мы обратимся к материалам обследования 623 детей старшего дошкольного возраста (5–6 лет), которое было нами осуществлено в рамках программы данного социологического исследования. Подчеркнем, что обследованные нами дети — это дети именно тех родителей, которые принимали участие в социологическом опросе.

В ходе обследования детей мы попытались выявить особенности их интеллектуального и эмоционального развития. Помимо этого, было также проведено специальное интервью с детьми, направленное на выявление их любимых игр, сформированности у них представлений об «игровом правиле» и «игровой роли». Этот

момент важен, поскольку игровая деятельность является ведущей в старшем дошкольном возрасте и влияет на общее личностное развитие ребенка, формирование произвольности и правилосообразного поведения. В этой связи напомним, что в предыдущих частях работы мы уже приводили данные об ориентациях родителей на поддержание игровой деятельности у своих детей. Теперь же мы имеем возможность в первом приближении оценить уровень ее сформированности у детей старшего дошкольного возраста.

Отмеченным трем моментам (развитие интеллектуальной сферы, развитие эмоциональной сферы, сформированность игровой деятельности) и посвящены соответственно три главы этой завершающей части книги. Однако прежде, чем приступить к изложению конкретных материалов, обратим внимание на одно принципиальное, с нашей точки зрения, обстоятельство. Действительно, вполне закономерен вопрос о том, в чем, собственно говоря, отличие данного исследования от многочисленных психологических работ, где детально исследуются особенности развития ребенка в дошкольном возрасте. Так, используемые нами методики достаточно хорошо известны и часто применяются в психологических работах. В чем же «новизна»? Не только ведь в том, что исследование проведено на большой выборке детей, которая по меркам обычных психологических исследований просто огромна? Понятно, что здесь вопрос не ставится нами и в плоскости «стандартизации тестов», поскольку эта специальная задача по их отработке содержательно не связана с предыдущими частями книги. Поясним нашу позицию. Дело в том, что столь большая выборка обследованных детей, во-первых, необходима для анализа особенностей влияния социально-стратификационных факторов на уровень развития ребенка. И, во-вторых, и в этом, собственно говоря, и состоит новизна подхода, здесь мы попытаемся при интерпретации полученных результатов соотнести особенности развития ребенка с реализуемыми воспитательными стратегиями родителей; с характеристиками социокультурных ситуаций воспитания мальчиков и девочек в полной и неполной семье.

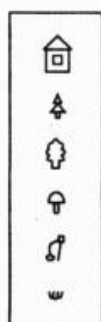
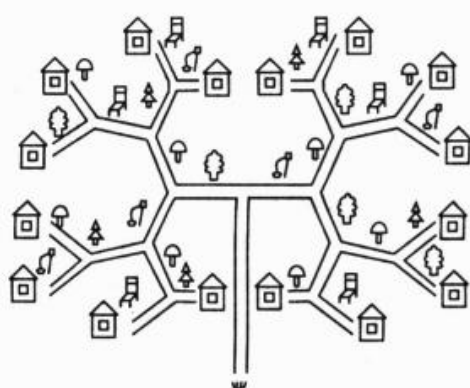
Глава I

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА-ДОШКОЛЬНИКА

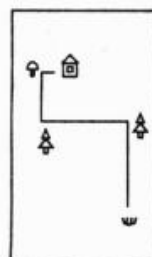
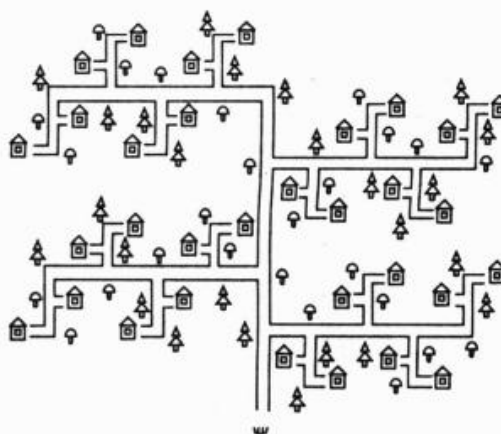
Для того чтобы выявить особенности интеллектуального развития детей 5–6 лет, мы провели диагностику их наглядно-образного мышления по методике, разработанной Л.А. Венгером [7]. Суть методики заключается в следующем. Ребенку последовательно предлагается ряд заданий на листах бумаги с изображениями различных «полянок». На «полянках» нарисованы разветвленные дорожки. В конце каждого ответвления стоит домик. На одних полянках дорожки не имеют никаких знаков, а на других каждый отрезок пути после разветвления отмечен определенным «ориентиром» (грибок, елочка, ягодка, дерево, стул, цветок, травка). На каждой «полянке» схема дорожек и «ориентиры» различны. Примеры тестовых заданий приведены ниже.

В нижней части листа изображена карточка-«письмо» со схематическим указанием пути к конкретному домику. В «письме» изображена либо ломаная линия, указывающая направление пути, по которому следует вести поиск домика, либо расположенные в определенной последовательности (снизу вверх)

Примеры тестовых заданий по методике Л. А. Венгера

ПИСЬМО

ПИСЬМО

те «ориентиры», мимо которых надо идти к домику (грибок, елочка, ягодка, дерево, стул и др.), либо, наконец, дано одно-временное указание направления пути (ломаная линия) и «ориентиров».

При выполнении задания ребенку дается следующая инструкция: «Ты получил письмо, на котором указано, как пройти к нужному домику. Попробуй найти этот домик и покажи его на рисунке».

Детям предлагалось решить десять подобных задач по поиску домика. За правильное решение всех задач можно получить максимум 40 баллов. Задания выполнялись каждым ребенком индивидуально.

В целом материалы исследования показывают, что мальчики и девочки одинаково успешно справились с предложенным заданием. У мальчиков средний балл 30,7, у девочек — 31,3.

Обратимся к более детальному анализу полученных материалов.

Влияние полноты семьи. Важно отметить, что данный фактор оказывает заметное влияние на характер выполнения теста мальчиками (см. рис. 46).

Как мы видим, мальчики из полных семей имеют существенно более высокие показатели по сравнению со своими сверстниками из неполных семей (соответственно: 31,4 и 21,9 балла). У девочек же этот фактор не играет существенной роли (соответственно: 31,0 и 30,1). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что отсутствие отца негативным образом сказывается на развитии наглядно-образного мышления, в первую очередь именно у мальчиков.

Для интерпретации выявленных различий обратимся вновь к материалам об особенностях стратегий воспитания, которые реализуют родители в ситуации полной и неполной семьи. Поскольку среди девочек, воспитывающихся в неполной семье, отсутствие отца не влияет на их успешность выполнения данного теста (их показатели близки к показателям мальчиков и девочек, воспитывающихся в полной семье), то необходимо сопоставить особенности родительских стратегий при воспитании мальчика в неполной семье с другими тремя ситуациями: воспитание мальчика в полной семье, воспитание девочки в полной семье и воспитание девочки в неполной семье. Если в этой связи мы обратимся к рисунку 21, где представлены стратегии, характеризующие типы социальных си-

туаций воспитания мальчиков и девочек в полной и неполной семье, то обнаружим, что принципиальное отличие ситуации у мальчиков, воспитывающихся в неполной семье, связано с реализацией матерью стратегии, определяемой отрицательным полюсом второго фактора ($-F_2$). Во всех же других трех ситуациях мать реализует противоположную стратегию, определяемую положительным полюсом этого фактора ($+F_2$). Поэтому данный фактор можно рассматривать как центральный при интерпретации результатов, фиксирующий более низкий уровень интеллектуального развития мальчиков из неполных семей.

Напомним, что положительный полюс второго фактора ($+F_2$) характеризует стратегию по поддержанию социально-статусной возрастной вертикали, а отрицательный ($-F_2$) направлен на поддержание активности ребенка и его самовыражения. Таким образом, на первый взгляд, результат достаточно парадоксален. Он состоит в том, что воспитательная стратегия матери в ситуации неполной семьи, ориентированная на поддержание активности и самовыражения сына, негативно влияет на его интеллектуальное развитие. Более того, саму парадоксальность результата можно еще более усилить, поскольку в структуру отрицательного полюса фактора ($-F_2$) с высокой нагрузкой входит и декларирование такой воспитательной цели, как «развитие в ребенке умственных и интеллектуальных способностей». Иными словами, при постановке воспитательной цели, связанной с умственным развитием сына и ориентацией матери на поддержание его активности, достигается прямо противоположный результат — показатели по тесту Л.А. Венгера оказываются крайне низкими.

Это то, что обращает на себя внимание в первую очередь. Однако если мы проанализируем структуру данного фактора F_2 более детально, то полученный результат окажется вполне объяснимым. Так, напомним, что при характеристике положительного полюса фактора ($+F_2$) мы отмечали не только то, что он определяет ориентацию на поддержание социально-статусной возрастной вертикали, но «определяет и позитивные эмоциональные состояния, такие, как: «я заново познаю окружающий мир», «я открываю в себе много новых качеств». Причем эти позитивные оценки скорее когнитивны, чем собственно эмоциональны. Таким образом, в целом ориентация на соблюдение социально-статусной возрастной вертикали отношений с ребенком связана не только с применением наказаний, подчеркивающих доминирующую позицию взрослого, но и с акцентированием внимания взрослого к когнитивным аспектам собственного развития» (стр. 85 настоящего текста). Этот момент, на наш взгляд, и является принципиальным для понимания различий в успешности выполнения теста Л.А. Венгера мальчиками из неполных семей.

Действительно, положительный полюс фактора $+F_2$ характеризует фиксацию взрослым при взаимодействии с ребенком моментов, касающихся собственного развития. Иными словами, именно ситуация общения взрослого с ребенком, когда взрослый фиксирует свое собственное саморазвитие, оказывается

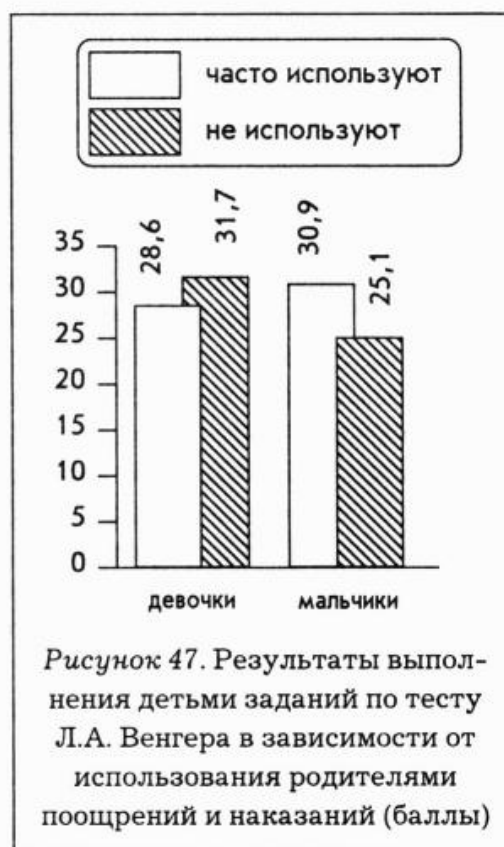
продуктивной и для интеллектуального развития ребенка. В этом отношении эмпирически полученный результат, на наш взгляд, имеет фундаментальное значение, поскольку мы видим, что декларирование воспитательных целей по интеллектуальному развитию ребенка и даже реализация стиля взаимодействия, направленного на поддержание его активности, оказываются непродуктивными, если сам взрослый рассматривает ребенка лишь как объект своего воспитательного воздействия и не воспринимает ситуацию общения с ребенком как важную для него лично, развивающую самого взрослого. В данном случае мы фиксируем, что развитие ребенка может быть реализовано только в ситуации *совместной деятельности* «взрослый — ребенок». Совместной деятельности в том глубоком философском и психологическом понимании, которое придавалось ей Л.С. Выготским и его последователями. В психологических работах, посвященных дошкольному возрасту, важность особой *смысловой включенности* взрослого в ситуацию воспитания ребенка-дошкольника отмечалась А.В. Запорожцем, Д.Б. Элькониным, М.И. Лисиной, Е.О. Смирновой и др. Добавим, что этот результат является и подтверждением продуктивности идеологии педагогики сотрудничества, наиболее отчетливо сформулированной как партнерство взрослого и ребенка О.С. Газманом.

Роль наказаний. Помимо анализа родительских стратегий, влияющих на интеллектуальное развитие ребенка в полной и неполной семье, специальный интерес представляет рассмотрение вопроса о *роли наказаний*. В этой связи заметим, что при описании специфики тех или иных родительских стратегий мы выделяли в качестве характеристики контролирующей фазы аспекты, определяющие отношение родителей к наказанию своего ребенка. В то же время подчеркнем, что сами вопросы, касающиеся наказаний, при определении родительских стратегий характеризуют преимущественно *отношение* родителей как к самой возможности применения наказаний, так и отношение к использованию тех или иных конкретных видов наказаний. Однако ответы на эти вопросы не дают оснований говорить об *интенсивности* (частоте) использования родителями наказаний своего ребенка. Между тем сама проблема влияния наказаний на развитие ребенка имеет важное значение как в научном, так и в практическом плане. Более того, это один из традиционных педагогических сюжетов.

В этой связи в ходе нашего социологического опроса родителям задавались специальные вопросы о том, насколько они склонны к поощрению и наказанию своего ребенка. Заметим, что эти вопросы строились с целью выявить группу тех родителей, которые не склонны к поощрению и наказанию своего ребенка, что позволяет выделить особый тип отношений с ребенком, характеризующий «отстраненность» родителей. Иными словами, подобные вопросы позволяют дифференцировать родительское отношение через оппозицию «теплое — холодное». На рисунке 47 приведены данные об успешности выполнения теста Л.А. Венгера детьми в зависимости от склонности их роди-

телей использовать поощрения и наказания.

Приведенные на рисунке данные однозначно свидетельствуют о том, что склонность родителей к частому использованию наказаний своего ребенка явно негативно сказывается на уровне его интеллектуального развития. В свою очередь, дети, чьи родители склонны к частому использованию поощрений, заметно лучше справляются с заданиями теста на интеллектуальное развитие, чем те, родители которых отказываются от применения поощрений. Помимо этого, данные, приведенные на рисунке, интересны и еще в одном отношении. Так, можно заметить, что самые низкие показатели интеллектуального развития обнаружены именно у тех детей, чьи родители не склонны к поощрению своего ребенка (25,1 балла). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что «холодный» тип общения с ребенком (отсутствие стимулирующих подкреплений, фиксирующих достижения ребенка) явно негативно влияет на его интеллектуальное развитие. Для педагогики этот вывод очевиден, однако, как мы видим, в практике воспитания (причем даже собственного ребенка) у части родителей подобная ориентация на поддержку успехов своего ребенка отсутствует, что ведет к явному снижению уровня его интеллектуального развития.

Влияние социально-стратификационных факторов. Наряду с рассмотренными выше аспектами (полнота/неполнота семьи, родительские стратегии воспитания, ориентации родителей на использование наказаний и поощрений) особый интерес представляет и анализ влияния социально-стратификационных факторов на уровень интеллектуального развития детей старшего дошкольного возраста.

В этой связи обратимся к данным об успешности выполнения теста Л.А. Венгера детьми с разным уровнем образования родителей. Предварительно напомним, что на протяжении всей книги мы фиксировали целый ряд различий между родителями со средним и высшим уровнем образования. Укажем достаточно характерные. Так, при определении цели воспитания матери и отцы с высшим образованием более склонны фиксировать необходимость интеллектуального развития своего ребенка, чем родители, имеющие среднее образование. Родители с высшим образованием более ориентированы и на такую воспитательную задачу, как передача ребенку своих знаний и умений. По сравнению с родителями со средним образованием родители с высшим

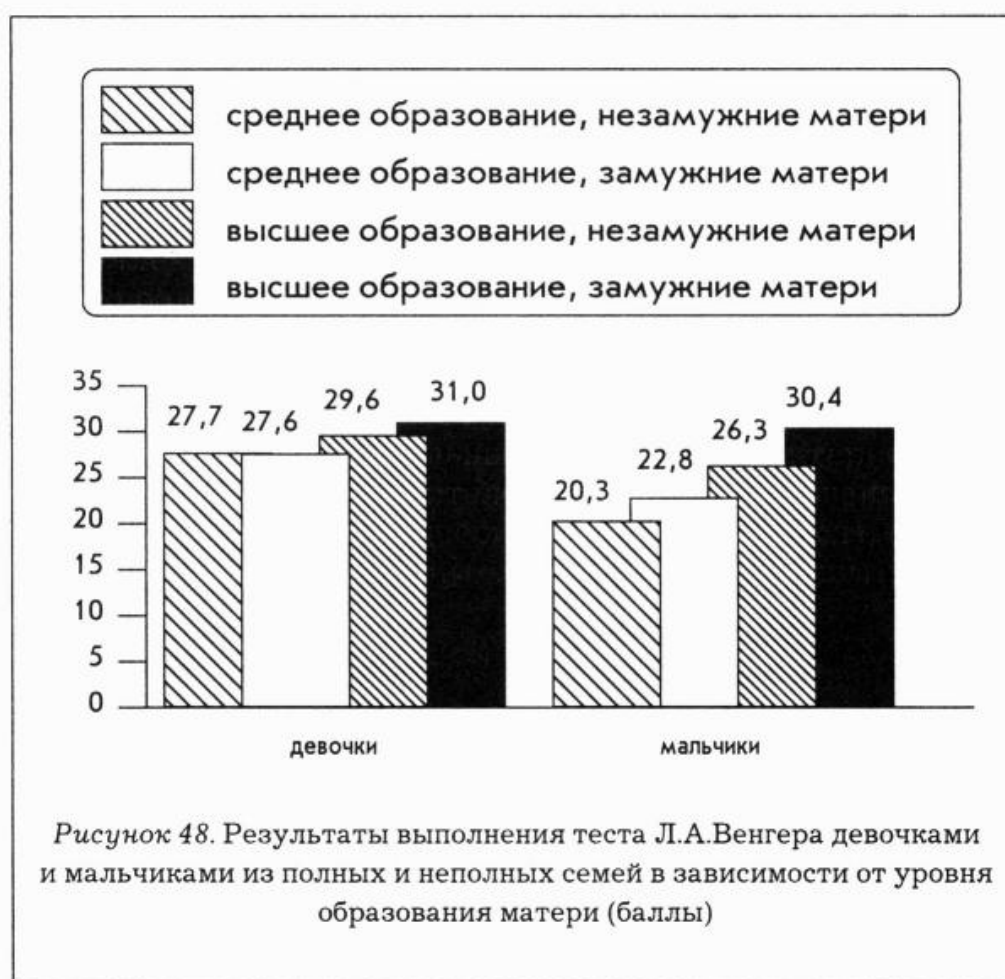
образованием считают, что именно в семье ребенок получает наиболее важные для себя знания и умения. При этом сама *структура досуга* семьи организована существенно иначе: родители с высшим образованием уделяют гораздо большее внимание в свое свободное время *чтению книг и играм* со своим ребенком, а также посещению с ним различных *культурных центров*. Помимо этого, отметим и ряд моментов, которые напрямую касаются своеобразия родительских стратегий. Так, отцы с высшим образованием склонны чаще использовать *поощрения*, чем отцы со средним образованием. Матери же с высшим образованием чаще, чем матери со средним образованием, указывают на когнитивные аспекты, связанные с *собственным развитием* при взаимодействии со своими детьми. Более склонны матери с высшим образованием к *поддержке активности и самовыражения ребенка*. Таким образом, отмеченные моменты (а к ним можно добавить и еще ряд других) позволяют предположить, что более высокий уровень образования родителей позитивно влияет на интеллектуальное развитие ребенка дошкольного возраста.

Между тем сравнение успешности выполнения теста детьми, чьи родители имеют среднее и высшее образование, показывает, что здесь различия не столь значительны, как можно было бы ожидать. У детей с высшим образованием родителей средний показатель по тесту Л.А. Венгера 29,4 балла, а со средним образованием — 28,1 балла. Причем полученные данные свидетельствуют о том, что уровень образования отца не оказывает практически никакого влияния на уровень интеллектуального развития ребенка. Средние данные по результатам выполнения теста Л.А. Венгера детьми, чьи отцы имеют высшее образование 31,5 баллов, а со средним образованием — 31,3 балла.

Однако более детальный анализ материалов показывает, что уровень образования матери имеет принципиальное значение. Для того, чтобы выявить его влияние, важно сопоставить два фактора: уровень образования и полноту/неполноту семьи. На рисунке 48 приведены данные о выполнении теста девочками и мальчиками из полных и неполных семей, чьи матери имеют среднее и высшее образование.

Как мы видим, при воспитании девочки в ситуации неполной семьи уровень образования ее матери на успешность выполнения теста практически не оказывает никакого влияния. В ситуации воспитания в полной семье в целом показатели девочек заметно выше, чем у девочек из неполных семей (в среднем на 2 балла). Причем высокий уровень образования матери при воспитании девочки в полной семье оказывает свое позитивное влияние, хотя различия здесь и не столь существенны.

Принципиально иная ситуация обнаруживается, если мы обратимся к результатам выполнения теста мальчиками. Здесь явно проявляется позитивная динамика успешности выполнения теста в зависимости от благополучия семейной ситуации и уровня образования матери. Так, самые низкие показатели обнаружены у мальчиков из неполных семей, чьи матери имеют низкий уро-

вень образования (20,3 балла), а самые высокие у тех мальчиков, которые воспитываются в полной семье и матери которых имеют высшее образование (30,4 балла). Весьма значительный разрыв в успешности выполнения теста (10 баллов) позволяет сделать однозначный вывод о том, что неблагополучие семейной ситуации и низкий образовательный уровень матери явно ведут к задержке интеллектуального развития мальчика.

Приведенные данные, на наш взгляд, имеют принципиальное значение, поскольку фиксируют и значимость самих рассматриваемых нами факторов — полноты семьи и уровня образования — на интеллектуальное развитие ребенка. Как мы видим, доминирующую роль здесь играет благополучие самой семейной ситуации — полнота семьи. В ситуации же полной семьи явно актуализируется позитивное значение уровня образования матери при воспитании мальчика. И здесь, по-видимому, сказываются уже отмеченные нами содержательные моменты, характеризующие своеобразие ориентаций родителей с высшим образованием при воспитании своего ребенка. Подчеркнем, что это касается и целевых ориентаций, связанных с интеллектуальным развитием

ребенка, и установки родителей на поддержание активности и самовыражения ребенка, и их готовности принять партнерскую позицию при взаимодействии с ним, когда сама ситуация рассматривается матерью как продуктивная для ее собственного развития. И, наконец, немаловажную роль играет в данном случае содержательная организация досуга ребенка, когда особое внимание уделяется родителями чтению книг и игре.

Глава II

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Основное внимание в этой главе мы уделим сравнению особенностей эмоциональной сферы детей, живущих в полной и неполной семье. Заметим, что на протяжении всей книги мы постоянно фиксировали дифференцирующую роль такого фактора, как полнота/неполнота семьи. В частности, это проявилось при анализе ценностных ориентаций родителей, их стратегий воспитания, общении с ребенком в свободное время. При этом мы показали принципиальные особенности трансформации родительской позиции матери при воспитании ребенка в неполной семье. Даже если мать старается восполнить отсутствие отца и делает все возможное, чтобы соединить в себе роли обоих родителей, она в принципе не может реализовать одновременно обе родительские позиции — материнскую и отцовскую. И, наконец, отметим, что и материалы предыдущей главы также показывают существенное влияние полноты семьи на интеллектуальное развитие ребенка-дошкольника. Причем особенно явно это проявляется при воспитании мальчика в неполной семье.

Подчеркнем, что распад семьи является острой проблемой нашего общества. В настоящее время наблюдается стремительный рост количества разводов. По данным статистики, за последние годы резко возрастает число детей, которые воспитываются в неполных семьях, где в подавляющем большинстве воспитателем является мать. Так, если в 1990 году число детей, находившихся в ситуации расторгнутых браков, составляло 466,1 тыс. человек, то к середине 90-х (в 1995 году) их численность увеличилась в 1,3 раза и составила уже 620,0 тыс. человек. Помимо этого, важно иметь в виду постоянный рост количества детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке: в 1995 году численность таких детей составляла 288 тысяч человек. Для определения динамики этой тенденции отметим, что в 1970 году доля таких детей от всех родившихся составляла 10,6%, в 1980 — 10,8%, в 1990 — 14,6%, а в 1995 уже 21,1%. Таким образом, по сравнению с 1970 годом к середине 90-х произошло увеличение доли детей, родившихся вне брака в два раза. По сути дела, каждый пятый родившийся в России ребенок находится в подобной ситуации (Собкин В.С., Кузнецова Н.И., 1998).

Отмеченные негативные тенденции характерны и для второй половины 90-х годов. Поэтому анализ специфики развития ребенка в неполной семье приобретает сегодня особую социальную значимость. Есть все основания полагать, что условия жизни

ребенка в неполной семье будут отражаться на его личностном развитии: его эмоциональном самочувствии, самооценке, его отношении к окружающим людям.

Понятно, что сама эта проблема не нова. Было проведено немало клинических наблюдений, которые свидетельствуют о травмирующей роли развода на маленького ребенка. Факт развода вызывает такие тяжелые последствия, как невротические болезни, депрессивное состояние, озлобленность, агрессивность ребенка и пр. Однако вопрос о том, являются ли эти отклонения временными или достаточно устойчивыми, остается открытым.

Учитывая массовый характер такого явления, как неполная семья, чрезвычайно важно выяснить, имеет ли воспитание ребенка без отца устойчивые и закономерные последствия для развития личности ребенка и каковы именно эти последствия. Ответить на вопрос довольно трудно, так как это требует достаточно объемных и сложных исследований. Объемных, потому что проследить общие закономерности возможно только на больших выборках испытуемых, где сглаживаются индивидуальные варианты. В данном случае это особенно важно, так как семейное воспитание крайне индивидуально и при небольших выборках индивидуальные различия могут нивелировать общие тенденции. Сложным такое исследование является из-за отсутствия методик, для адекватного выявления личностного развития ребенка. Если применительно к развитию интеллекта и произвольности ребенка в психологии накоплен достаточно богатый арсенал тестов, в частности, один из них мы и использовали в нашем исследовании (см. предыдущую главу), то валидных и стандартизованных методик, выявляющих личностное развитие и эмоциональное состояние ребенка, практически нет, а те же, которые имеются, рассчитаны на индивидуальный клинический анализ отдельных случаев и не подходят для обследования больших выборок.

Анализ работ по этой теме показывает, что наиболее широко используемой методикой для исследования эмоционального состояния и особенностей личности ребенка-дошкольника являются рисуночные тесты («рисунок семьи», «рисунок дерева», «незнакомое животное» и др.) [15; 26; 53]. Многократно показано, что рисунки детей 5–7 лет значительно глубже раскрывают их переживания и их внутренний мир, чем вербальные методики или метод наблюдения. В связи с этим в практической психологии и психокоррекционной работе с маленькими детьми использование рисуночных тестов является одним из основных методов диагностики эмоционального состояния и личностных проблем ребенка.

Наиболее популярная методика в работе с дошкольниками — «рисунок семьи». По мнению многих психологов, рисунок семьи — высокоинформативное средство познания личности ребенка, отражающее восприятие себя и других членов семьи, его чувства и переживания, его отношение к близким взрослым. Однако рисуночные методики традиционно используются в индивидуальной работе с отдельным ребенком и не применяются для исследования больших групп детей. Вместе с тем в психологии

уже отработаны определенные параметры для оценки и интерпретации детских рисунков: цветовая гамма рисунка, прорисованность, порядок расположения и размер фигур, расстояние между ними и др. Можно полагать, что эти параметры применимы не только для качественной оценки отдельного рисунка, но и для количественного анализа рисунков больших групп детей. Естественно, такой количественный анализ не позволяет учесть многие нюансы, значимые при индивидуальной интерпретации изображения. Однако мы полагаем, что разработанная нами методика контент-анализа детских рисунков позволит сравнить разные выборки испытуемых а аспекте особенностей эмоционального состояния и личностного развития (достаточно детально сама методика и предварительные результаты сравнительного анализа детских рисунков изложены в наших предыдущих работах [41; 42; 47]).

Основываясь на этом предположении, мы провели сравнительный анализ детских рисунков «Моя семья» в двух группах детей 5–7 лет: живущих в полной и неполной семье. В исследовании приняли участие те же 623 ребенка, которые обследовались нами и по методике Л.А. Венгера. Повторимся, что это дети тех родителей, которые приняли участие в нашем анкетном опросе.

2.1. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РИСУНКОВ ДЕТЕЙ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

При анализе рисунков для нас было важно выяснить:

- 1) эмоциональные характеристики, отражающие настроение ребенка и его отношение к семейной ситуации;
- 2) взаимоотношения ребенка в семье, которые выявляются через особенности изображения членов семьи относительно Я-фигуры ребенка;
- 3) характер образа себя и самооценки ребенка, которые можно выяснить через анализ изображений Я-фигуры и общего сюжета рисунка.

В процессе выявления данных аспектов использовались традиционные для рисуночных методик показатели, которые оценивались по специально разработанным шкалам. Остановимся на этих показателях и на способах их оценки подробнее.

В качестве показателей эмоционального тонуса рисунка использовались:

- *цветовая гамма рисунка* (принято считать, что чем теплее цветовая гамма рисунка, тем более положителен эмоциональный настрой ребенка, черно-белые тона или контур свидетельствуют о негативном состоянии, либо об отчуждении);
- *наличие улыбок на лицах людей* (этот параметр отражает жизнерадостное настроение автора рисунка);

- *наличие украшений и символов*, — *солнце, цветы, бабочки и пр.* (этот параметр традиционно принято считать показателем положительного настроения ребенка; символ — встроенность в мир, причастность к земным реалиям; а его отсутствие — свидетельство оторванности от мира).

При анализе особенностей изображения главных членов семьи (матери, отца, бабушки и дедушки) мы учитывали:

- *размер фигуры относительно других персонажей* (наиболее значимые из них изображаются больше остальных; величина фигуры может отражать ее значимость и превосходство);
- *порядок расположения фигуры по отношению к другим персонажам*, — *первый, последний или между другими* (последовательность изображения членов семьи отражает значимость их роли; наиболее значимые из них обычно изображаются первыми, наименее — последними);
- *степень прорисованности фигуры* — *контур, плохая или хорошая прорисованность* (хорошей прорисованностью фигуры считается наличие черт лица и деталей одежды; объект, вызывающий положительные эмоции, ребенок рисует детализировано; негативное отношение выражается схематичным рисунком, силуэтом; у отвергаемых («неприятных») членов семьи дети не рисуют лиц).

Основываясь на этих параметрах, мы можем провести контент-анализ детских рисунков «Моя семья» в двух выборках детей старшего дошкольного возраста: из полных и неполных семей. При анализе материалов подсчитывались количественные соотношения тех или иных качественных показателей в каждой выборке. При этом рисунки мальчиков и девочек из полных и неполных семей сопоставлялись отдельно, поскольку известно, что характер и стиль изобразительной деятельности существенно зависит от пола ребенка: девочки чаще украшают свои рисунки, лучше прорисовывают лица персонажей и т.д.

Перейдем к описанию результатов, полученных при анализе детских рисунков семьи. Рассмотрим первый параметр — *эмоциональный тонус рисунка* (см. табл. 14).

Таблица 14. Показатели эмоционального тонуса рисунка «Моя семья»
(% от количества рисунков)

Показатели эмоционального тонуса	Полные семьи			Неполные семьи		
	всего	мальчики	девочки	всего	мальчики	девочки
Преобладание теплых тонов	29,6	24,7	34,1	35,4	34,4	35,4
Наличие улыбки	71,1	70,2	54,0	51,9	46,9	56,3
Наличие символов	41,3	35,0	47,2	31,6	24,0	35,6

Следует отметить, что явное преобладание теплых тонов характерно примерно для каждого третьего рисунка. Добавим, что по общим средним данным преобладание холодных тонов присутствует в 7,9% всех детских рисунков; каждый четвертый (26,2%) — это черно-белый рисунок или контур; в смешанных же тонах выполнены 35,6% всех рисунков детей. При этом на лицах персонажей рисунков довольно часто встречается улыбка. В среднем ее изображение характерно для 68,6% рисунков. Что касается наличия символов и украшений, то они используются практически в 40% рисунков своей семьи. Использование одного символического элемента характерно для четверти рисунков (23,2%), два элемента встречаются в 14,3% рисунков, более двух элементов — в 2,6%.

Сравнение рисунков детей из полных и неполных семей показывает, что дети из полных семей чаще изображают улыбку на лицах персонажей, чем дети из неполных (соответственно: 71,1% и 51,9%). Интересно, что на рисунках мальчиков из неполных семей улыбка встречается реже, чем у девочек (соответственно: 46,9% и 56,3%). В то же время у детей из полных семей наблюдается обратная картина: у мальчиков улыбка присутствует в 70,2% рисунков, у девочек — в 54,0%. Основной же результат состоит в том, что мальчики из неполных семей изображают улыбку значительно реже, чем мальчики из полных семей (соответственно: 46,9% и 70,2%).

Наличие символов в рисунке также зависит от полноты семьи: дети из полных семей используют их в 41,3% случаев, а из неполных — в 31,6%. Причем мальчики в обеих выборках используют изображения, украшающие рисунок, значительно реже, чем девочки. Меньше всего таких «украшений» у мальчиков из неполных семей. Здесь тенденция та же, что и в предыдущем случае: мальчики из полных семей используют символы значительно чаще, чем из неполных.

Приведенные данные могут свидетельствовать о том, что эмоциональное состояние ребенка связано с фактором полноты семьи: так, у детей из неполных семей показатели, свидетельствующие о позитивном эмоциональном состоянии (за исключением цветовой гаммы рисунка), выражены менее явно, чем у детей из полных семей. Причем показатели по рисункам девочек из неполных семей гораздо ближе к результатам их ровесниц из полных семей; показатели же мальчиков из полных и неполных семей существенно отличаются. В целом, сравнивая различия в частоте использования параметров, характеризующие эмоциональные особенности рисунка, можно сделать вывод о том, что у мальчиков из неполных семей наиболее редко встречается позитивный эмоциональный настрой.

Рассмотрим теперь особенности *изображения членов семьи* на рисунках детей из полных и неполных семей (см. табл. 15).

Мать. Полученные данные свидетельствуют о том, что в большинстве рисунков главным персонажем является мать. В то же время ее отсутствие на детских рисунках своей семьи встречается

Таблица 15. Особенности изображения членов семьи на рисунках детей из полных и неполных семей (% от количества рисунков)

	Полные семьи			Неполные семьи		
	всего	мальчики	девочки	всего	мальчики	девочки
<i>Мать</i>						
Отсутствие фигуры	21,0	23,0	18,0	19,0	28,0	12,0
Первая фигура	25,0	21,1	29,1	35,0	28,1	39,5
Хорошая прорисованность	36,2	23,7	50,1	39,2	12,5	56,3
<i>Отец</i>						
Отсутствие фигуры	32,0	25,4	38,8	60,8	59,4	62,5
Первая фигура	21,1	21,2	21,6	11,4	17,9	8,3
Хорошая прорисованность	29,0	24,1	34,5	13,9	3,1	20,8
<i>Дедушка и бабушка</i>						
Отсутствие фигуры	87,3	85,2	89,4	68,4	84,8	56,3
Первая фигура	2,9	2,8	9,1	16,5	3,1	20,8
Хорошая прорисованность	4,6	4,9	4,3	11,3	3,0	16,7

примерно у каждого пятого ребенка. Следует отметить, что у детей из неполных семей частота изображения матери зависит от пола ребенка: у мальчиков ее отсутствие на рисунках встречается более чем в два раза чаще, чем у девочек, соответственно: 28,0% и 12,0%. В полных семьях столь ярких гендерных различий не зафиксировано.

Аналогичные данные наблюдаются и относительно параметра, связанного с порядком изображения фигуры матери. Если девочки из неполных семей изображают свою мать первой в 39,5% случаев, то мальчики — только в 28,1%. В рисунках же детей из полных семей таких явных различий не обнаружено: показатели, связанные с «порядком изображения» матери, здесь достаточно сходны.

Что же касается параметра «прорисованности фигуры» матери, то в обеих выборках прорисованность значительно выше у девочек, чем у мальчиков. Однако у детей из неполных семей это расхождение более значительно: если больше половины девочек из неполных семей (56,3 %) тщательно и детально изображают мать на своем рисунке семьи, то лишь 12,5% мальчиков из неполных семей детально прорисовывают мать. По-видимому, девочки из неполных семей теснее связаны с матерью, она для них более значимый и близкий человек, в то время как мальчики в сравнении со своими ровесниками из полных семей демонстрируют явно меньшую связь со своей матерью.

Отец. Остановимся теперь на особенностях изображения фигуры отца на детских рисунках семьи. Полученные данные показывают, что дети, живущие без отца, изображают его значительно реже, чем дошкольники из полных семей. Вместе с тем дети из неполных семей все же достаточно часто (около 40% случаев) изображают отца в составе членов своей семьи. Заметим, что если у мальчиков из полных семей фигура отца изображается в 75% рисунков, то у мальчиков из неполных семей — лишь в 40% рисунков. Добавим, что в целом мальчики рисуют фигуру своего отца чаще, чем девочки. Это характерно для мальчиков, как из полных, так и из неполных семей. В то же время мальчики, воспитывающиеся в неполных семьях, в 2 раза чаще, чем девочки, изображают фигуру отца первой, соответственно: 17,9% и 8,3% (у детей же из полных семей никаких различий между мальчиками и девочками в изображении фигуры отца по этому показателю не обнаружено). Вместе с тем следует обратить внимание на то, что по другому показателю — «прорисованность фигуры» — мальчики из неполных семей существенно отличаются как от детей из полных семей, так и от девочек из неполных семей. В большинстве случаев (97%) отец ими изображается лишь контуром и весьма схематично: какие-либо детали одежды или фигуры отсутствуют; часто не прорисовано лицо (нет глаз или зрачков глаз, отсутствует рот). В отличие от мальчиков девочки из неполных семей, как и их сверстники (мальчики и девочки) из полных семей, достаточно часто хорошо прорисовывают фигуру отца (20,8%).

Если сопоставить прорисованность фигур матери и отца у мальчиков из полных и неполных семей, то можно заметить, что у мальчиков из полных семей хорошая прорисованность как матери, так и отца встречается одинаково часто (соответственно: 23,7% и 24,1), в то время как мальчики из неполных семей хорошо прорисовывают фигуру матери в четыре раза чаще, чем фигуру отца (соответственно: 12,5% и 3,1).

Бабушки и дедушки. Интересные различия в рисунках детей из полных и неполных семей получены относительно изображения старших членов семьи — бабушек и дедушек. Следует отметить, что в рисунках детей из полных семей эти персонажи присутствуют достаточно редко (в 12,7 % случаев), тогда как дети из неполных семей изображают их гораздо чаще (31,6 %). Подчеркнем, что девочки из неполных семей рисуют своих бабушек и дедушек почти в 3 раза чаще, чем мальчики. Также девочки из неполных семей значительно чаще изображают старших членов семьи первыми и лучше прорисовывают их фигуры. Эти факты свидетельствуют о том, что для многих девочек из неполных семей особую значимость имеют старшие члены семьи (бабушки и дедушки), в отличие от мальчиков, которые изображают их значительно реже и плохо прорисовывают.

Приведенные данные показывают, что в случае развода родителей явно актуализируется участие старшего поколения (бабушек и дедушек) в воспитании ребенка, поскольку они вносятся ребенком в круг значимых взрослых при изображении

своей семьи. Причем наиболее характерно это для девочек из неполных семей. В этой связи можно полагать, что бабушки и дедушки проецируют на внуку свое отношение к дочери. Иными словами здесь срабатывают механизмы идентификации и переноса: внука как «продолжение» родительских отношений к дочери. В случае же воспитания внука подобной идентификации его с матерью (собственной дочерью) у бабушек и дедушек не происходит, что и затрудняет актуализацию эмоционально значимой для ребенка линии поведения.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о существенных различиях между мальчиками и девочками из неполных семей в их отношении к близким взрослым.

Во-первых, зафиксированы значительные различия в отношениях с матерью у мальчиков и девочек из неполных семей. Все использованные в ходе нашего анализа показатели (наличие фигуры, порядок ее изображения, степень прорисованности) говорят о более близких и позитивных отношениях с матерью у девочек, в то время как рисунки мальчиков демонстрируют достаточно напряженные и конфликтные отношения с матерью.

Во-вторых, обнаружены существенные различия в отношении детей к отцу. Несмотря на то, что в неполных семьях мальчики рисуют отца так же часто, как и девочки, они чаще изображают его первым. Это может говорить об особой значимости фигуры отца для многих мальчиков, о его явном присутствии во внутренней жизни ребенка. Однако характер его изображения (плохая прорисованность, контурность или схематичность) может свидетельствовать о том, что отец является не объектом эмоциональной привязанности и не источником поддержки и уверенности, а скорее неким абстрактным символическим образом, недостижимым и в то же время угрожающим. Можно предположить, что, оставаясь значимым взрослым, он не вызывает положительных чувств.

В-третьих, девочки из неполных семей демонстрируют более тесную связь с бабушками и дедушками, в отличие от мальчиков, где такая связь практически отсутствует.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что мальчики из неполных семей оказываются в довольно тяжелой ситуации эмоциональной изоляции. Если девочки из неполных семей нередко компенсируют отсутствие отца тесной связью с бабушкой или дедушкой, то мальчики, по-видимому, испытывают острый дефицит привязанности к близким взрослым.

Я-фигура. Рассмотрим теперь, как специфика отношений с близкими взрослыми отражается на представлении ребенка о себе, которое на рисунке семьи проявляется в его общем сюжете и в особенностях изображения Я-фигуры.

При анализе сюжетов в рисунках семьи особое внимание нами уделялось семейному контексту (окружению), в котором ребенок изображает самого себя. По этому признаку были выделены три типа рисунков:

— «Я в одиночестве» (на рисунке присутствует только Я-фигура при полном отсутствии остальных членов семьи);

- «Я среди родственников» (ребенок изображает себя среди других членов семьи — матери, отца, братьев, сестер и др.);
- «Отсутствие Я-фигуры» (ребенок не изображает себя на рисунке, отказ рисовать себя характерен для детей, испытывающих чувство неадекватности, не принадлежности к семье).

Рассмотрим относительную частоту встречаемости данных типов расположения фигур в рисунках детей из полных и неполных семей (см. табл.16).

Как видно из данных, приведенных в таблице, на большинстве рисунков дети изображают себя в окружении родственников. Отсутствие Я-фигуры в рисунках детей из полных и неполных семей наблюдается в каждом шестом случае. Такова же доля рисунков, где ребенок изображает себя одного. Однако при этом обращает на себя внимание тот факт, что у детей, растущих в неполных семьях, чаще встречаются рисунки, где, кроме ребенка, отсутствуют другие члены семьи. Причем эти различия наблюдаются только у мальчиков: если показатели девочек из полных и неполных семей практически совпадают, то в рисунках мальчиков из неполных семей изображение одинокой Я-фигуры встречается почти в два раза чаще, чем среди мальчиков из полных семей (соответственно: 25,5% и 14,0%). Известно, что одноконфигурные композиции в детских рисунках отражают трудности ребенка в общении, свидетельствуют об отвержении и неприятии ребенка со стороны окружающих [15; 53]. Рисунки подобного типа могут свидетельствовать об отчуждении и переживании одиночества. По данным психологов, отсутствие члена семьи (в частности, матери) отражает негативное отношение, символическое отвержение [15; 43]. Таким образом, приведенные результаты фиксируют, что мальчики из неполных семей значительно чаще испытывают чувство одиночества в семье, чем другие дети.

Таблица 16. Расположение Я-фигуры в рисунках «Моя семья» мальчиков и девочек из полных и неполных семей (% от количества рисунков)

	Полные семьи			Неполные семьи		
	всего	мальчики	девочки	всего	мальчики	девочки
На рисунке изображен Я один	16,2	14,0	9,4	16,7	25,5	8,1
Я-фигура изображена среди родственников	72,8	72,0	74,0	67,7	57,4	77,6
Я-фигура на рисунке отсутствует	15,0	14,0	16,6	15,6	17,1	14,3

Остановимся теперь на качественных особенностях изображения Я-фигуры в детских рисунках семьи.

Рассматривая особенности изображения Я-фигуры на рисунках детей из полных и неполных семей, мы не обнаружили существенных различий по такому параметру, как *величина Я-фигуры* (в обеих выборках распределение количества рисунков, где Я-фигура больше других, меньше других и равна другим фигурам примерно одинаково). Большинство рисунков (65%) — это рисунки, где дети изображают себя равными по величине с другими персонажами. В то же время относительно *порядка* расположения персонажей в рисунках различия обнаруживаются. Так, например, мальчики из полных семей гораздо чаще изображают себя на рисунке первыми, чем мальчики из неполных семей (соответственно: 35,2% и 23,1%). Следует также отметить более низкую прорисованность Я-фигуры у детей из неполных семей. Причем наиболее низкие показатели по этому параметру встречаются у мальчиков: только в 12,8% случаев зафиксирована хорошая прорисованность изображения Я-фигуры и в 28,2% случаев — плохая. У девочек из неполных семей, соотношение противоположное: 45,8% и 23,7%.

В целом полученные результаты анализа детских рисунков обнаруживают сниженную самооценку и негативное самоощущение ребенка из неполной семьи, в особенности это касается мальчиков. Можно говорить о существенных различиях в эмоциональном самоощущении детей, растущих в полных и неполных семьях. Причем эти различия зависят от пола ребенка: если показатели девочек из неполных семей в большинстве случаев достаточно близки к соответствующим данным их ровесниц из полных семей, то показатели мальчиков существенно различаются. Эти различия заключаются в следующем:

- эмоциональное состояние у мальчиков из неполных семей более низкое и угнетенное;
- мальчики из неполных семей находятся в достаточно сложной ситуации эмоциональной изоляции: их связи с матерью и старшими членами семьи являются менее тесными;
- однофигурные композиции семьи и схематичное изображение себя говорят о том, что мальчики из неполных семей значительно чаще испытывают чувство одиночества и трудности в общении.

Приведенные данные достаточно убедительно указывают на эмоциональный дискомфорт мальчиков из неполных семей.

2.2. ОПЫТ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА ДЕТСКИХ РИСУНКОВ «МОЯ СЕМЬЯ»

Выше мы попытались выявить основные параметры, которые отличают рисунки детей из полных и неполных семей. При этом основной акцент делался нами на определение именно тех параметров, где различия наиболее очевидны. Между тем возможна и иная постановка вопроса. Суть его состоит в предположении о том, что рисунки детей из полных и неполных семей отличаются не только *интенсивностью* (частотой) использования тех или иных отдельных элементов, но и характеризуются *структурными* различиями. В этой связи здесь мы попытаемся провести особый тип анализа детских рисунков, который направлен на выявление непосредственно структурных различий, позволяющих определить глубинные содержательные особенности рисунков мальчиков и девочек из полных и неполных семей. Подчеркнем, что подобный анализ направлен именно на выявление структурных особенностей рисунков, отражающих те внутренние конфликты, которые характерны для детей, воспитывающихся в полных и неполных семьях. Это означает, что в результате анализа эмпирического материала мы выявляем именно обобщенные структурные характеристики, которые выступают как своеобразные «идеальные модели», описывающие ту или иную структурно-композиционную особенность рисунка, соответствующую различным социально-психологическим типам семейных ситуаций воспитания ребенка-дошкольника.

С этой целью мы используем, как и в предыдущих частях работы, метод факторного анализа. Для этого нами была составлена исходная матрица данных, где приведены средние показатели частоты выраженности различных элементов (проценты) рисунка «Моя семья» в четырех группах: у мальчиков из полных семей, у девочек из полных семей, у мальчиков из неполных семей и у девочек из неполных семей (см. табл. 17).

Таблица 17. Выраженность различных элементов в рисунке «Моя семья» мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста из полных и неполных семей (%)

	Полные семьи		Неполные семьи	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
<i>Общие параметры рисунка</i>				
Черно-белые тона или контур	35,6	19,8	25,6	10,2
Холодные тона	10,9	4,9	5,1	5,1
Смешанные тона	28,4	41,6	38,5	49,2
Теплые тона	24,7	34,1	34,4	35,4
Наличие одного символа	22,2	26,1	17,9	22,1
Наличие двух символов	11,6	16,1	7,7	20,3
Наличие всех символов	1,1	3,3	5,1	1,7

Таблица 17 (Продолжение)

	Полные семьи		Неполные семьи	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
<i>Сюжет рисунка:</i>				
Праздник	0	0	0	0
Быт	3,6	1,6	0	0
Игра	0,4	0	0	1,7
Учеба	0	0,8	2,6	0
Нет сюжета	96,1	97,5	97,4	98,3
Улыбка присутствует	70,2	54,1	46,9	56,3
<i>Расстояние между фигурами на рисунке:</i>				
От 2 см и больше	25,5	22,2	25,6	18,6
От 1 до 2 см	9,8	11,5	2,6	18,6
От 0,2 до 1 см	14,9	16,1	12,8	8,5
Тесная связь	18,5	14,4	17,9	20,3
Возрастная вертикаль отсутствует	49,8	48,1	66,7	50,8
<i>Изображение фигуры отца на рисунке:</i>				
Холодные тона	30,2	19,8	17,9	20,3
Смешанные тона	9,5	15,3	0	3,4
Теплые тона	35,3	25,6	25,6	16,9
Меньше других	3,3	5,8	5,1	1,7
Равный	67,3	52,7	30,8	39,1
Больше других	4,1	2,5	7,7	0
Контур	25,1	14,4	17,9	13,6
Не прорисован	33,5	11,5	20,5	6,8
Прорисован	24,1	34,5	3,1	20,8
Последний	28,7	18,5	10,3	11,9
Между фигурами	24,4	20,6	15,1	18,2
Первый	21,2	21,6	17,9	8,3

Данная матрица подвергалась процедуре факторного анализа методом главных компонент с последующим вращением Varimax Кайзера. В результате факторного анализа были выделены два фактора, описывающие 81,3% суммарной дисперсии. Структура полученных факторов выглядит следующим образом.

Фактор F1 (вклад в суммарную дисперсию 45,7%). Данный биполярный фактор можно охарактеризовать через оппозицию

Таблица 17 (Продолжение)

	Полные семьи		Неполные семьи	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
<i>Изображение фигуры матери на рисунке:</i>				
Холодные тона	21,8	15,7	23,1	16,9
Смешанные тона	9,1	11,6	5,1	27,1
Теплые тона	46,5	55,4	43,6	40,7
Меньше других	3,6	0,4	5,1	3,4
Равный	65,5	67,1	66,7	62,7
Больше других	8,1	15,2	0	18,6
Контур	22,5	20,2	30,8	22,1
Не прорисован	34,5	11,5	28,2	10,2
Прорисован	23,7	50,1	12,5	56,3
Последний	16,7	15,6	33,3	15,3
Между фигурами	38,9	37,9	12,8	30,5
Первый	21,1	29,1	28,1	39,5
<i>Изображение Я-фигуры на рисунке:</i>				
Холодные тона	24,1	16,1	12,8	30,5
Смешанные тона	12,1	12,3	17,9	16,9
Теплые тона	40,7	53,1	35,9	61,1
Меньше других	5,1	4,5	0	11,9
Равный	66,2	70,8	64,1	74,6
Больше других	5,1	6,2	2,6	0
Контур	32,1	17,3	25,6	16,9
Не прорисован	18,5	11,5	28,2	23,7
Прорисован	26,2	52,7	12,8	45,8
Последний	19,4	28,4	20,5	22,1
Между фигурами	22,1	23,5	23,1	42,4
Первый	35,2	29,6	23,1	22,1

«доминирование фигуры отца — доминирование фигуры матери».

Учитывая сложность исходной матрицы, которая подвергалась факторизации, структуру фактора удобно представить в виде схемы, где выделены элементы, характеризующие общие параметры рисунка, а также элементы, определяющие изображение отца, матери и самого ребенка.

Положительный полюс (+F1)

Общие параметры рисунка		Изображение отца	Изображение матери		Изображение Я
Черно-белые или контур	0,94993	Теплые	0,87652	Холод	0,82271 Контур
Холодные	0,58598	Больше других	0,80485	Не прорисовано	0,92056
От 2-х см и больше	0,99552	Контур	0,81820		
		Не прорисовано	0,89813		
		Первый	0,76742		

Отрицательный полюс (-F1)

Общие параметры рисунка		Изображение отца	Изображение матери		Изображение Я
Смешанные	-0,91204			Смешанные	-0,92472 Теплые
Теплые	-0,64971			Больше других	-0,87251 Менше других
Два символа	-0,92749			Прорисовано	-0,91226 Равный
Игра	-0,86075			Первый	-0,92966 Прорисовано
Нет сюжета	-0,85437				Между фигур
От 1 до 2 см	-0,85389				-0,88424

Как мы видим, элементы, характеризующие общие параметры рисунка, сгруппированные на положительном полюсе фактора, фиксируют общую цветовую гамму и расположение фигур. В данном случае рисунок выполнен либо в черно-белых тонах, либо контуром. Причем фигуры достаточно удалены друг от друга. Подобной общей композиции рисунка соответствует изображение матери, которое плохо прорисовано и выполнено в холодных тонах. Обращает на себя внимание и непрорисованность ребенком собственной фигуры, — она изображена лишь контуром. В то же время в общей композиции рисунка явно доминирует изображения отца. Его фигура выполнена в теплых тонах, стоит в рисунке на первом месте, больше других, и вместе с тем она плохо прорисована и задана лишь контуром. Таким образом, данный полюс явно фиксирует доминирование фигуры отца, которая «подавляет» других членов семьи — матери и самого ребенка. В целом общая цветовая гамма рисунка выполнена в холодных тонах, что в определенной степени свидетельствует о негативном эмоциональном состоянии ребенка — автора рисунка. Однако наряду с этим важно обратить внимание на то, что фигура отца выполнена в теплых тонах, и это свидетельствует об особом эмоционально-позитивном отношении ребенка именно к отцу.

Отрицательный полюс данного фактора характеризует прямо противоположный по своей структуре тип рисунка. Так, если мы обратимся к его общим параметрам, то заметим, что (в отличие от положительного полюса) это рисунок, выполненный в теплой цветовой гамме, с близким («тесным») расположением фигур, с наличием символических элементов и, как правило, с сюжетом, где доминирует игровая деятельность. Принципиально иначе в отличие от положительного полюса изображены фигуры самого ребенка и матери. Так, фигура матери изображена в смешанных цветовых тонах, она больше других, стоит на первом месте и хорошо прорисована. Себя самого ребенок изображает на рисунке в теплых тонах, хорошо прорисовывая собственную фигуру и изображая ее либо равной другим фигурам, либо меньшего размера. В данном случае изображение себя в теплых тонах с хорошей прорисованностью свидетельствует о позитивном эмоциональном состоянии автора рисунка. На наш взгляд, крайне важно обратить внимание на то, что данная структура рисунка, характеризваемая отрицательным полюсом, явно свидетельствует о доминировании фигуры матери, ее значении для ребенка. Это подтверждается также и тем, что фигура отца в данном типе рисунков отсутствует, «вытеснена».

В целом данный фактор можно охарактеризовать через оппозицию: «доминирование отца — доминирование матери». При этом подчеркнем, что при доминировании отца (положительный полюс фактора F1) в данном типе рисунка фиксируется разобщенность членов семьи, отсутствие явно выраженных позитивных эмоциональных переживаний у самого ребенка и достаточно эмоционально отстраненная («холодная») позиция матери. И в то же время к самому отцу ребенок испытывает позитивные эмоциональные чувства. Доминирование же матери (отрицательный

полюс фактора F1) связано с позитивным эмоциональным переживанием ребенка, что проявляется, как мы видим, и в общей цветовой гамме рисунка, и в изображении собственной фигуры.

При анализе содержательных особенностей структуры данного фактора важно также обратить внимание на размещение по его оси рисунков мальчиков и девочек из полных и неполных семей. Полученные результаты показывают, что на положительном полюсе со значениями 0,88 и 0,69 разместились соответственно рисунки мальчиков из полных и неполных семей. На отрицательном же полюсе со значениями -0,28 и -1,29 разместились рисунки девочек из полных и неполных семей. Таким образом, данный фактор в целом фиксирует ключевые структурные различия в рисунках мальчиков и девочек. Подчеркнем при этом, что основными дифференцирующими моментами здесь является изображение фигур отца и матери, а это свидетельствует о проявлении в рисунках «Моя семья» у детей старшего дошкольного возраста действия механизма полоролевой идентификации с родителями.

Фактор F2 (вклад в общую суммарную дисперсию 35,6%). Данный фактор можно охарактеризовать через оппозицию «неполная семья — полная семья».

Для удобства анализа представим структуру данного фактора в виде схемы, где выделены элементы, характеризующие как общие параметры рисунка, так и изображение фигур отца, матери и самого ребенка.

Структура данного фактора F2 принципиально отличается от предыдущего фактора F1. Так, если мы обратимся к рассмотрению элементов, характеризующих общие параметры рисунка, то заметим, что сюда не включены именно те из них, которые фиксируют «глубинные» аспекты эмоционального состояния автора рисунка (цветовая гамма, близость расположения фигур), что является значимым моментом для фактора F1. В то же время отметим, что в факторе F2 само эмоциональное состояние отражено и определяется изображением «улыбки» на лицах персонажей (см. отрицательный полюс -F2). Однако подчеркнем, что это характеризует позитивное состояние персонажей именно на поверхностном уровне самого «текста» рисунка, его сюжета, а не глубинного подтекста. Сам же «глубинный» эмоциональный подтекст, определяющий эмоциональное отношение автора, в данном случае оказывается не проявленным. По сути дела общие параметры рисунка дифференцируют положительный и отрицательный полюса данного фактора F2 скорее на уровне сюжета: в одном случае (+F2) сюжет изображает учебную деятельность, в другом (-F2) — бытовые ситуации семейной жизни.

Перейдем теперь к рассмотрению особенностей изображения персонажей.

Если мы обратимся к положительному полюсу (+F2), то заметим, что здесь отсутствуют какие-либо элементы, характеризующие изображение фигуры отца. И в этом отношении структурно данный полюс похож на отрицательный полюс предыдущего

Положительный полюс (+F1)

Общие параметры рисунка	Изображение отца	Изображение матери	Изображение Я
Все символы	0,70299	Контур 0,87187	Смешанные 0,95549
Учеба	0,88258	Последняя 0,83779	Не прорисовано 0,88319
Возрастная вертикаль отсутствует	0,90406		

Отрицательный полюс (-F1)

Общие параметры рисунка	Изображение отца	Изображение матери	Изображение Я
Один символ	-0,83634	Холодные -0,67533	Теплые -0,61401
Быт	-0,71599	Смешанные -0,89453	Больше других -0,72670
Улыбка присутствует	-0,76900	Равный -0,92838	Первый -0,83116
		Прорисовано -0,90875	
		Последний -0,84309	
		Между фигурами -0,93674	

фактора ($-F1$), где также отсутствует фигура отца. Однако, как мы видим, элементы изображения, определяющие особенности других персонажей рисунка (матери и ребенка), в данном случае принципиально отличаются. Так, если отрицательный полюс предыдущего фактора ($-F1$) характеризует изображение матери и ребенка в теплых и смешанных тонах с их хорошей прорисованностью, то в факторе $+F2$ эти фигуры, наоборот, плохо прорисованы и изображаются контуром, что в целом свидетельствует об отсутствии явно выраженных позитивных эмоций у ребенка при изображении семейной ситуации. Помимо этого, важно также подчеркнуть, что если при изображении фигуры матери на отрицательном полюсе предыдущего фактора $-F1$ она находится на первом месте, то в данном случае на положительном полюсе фактора $+F2$ мать стоит на последней позиции.

Таким образом, в целом структурные особенности детского рисунка своей семьи, характеризующиеся положительным полюсом фактора $+F2$, не связаны с изображением бытовых сюжетов семейной жизни, а изображение фигур матери и ребенка не выразительны (контур, непрорисованность, явное отсутствие теплых тонов и улыбки), фигура же отца вообще отсутствует. Стоит добавить, что использование символики («солнышко» и др.) скорее характеризует в данном случае само стремление ребенка к позитивным эмоциональным переживаниям, но они, подчеркнем, не связаны с собственно семейной ситуацией. Это скорее подчеркивание желания эмоционального «выхода из круга семьи».

Принципиально иначе выглядит структура детского рисунка «Моя семья», которая определяется отрицательным полюсом фактора $-F2$. Во-первых, как мы уже отметили выше, здесь сюжетной основой рисунка являются «бытовые ситуации» семейной жизни. При этом авторами рисунков подчеркивается позитивное эмоциональное состояние членов семьи (улыбки на лицах персонажей). Детально изображена фигура отца, он хорошо прорисован, хотя цветовая гамма характеризует амбивалентное эмоциональное отношение к нему ребенка (отец изображен либо в смешанных, либо в холодных тонах). Мать же на данном типе рисунков изображена в теплых тонах, что фиксирует явно эмоционально-позитивное отношение к ней ребенка. В целом же, как мы видим, в рисунке выражено позитивное отношение ребенка к обоим родителям.

Особый интерес при анализе данного полюса фактора $-F2$ представляет размер и расположение фигур. Как можно заметить, в данном типе рисунка ребенок изображает себя на первой позиции. Более того, сама фигура ребенка, как правило, больше других членов семьи. В этой связи можно полагать, что в своем рисунке ребенок действительно отображает свое доминирующее положение внутри семьи. Иными словами, на таком рисунке мы видим семью, которая ориентирована на ребенка, на фиксацию его значимости в общей семейной жизни. И, наконец, при рассмотрении особенностей расположения фигур на данном типе детских рисунков важно обратить внимание и на то, что фигура отца, как правило, изображается равной другим фигурам. Более

того, отец достаточно часто стоит на последнем месте относительно других персонажей рисунка, что свидетельствует о невыраженности традиционалистской модели половой иерархии родительских ролей.

Для прояснения смысла данного фактора крайне важно рассмотреть также размещение по его оси рисунков мальчиков и девочек из полных и неполных семей. Полученные материалы показывают, что здесь на положительном полюсе $+F2$ разместились рисунки мальчиков и девочек из неполных семей (значения соответственно 1,29 и 0,27). На отрицательном же полюсе $-F2$ — рисунки мальчиков и девочек из полных семей (соответственно: 0,85 и $-0,72$). Именно поэтому данный фактор можно определить как фактор, дифференцирующий структуру рисунков «Моя семья» детей из полных и неполных семей.

Помимо анализа содержательных особенностей выделенных факторов, интерес представляет размещение в их пространстве рисунков мальчиков и девочек из полных и неполных семей (см. рис. 49).

Как мы видим, рисунки мальчиков и девочек из полных и неполных семей разместились в разных квадрантах в пространстве

факторов F1 и F2. Это свидетельствует о том, что по своей структуре рисунки выделенных нами групп детей достаточно принципиально отличаются и фиксируют своеобразие взаимоотношений ребенка с родителями в полной и неполной семье. Иными словами, детский рисунок действительно отражает существенные различия в эмоциональных переживаниях детей тех социальных отношений, которые складываются в ситуации полной и неполной семьи. В этой связи рассмотрим все четыре ситуации (мальчики в полной семье, девочки в полной семье, девочки в неполной семье, мальчики в неполной семье) более детально. При этом, анализируя структурное своеобразие рисунков, расположенных в каждом из четырех квадрантов пространства, заданных осями факторов F1 и F2, целесообразно сопоставить структурные характеристики рисунков с особенностями реализуемых родителями воспитательных стратегий в каждой из четырех обозначенных ситуаций. Для этого мы вновь должны будем обратиться к материалам второй части книги (см. рис. 21). На наш взгляд, подобное сопоставление имеет принципиальное значение, поскольку позволяет соотнести тип реализуемых родителями стратегий с субъективным переживанием ребенка. Иными словами, в данном случае мы попытаемся понять, как переживается и прорабатывается самим ребенком реализуемая родительская стратегия воспитания в смысловом плане. Провести подобный анализ довольно сложно, поскольку нам необходимо будет одновременно удерживать две позиции. Одна из них отражает реализуемую родителями стратегию воспитания, другая же — структурные особенности самого детского рисунка, соответствующие той или иной семейной ситуации. При этом, повторимся, общая направленность интерпретации результатов будет ориентирована именно на понимание специфики детских переживаний, смысловой позиции ребенка относительно родительских воспитательных воздействий.

Ситуация 1 — рисунки мальчиков, воспитывающихся в полной семье. Структурные особенности рисунков этого типа определяют их расположение в квадранте IV. Обобщим основные характеристики рисунков относительно четырех содержательных блоков: общие параметры рисунка, изображение фигур отца, матери и самого ребенка. Для этого нам необходимо совместить параметры рисунка, задаваемыми полюсами факторов +F1 и -F2.

В целом рисунки мальчиков из полной семьи, как правило, являются либо контурными, либо черно-белыми и выполнены в холодных тонах. Персонажи (члены семьи) такого рисунка расположены достаточно далеко друг от друга. В то же время они явно «демонстрируют» позитивное эмоциональное состояние, поскольку на лицах изображена улыбка. Это рисунок с выраженным сюжетом, отражающим семейные бытовые ситуации. Композицию рисунка составляют все члены полной семьи: отец, мать и ребенок.

Для понимания отношений между членами семьи недостаточно ограничиваться изображенными на рисунках улыбками, которые фиксируют в целом позитивное эмоциональное состо-

яние персонажей. Здесь важно попытаться понять то внутреннее напряжение, которое характеризует «драму» самой социальной ситуации при воспитании мальчика в полной семье. С этой целью сопоставим изображение фигуры ребенка и фигуры отца. Исходя из содержания факторов F1 и F2, можно заметить, что сама фигура ребенка в данном случае характеризуется относительно немногими параметрами: это контурное изображение большого размера, которое в рисунке стоит на первом месте. Фигура же отца, если мы совместим данные по факторам +F1 и -F2, задана достаточно большим числом показателей, причем весьма противоречивых: теплые — холодные тона; контур — прорисованность; первый — последний; больше других — равный. Таким образом, практически по всем основным показателям (цвет, размер, порядок расположения и прорисованность) в данном случае мы обнаруживаем явные противоречия (конфликты), что может свидетельствовать об амбивалентном переживании ребенком позиции отца. Более того, конфликтность отношений «отец — сын» еще более явно проявляется, поскольку мальчик на рисунке своей семьи, как правило, стремится изобразить себя больше других и поставить себя на первое место. Иными словами, здесь проявляется не только амбивалентное переживание позиции отца, но и конфликт, связанный со стремлением мальчика к доминированию.

Подобное напряжение по отношению к отцу, выраженное в детском рисунке мальчика из полной семьи, стоит сопоставить с реализуемой отцом стратегией воспитания. Напомним, что отец (см. рис. 21) при воспитании сына придерживается стратегии равноправия, причем проявляемая со стороны отца активность, направлена на развитие у мальчика волевых качеств и в то же время на формирование у ребенка чувства контроля со стороны взрослых, уважения к позиции взрослого. Таким образом, подобная противоречивая стратегия отца («равноправие и контроль») и отражается в амбивалентном переживании статусной позиции отца мальчиком.

В отличие от фигуры отца мать на рисунках мальчиков из полной семьи характеризуется гораздо меньшим числом показателей. При этом важно обратить внимание на то, что фигура матери не прорисовывается, и, как правило, она располагается между фигурами отца и ребенка. Таким образом, на рисунках мальчиков мать занимает явно промежуточный статус в семейной иерархии. В то же время, как мы видим, в отличие от изображения фигуры отца здесь отсутствует социально-статусная конкуренция, причем сама фигура матери расположена к ребенку ближе, чем фигура отца. Иными словами, это классический психоаналитический треугольник «отец — мать — сын». И, более того, важно подчеркнуть, что цветовая гамма изображения матери оказывается явно противоречивой (теплые — холодные тона), что отражает эмоционально-амбивалентные чувства ребенка к своей матери.

Для более глубокого понимания подобного типа отношения к матери целесообразно обратиться к той стратегии поведения,

которую реализует мать при воспитании сына в полной семье. Напомним, что в поведении матери явно обозначились две линии (см. рис. 21). Одна направлена на поддержание социально-статусной возрастной вертикали «отец — мать — сын». При этом мать берет на себя и осуществление различных форм наказания ребенка, что вызывает, по оценкам самих матерей, «сложности, которые превращаются в скандалы». Этим, кстати, можно объяснить противоречивость цветовой гаммы (наличие холодных и теплых тонов), в которой изображается на рисунке мать мальчиком из полной семьи. Другая линия поведения матери связана с поддержанием активности и самовыражения ребенка. И в этой связи можно полагать, что именно подобная стратегия поведения матери связана с тенденцией, выражающей стремление ребенка изображать себя на рисунке семьи доминирующей фигурой.

Таким образом, структурные особенности детского рисунка содержательно коррелируют с родительскими стратегиями воспитания. Противоречивость родительских стратегий отражается не только в сложной цветовой гамме, сочетающей изображение родителей одновременно в теплых и холодных тонах (что отражает амбивалентность переживаний мальчиком из полной семьи своих отношений с родителями), но и в самой композиции рисунка, расположении, размере и прорисованности фигур. Это характеризует конфликтность переживания семейной ситуации относительно социально-ролевого статуса ребенка в семье. Подчеркнем, что социально-ролевые отношения и определяют основной структурный конфликт в композиции данного типа рисунков «Моя семья». И в этой связи можно полагать, что именно переживание таких конфликтов и является определяющим в ситуации воспитания мальчика в полной семье.

Ситуация 2 — рисунки девочек, воспитывающихся в полной семье. Этот тип рисунков по своим структурным особенностям принципиально отличается от предыдущего (см. квадрант III и соответствующее значение факторов $-F1$ и $-F2$). Так, в целом он выполнен в иной цветовой гамме, где преобладают смешанные и теплые тона. В отличие от рисунков мальчиков, здесь, как правило, используется не один, а гораздо больше символов (солнышко, цветы и т.п.). Фигуры на рисунке расположены значительно ближе друг к другу, что характеризует позитивные эмоциональные связи между членами семьи. Улыбки на лицах персонажей (как и в рисунках мальчиков) символизируют желание автора рисунка подчеркнуть позитивные эмоциональные состояния, характерные для членов семьи. И, наконец, важно отметить, что, помимо изображения бытовых сюжетов, эти рисунки более разнообразны, поскольку в них наряду с бытовыми ситуациями часто изображается и игровая деятельность. Таким образом, в отличие от рисунков мальчиков из полных семей рисунки девочек из полных семей композиционно более ориентированы на выражение своего позитивного эмоционального состояния. Действительно, если у мальчиков положительное эмоциональное состояние отражалось лишь фиксацией улыбки на лицах персо-

нажей рисунка, то у девочек наличие элементов, выражающих позитивное эмоциональное состояние, оказывается преобладающим: теплая цветовая гамма, близость расположения фигур, улыбка, наличие игровой деятельности.

Помимо общей композиции рисунка, особый интерес представляют структурные особенности изображения основных членов семьи: отца, матери и самого ребенка.

Можно заметить, что в изображении матери доминируют либо теплые, либо смешанные тона. Как правило, фигура матери больше других, хорошо прорисована и стоит на первом месте (либо находится между фигурами ближе к ребенку), что свидетельствует о явно позитивном отношении дочери к своей матери.

Себя самого ребенок на рисунке также изображает в теплых тонах и хорошо прорисованным. Сочетание этих двух элементов позволяет сделать вывод о положительном эмоциональном самочувствии девочки, воспитывающейся в полной семье. Подчеркнем в этой связи, что изображение девочками собственной фигуры принципиально отличается от изображения мальчиков из полных семей, где Я-фигура, как правило, задана лишь контуром. Особый интерес представляют характеристики, связанные с размером изображения Я-фигуры и ее местом в общей композиции на рисунках девочек из полных семей. Здесь явно обнаруживается противоречивость характеристик: «больше других — меньше других»; «находится на первом месте — расположена между фигурами отца и матери». Подобная противоречивость изображения позволяет сделать вывод о своеобразном внутреннем конфликте ребенка, связанном с его социально-ролевым статусом и стремлением к доминированию. Этот момент следует выделить, поскольку он принципиально отличает описанный выше статусный конфликт мальчиков из полной семьи. Так, если у мальчиков этот конфликт задан внешней структурой социально-ролевых статусных позиций и определяет отношения мальчика с отцом, то у девочек, подчеркнем, — это именно внутренний конфликт, проявляющийся в противоречивости собственного изображения, что отражает амбивалентность переживания собственного Я.

Весьма своеобразно и изображение фигуры отца на рисунках «Моя семья» у девочек из полных семей. На этих рисунках отец изображен либо в холодных, либо в смешанных тонах. Сравнивая его изображение с изображением матери, можно отметить, что наличие холодных тонов свидетельствует о меньшей эмоциональной связи девочки со своим отцом. Так же как и фигура матери и фигура самого ребенка, отец хорошо прорисован. Однако другие характеристики, связанные с размером и порядком расположения, существенно отличают фигуру отца на детском рисунке от фигуры матери. Так, если мать, как правило, изображается больше других персонажей, то отец изображается равным; если мать стоит на первом месте (либо между фигурами), то композиционно фигура отца находится на последнем месте (либо между фигурами). Таким образом, мы видим, что размер и расположение родительских фигур принципиально отличает структурные особенности рисунков девочек из полных семей от рисунков

мальчиков из полных семей. Так, у мальчиков на рисунке доминирующей фигурой является отец, у девочек — мать. И в этом отношении в рисунках девочек проявляется их принципиально иное представление о социальной иерархии ролевых позиций в семье, когда отец занимает отнюдь не лидирующую позицию.

Более того, мы можем уточнить и общий смысл социально-ролевого конфликта, отличающий рисунки девочек от рисунков мальчиков. Здесь важно выделить два момента. Во-первых, конфликт социально-ролевых статусов разворачивается между матерью и дочерью, а не между отцом и сыном, что характерно для рисунков мальчиков. Это дает основание сделать общий вывод об особом влиянии механизма полоролевой идентификации в переживании ситуации внутрисемейных взаимоотношений ребенка с родителями. И, во-вторых, повторимся, если у мальчиков конфликт носит «внешний» характер (поскольку изображение Я-фигуры здесь внутренне не противоречиво), то у девочек напряжение, конфликт социально-ролевых статусов явно связан с внутренними амбивалентными переживаниями относительно своей позиции в семье (что проявляется в порядке расположения и размере Я-фигуры девочки). И в то же время подчеркнем: подобная амбивалентность относительно собственного статуса переживается на фоне позитивного эмоционального самочувствия, позитивных связей с родителями (особенно с матерью).

Для более полного понимания особенностей переживания девочкой ситуации социальных отношений в семье, нам необходимо соотнести структурные особенности детских рисунков с реализуемыми родителями стратегиями по воспитанию девочки в полной семье. Для этого вновь обратимся к рисунку 21, характеризующему особенности реализуемых родителями воспитательных стратегий в различных ситуациях. Как мы видим, в ситуации воспитания девочки в полной семье отец и мать реализуют прямо противоположные стратегии, определяемые разными полюсами фактора F1 (см. рис. 21). Если отец ориентирован на стиль взаимодействия, предполагающий равноправие, то мать ориентирована на воспитание в дочери аккуратности, дисциплинированности. Анализируя эту ситуацию, в свое время мы отмечали, что здесь родители, реализуют противоположные воспитательные стратегии и находятся в отношении «полоролевой дополненности». Можно полагать, что подобное различие воспитательных стратегий и проявляется в изображении фигур отца и матери. Так, отец, реализующий стратегию равноправия позиций взрослый — ребенок, оказывается не доминирующей фигурой, мать же, ориентированная на воспитание таких качеств, как аккуратность и дисциплинированность, выступает доминирующей, главенствующей фигурой, что и отражается на детском рисунке. Более того, как в ситуации воспитания сына, так и в ситуации воспитания дочери, мать реализует стратегию +F2, которая направлена на поддержание социально-статусной возрастной вертикали путем взятия на себя роли осуществления наказаний. Однако, если при воспитании мальчика эта ролевая функция на поддержание статусных отношений характеризует восприятие матери

ребенком именно как фигуры, уступающей позиции отца, то та же самая стратегия по поддержанию семейных статусов при воспитании дочери ведет к тому, что дочь воспринимает мать именно как доминирующую фигуру в семье. Продолжая анализ, заметим, что для позиции отца характерна воспитательная стратегия, характеризующаяся отрицательным полюсом фактора $-F3$. Эта стратегия предполагает авторитарный стиль отношения, ориентированный на «идеологические» задачи воспитания с подчеркиванием моральных оценок поведения ребенка: «что хорошо, а что плохо». Отсюда можно сделать вывод, что именно подобная тенденция авторитарного оценивания моральных поступков ребенка и связана с эмоциональной «отстраненностью» девочки от своего отца, которая и проявляется в изображении его фигуры на рисунке в холодных тонах.

Ситуация 3 — рисунки девочек, воспитывающихся в неполной семье. Общая композиция рисунка у девочек из неполной семьи определяется параметрами квадранта II — значениями факторов $-F1$ и $+F2$. Во многом она схожа с рисунком девочек из полных семей. Этот тип рисунков выполнен в смешанных и теплых тонах, с использованием символов и с близким расположением фигур. Как правило, на таких рисунках изображена либо игровая ситуация, либо дан групповой портрет членов семьи («отсутствие сюжета»). В то же время в отличие от рисунков девочек из полных семей здесь отсутствуют сюжеты, связанные с бытовыми семейными ситуациями. Важно и то, что в этих рисунках отсутствуют улыбки на лицах персонажей.

Как и следовало ожидать, рисунки девочек из неполных семей принципиально отличаются в структурном отношении по числу изображенных персонажей членов семьи. Так, на этих рисунках фигура отца отсутствует. Существенно иные здесь по своим выразительным характеристикам как изображение матери, так и Я-фигура самого ребенка. Остановимся на этих моментах более подробно.

Я-фигура в рисунках девочек из неполных семей изображена либо в теплых, либо в смешанных тонах. В этой связи, сравнивая ее с изображением Я-фигуры на рисунках девочек из полных семей, можно заметить, что у последних изображение себя в смешанной цветовой гамме отсутствует. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональное самочувствие девочки в неполной семье не столь благополучно. В данном случае можно с большой долей вероятности говорить о наличии внутреннего эмоционального конфликта у девочки, воспитывающейся в неполной семье. Это, в частности, подтверждает и анализ изображения Я-фигуры у девочек из неполных семей по такому параметру, как прорисованность. Относительно него также обнаруживается своеобразное конфликтное напряжение, поскольку Я-фигура одновременно определяется как прорисованностью, так и непрорисованностью. Принципиально отличается изображение Я-фигуры у девочек из полных и неполных семей и относительно параметров, характеризующих социально-статусные позиции. Так, девочка

из неполной семьи не рисует себя больше других фигур, а наоборот, изображает себя меньше других (или равной). Помимо этого, она и не ставит себя на первое место (поскольку на рисунке изображены лишь два персонажа, и расположение девочки обозначается через параметр «между фигурами» — это означает, что она находится на последнем месте). Таким образом, общая характеристика изображения Я-фигуры на рисунках девочек из неполной семьи позволяет зафиксировать два существенных момента, отличающих фигуру ребенка от ее изображения на рисунках девочек из полной семьи. Во-первых, это внутренняя конфликтность, фиксирующая амбивалентность оценки собственного эмоционального состояния. Во-вторых, это достаточно однозначная социально-ролевая позиция в отношениях с матерью, фиксирующая неравенство ребенка и отсутствие у него стремления к доминированию (здесь проявляется принятие позиции ведомого).

Принципиально иначе изображается и фигура матери девочкой из неполной семьи. Поскольку изображение матери выполнено в смешанных тонах, то это позволяет сделать вывод об амбивалентном отношении к ней ребенка. Помимо этого, способ изображения матери контуром с прорисованностью лишь отдельных элементов также может свидетельствовать о неоднозначности отношений к ней ребенка. То, что мать изображается больше других фигур, явно свидетельствует о ее доминировании. О социальных напряжениях отношений с матерью свидетельствует также и порядок ее расположения («первый — последний»). Все перечисленные характеристики позволяют сделать выводы о том, что мать воспринимается ребенком не только как доминирующий взрослый, но и о том, что отношения ребенка с нею носят эмоционально более отстраненный характер.

Как и при анализе предыдущих ситуаций, для более глубокого понимания смысловой позиции, изображенной на рисунке ребенка, здесь стоит также дополнительно обратиться к характеристике используемых матерью стратегий при воспитании девочки в неполной семье (см. рис. 21). Можно заметить, что две линии в стратегии воспитания (характеризуемые факторами F1 и F2) совпадают при воспитании дочери матерью в полной и неполной семье. Единственное отличие состоит в стратегии, определяемой отрицательным полюсом фактора -F3. Именно здесь, по-видимому, и надо искать те особенности поведения матери, которые характеризуют своеобразие детского рисунка, выражающего особенности переживания девочкой из неполных семей своих отношений с матерью. Напомним, что отрицательный полюс фактора -F3 определяет ту стратегию матери при воспитании девочки в неполной семье, которую реализует по отношению к дочери отец в полной семье. Именно принятием незамужней матерью этой отцовской линии поведения при воспитании дочери в неполной семье и определяется принципиальная трансформация ее материнской позиции. Напомним, что смысл стратегии воспитания ребенка, определяемый отрицательным полюсом фактора -F3, связан с авторитарной позицией взрослого, оценкой

детских проявлений в модальностях «хорошо — плохо». Таким образом, мы видим, что трансформация материнской позиции в сторону авторитаризма, усиление контролирующей, оценивающей функции со стороны матери явно проявляется и в детском рисунке: не только отношения с матерью воспринимаются дочерью как более отстраненные, внутренне противоречивые, но и изменяется характер переживания собственного Я самим ребенком.

Ситуация 4 — рисунки мальчиков, воспитывающихся в неполной семье. Структурные особенности этих рисунков, расположенных в квадранте I (+F1, +F2) принципиально отличаются от всех рассмотренных выше. В целом эти рисунки являются контурными, черно-белыми, либо выполнены в холодных тонах. Фигуры не связаны между собой и находятся далеко друг от друга. Отсутствует также и возрастная вертикаль, заданная разной величиной фигур членов семьи. На рисунках присутствует достаточно большое число символических элементов. Отличительными особенностями рисунков является то, что в их сюжетах отсутствуют бытовые ситуации семейной жизни и основной сюжет связан «с учебой». Улыбки на лицах персонажей, подчеркивающие позитивное эмоциональное состояние членов семьи, отсутствуют.

Анализируя структурную композицию рисунков мальчиков из неполной семьи относительно изображенных членов семьи, отметим существенное отличие этих рисунков от рисунков девочек из неполных семей. Так, если в рисунках девочек из неполных семей фигура отца отсутствует (иными словами, он «вытеснен» из поля восприятия ребенком собственной семейной ситуации), то в рисунках мальчиков из неполной семьи фигура отца присутствует, и, более того, она задана достаточно большим числом параметров. На наш взгляд, это принципиальное и крайне важное отличие, которое фиксирует особый тип переживания своей семейной ситуации мальчиком из неполной семьи: несмотря на реальное отсутствие отца, в идеальном плане («образе своей семьи») он «не вытеснен», а наоборот, активно присутствует. Это свидетельствует об особой эмоциональной связи сына со своим («отсутствующим») отцом. Для понимания своеобразия этого типа детского рисунка перейдем к более детальному анализу фигур членов семьи.

Сопоставляя содержание факторов F1 и F2, которое определяет пространство квадранта I, где разместились рисунки мальчиков из неполных семей, мы можем отметить, что фигура самого ребенка здесь характеризуется достаточно небольшим числом элементов. Изображена она контуром и не прорисована, выполнена в смешанной цветовой гамме. Это свидетельствует не только об отсутствии явно выраженных позитивных переживаний собственного Я, но и в целом о сниженном внимании ребенка к собственным эмоциональным состояниям и переживаниям.

Изображение матери дано контуром, не прорисовано и выполнено в холодных тонах. На рисунке мать явно занимает

последнюю позицию. Все перечисленные параметры свидетельствуют об отчуждении, «холодных» отношениях, когда мать воспринимается сыном достаточно отстраненно.

Особый интерес представляет изображение позиции отца мальчиками из неполных семей. При этом важно отметить, что композиционно в рисунке ребенка отец стоит на первом месте и его фигура больше других. Это свидетельствует о значимости позиции отца при восприятии ребенком своей семейной ситуации. Поскольку, как мы отметили выше, мать занимает последнюю позицию на рисунке, правомерен вывод о том, что ребенок находится ближе к отцу, занимая положение между отцом и матерью. О том, что отец вызывает позитивные эмоциональные переживания у ребенка, свидетельствует и то, что его фигура выполнена в теплых тонах. Этот момент следует специально подчеркнуть, поскольку отец является единственным членом семьи, при изображении которого ребенком используется теплая цветовая гамма. В то же время надо отметить, что фигура отца задана контуром и не прорисована. Это обстоятельство также весьма существенно, поскольку свидетельствует о «размытости», нечеткости представлений ребенка об отце, об отсутствии у него стремления к детализации своего отношения к отцу. В этой связи крайне важно сравнить этот тип изображения фигуры отца с его изображением у мальчиков из полных семей, где, напомним, фиксируется хорошая прорисованность его фигуры, с одной стороны, а с другой — проявляются достаточно сложные и противоречивые отношения к социальному статусу отца в структуре семьи.

Последний момент стоит пояснить, поскольку он принципиален. Так, обсуждая общую композицию рисунка мальчика из полной семьи, мы фиксировали своеобразный социально-статусный конфликт, суть которого состоит в стремлении ребенка занять первую позицию на рисунке и изобразить себя больше других фигур. Одновременно, эти же тенденции, связанные с доминированием, проявляются и в изображении фигуры отца. Мать же, «разрешая» подобный конфликт, изображается на рисунке между фигурами отца и сына. На рисунке же мальчика из неполной семьи подобного социально-статусного конфликта нет: отец занимает безусловно доминирующую позицию и стоит на первом месте, второе место с явным эмоциональным тяготением к отцу (поскольку тот изображен в теплой цветовой гамме) занимает сын, на последнем месте расположена мать, изображенная в холодных тонах, что свидетельствует о ее своеобразном эмоциональном «отторжении» ребенком. Таким образом, в ситуации воспитания мальчика в неполной семье фигура отца явно «идеализируется», мать эмоционально «отторгается», а сам конфликт, связанный с занятием ребенком доминирующей позиции в структуре социально-ролевых отношений в семье, отсутствует. Иными словами, классический психоаналитический конфликт (Эдипов комплекс, связанный с желанием ребенка обладать матерью и занять место отца) здесь кардинально преобразуется. Так, образ отца идеализируется, стремление к эмоциональной связи с отцом актуализируется, однако характерная для Эдипова

комплекса ситуация соперничества сына с отцом отсутствует, а «желание обладать матерью» трансформируется в ее «отвержение».

Понятно, что высказанные соображения требуют дополнительных подтверждений, поэтому обратимся анализу реализуемых матерью стратегий воспитания мальчика в неполной семье (см. рис. 21). Сопоставляя материнские стратегии с особенностями изображения семейной ситуации на рисунках мальчиков «Моя семья», выделим ряд существенных, на наш взгляд, моментов. Ситуация воспитания мальчика в неполной семье отличается от ситуации воспитания мальчика в полной семье по двум параметрам. Один из них связан со стратегией, характеризуемой фактором F2 (см. рис. 21). Так, стратегия, определяемая у замужней матери фактором $+F2$, у незамужней матери меняется на противоположную, заданную отрицательным полюсом $-F2$. Эта стратегия, напомним, направлена на поддержание активности и самовыражения ребенка и ориентирована на развитие его умственных и индивидуальных способностей. Таким образом, заметим, что изображение на рисунках мальчиков из неполных семей сюжетов, связанных с учебной деятельностью, оказывается явно не случайным. Помимо этого, отличительной особенностью в стратегии незамужней матери является ее стремление при применении наказаний ограничивать общение своего ребенка с другими детьми и отказ от выполнения собственных обещаний. Таким образом, мать строит свой контроль за поведением ребенка, постоянно фиксируя угрозу разрыва межличностных отношений. Можно полагать, что именно подобная стратегия («игра на разрыв межличностных отношений») и вызывает у ребенка ответную реакцию «отторжения» матери, что выражено на его рисунке в изображении ее контуром, в холодных тонах и, наконец, последней.

Другой параметр касается реализуемой матерью стратегии, определяемой положительным полюсом фактора $+F1$ (см. рис. 21). Подчеркнем, что данный тип стратегии со стороны матери в ситуации воспитания мальчика в полной семье принципиально подавляется отцом, который реализует противоположную линию поведения при воспитании сына (его стратегия $-F1$). В отсутствие же отца мать актуализирует данный тип стратегии $+F1$, которая нормативно определяет своеобразие социокультурной позиции матери при воспитании девочки: воспитание в ребенке аккуратности, дисциплинированности, исполнительности. Именно эта стратегия, как мы в свое время подчеркивали, связанная с применением к мальчику линии поведения, которая характерна для воспитания девочки, и подавляется отцом в ситуации полной семьи как культурно неадекватная, ориентированная на воспитание у сына «феминных» личностных качеств. Но как мы теперь видим, обращаясь к анализу рисунков мальчиков из неполных семей, подобный протест относительно реализации матерью данной линии поведения возникает и у самого ребенка. Однако мальчик не может «подавить» эту линию поведения матери, наложить на нее запрет, как это делает отец в ситуации полной

семьи при воспитании мальчика. Единственной для ребенка возможностью разрешить этот конфликт оказываются негативные эмоциональные реакции, собственные внутренние переживания отношений с матерью, ее эмоциональное «отторжение», что и фиксируется в изображении ее фигуры на рисунке «Моя семья» (холодные тона, непрорисованность, контур). Заметим, что ситуация конфликта при реализации подобной стратегии фиксируется и самой матерью: «не могу справиться со спонтанной активностью ребенка».

И, наконец, подчеркнем, что актуализация матерью «феминной» стратегии поведения по отношению к сыну, воспитывающемуся без отца, ведет также к проявлению своеобразного феномена: идеализации мальчиком образа отца как доминирующей фигуры, т.е. той, которая может «наложить запрет» на неадекватное поведение матери в отношении к сыну. В этой связи заметим, что акцентуация мальчиками на рисунке семьи «доминирующей и теплой фигуры отца» отнюдь не случайна, поскольку здесь это и характеризует «охранительную» позицию отца в отношении ребенка. Таким образом, если в психоаналитической традиции при рассмотрении семейной ситуации воспитания мальчика обращается основное внимание на Эдипов комплекс, определяющий конкурентные отношения сына и отца (что кстати, достаточно отчетливо проявилось в рисунках мальчиков из полных семей), то в ситуации воспитания мальчика в неполной семье, как мы видим, внутренняя логика отношений ребенка с матерью и отцом определяется совершенно иначе: здесь ребенок не конкурирует с отцом, а, наоборот, идеализирует его позицию как охранительную; отец как идеальный образ «защищает» сына от матери.

Таким образом, в целом проведенный нами структурный анализ детских рисунков «Моя семья» позволил выявить действительно существенные, на наш взгляд, особенности смысловой позиции мальчиков и девочек дошкольного возраста относительно переживания ими различных типов семейных ситуаций.

2.3. ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ДЕТЕЙ В ДЕТСКОМ САДУ

Выше мы рассмотрели особенности рисунков «Моя семья» у мальчиков и девочек, воспитывающихся в полной и неполной семье. Однако возникает вопрос: ограничивается ли выявленный эмоциональный дискомфорт рамками семьи или же он распространяется и на другие сферы жизнедеятельности ребенка? Можно думать, что сниженное эмоциональное самоощущение мальчика, растущего без отца, имеет более глубокий характер и отражается на самых разных аспектах его жизни, в том числе на сфере отношений со сверстниками в детском саду.

Для ответа на этот вопрос был проведен сравнительный анализ рисунков «Я в детском саду» у детей, растущих в полных

и неполных семьях из той же выборки (623 ребенка). При анализе рисунков детского сада нас интересовали три параметра: 1) общий сюжет рисунка; 2) особенности изображения Я-фигуры; 3) эмоциональные характеристики рисунка.

Сопоставим рисунки детей из полных и неполных семей, опираясь на данные показатели.

Анализируя сюжеты рисунков «Я в детском саду», мы выявили несколько типов изображений детского сада, которые явно отличаются интересующие нас группы детей. Так, один из вариантов представлял собой изображение какой-либо деятельности детей (игра, спортивные или учебные занятия и пр.).

На других рисунках изображается дом (помещение детского сада) или Я-фигура рядом с домом, нередко дети рисуют себя непосредственно в здании детского сада или выглядывающими из его окон.

Третий вариант рисунков детского сада заключался в изображении детей в пустом пространстве.

Наконец, наблюдались случаи отказа рисовать детский сад. Отметим, что отказы практически никогда не встречались при выполнении задания нарисовать свою семью.

Рассмотрим распределение данных типов рисунков у детей из полных и неполных семей.

Данные, приведенные в таблице 18, показывают, что сюжеты изображений детского сада у детей из полных и неполных семей достаточно различаются, причем наиболее существенные различия выявлены среди мальчиков. Так, мальчики из полных семей гораздо чаще рисуют разные варианты совместной деятельности детей. У их ровесников из неполных семей преобладает изображение дома — рисунки, где либо вообще отсутствуют люди, либо воспроизводится одинокая фигура мальчика, стоящего рядом с домом.

Поскольку особый интерес представляет для нас сфера отношений ребенка со сверстниками, мы проанализировали рисунки с точки зрения социального окружения, в котором изображает себя ребенок. При анализе рисунков семьи было выделено три типа изображений Я-фигуры: 1) Я в одиночестве; 2) Я среди сверстников; 3) отсутствие Я-фигуры.

Таблица 18. Сюжеты рисунков детей-дошкольников «Я в детском саду» (%)

	Полные семьи			Неполные семьи		
	все	мальчики	девочки	все	мальчики	девочки
Занятия	45,5	46,2	44,3	28,2	26,6	29,5
Дом или Я+здание, или Я в здании	35,9	34,8	37,5	51,2	56,0	47,0
Дети в пустом пространстве	12,2	15,0	8,0	7,5	9,4	5,8
Отказ рисовать	6,4	4,0	10,2	13,1	8,0	17,7

Таблица 19. Варианты изображения Я-фигуры в рисунках детей-дошкольников «Я в детском саду» (%)

	Полные семьи			Неполные семьи		
	всего	мальчики	девочки	всего	мальчики	девочки
Я в одиночестве	38,1	39,2	38,8	50,3	50,0	50,7
Я среди сверстников	45,3	46,6	45,9	30,6	23,0	38,3
Отсутствие Я-фигуры	16,6	18,2	15,3	19,1	27,0	11,0

Распределение вариантов изображения Я-фигуры у мальчиков и девочек из полных и неполных семей приведено в таблице 19.

Данные таблицы 5 показывают, что дети из неполных семей на своих рисунках чаще изображают себя в одиночестве. Так, у детей из неполных семей доля таких рисунков составляет 50,3%, а у детей из полных семей — 38,1% (различия статистически значимы на уровне .04). Параллельно с этим дети из неполных семей реже изображают на своих рисунках сверстников по сравнению с детьми из полных семей, соответственно: 30,6% и 45,3% (различия статистически значимы на уровне .01). Подчеркнем, что особенно явно это проявляется при сравнении рисунков мальчиков. Так, если каждый четвертый мальчик (23,0%) из неполных семей изображает своих сверстников на рисунке «Я в детском саду», то среди мальчиков из полных семей таких почти каждый второй (46,6%); различия статистически значимы на уровне .01. В рисунках же девочек по этому параметру статистически значимых различий не выявлено. И, наконец, примерно пятая часть рисунков — это те рисунки, где Я-фигура вообще отсутствует. Таким образом, приведенные данные показывают, что в целом дети из неполных семей более склонны в рисунках на тему «Я в детском саду» изображать себя в одиночестве. При этом важно подчеркнуть, что рисунки мальчиков из неполных семей явно отличаются по своей композиции, поскольку они гораздо реже изображают себя среди сверстников. На наш взгляд, эта тенденция может свидетельствовать о сложности коммуникации со сверстниками в детском саду у мальчиков, воспитывающихся в неполной семье.

Сравнительный анализ качества изображения Я-фигуры на рисунках детей из полных и неполных семей также выявил ряд существенных различий.

Размер Я-фигуры. В целом анализ материалов показывает, что девочки как из полных, так и из неполных семей чаще склонны изображать себя в рисунках на тему «Я в детском саду» больше других персонажей, чем мальчики. Однако наиболее существенные различия проявились при сравнении мальчиков

из полных и неполных семей. При этом мальчики из неполных семей гораздо чаще склонны изображать себя меньшего размера по сравнению с другими фигурами рисунка, соответственно: 28,2% и 14,9% (различия статистически значимы на уровне .03). Это свидетельствует о том, что мальчики из неполных семей не склонны оценивать свою позицию в группе детского сада как доминирующую.

Порядок расположения Я-фигуры. Полученные материалы показывают, что около половины детей (44,0%) склонны изображать свою фигуру на рисунках «Я в детском саду» первой. На последнее же место ставит себя примерно каждый десятый — 9,3%. Сравнительный анализ данных показывает, что именно мальчики из неполных семей гораздо реже склонны ставить себя на первое место — 33,3%. Это дает основание сделать вывод о том, что мальчики из неполной семьи менее склонны к принятию лидерской позиции в группе сверстников из детского сада.

Прорисованность Я-фигуры. Сравнение рисунков детей показывает, что в целом хорошая прорисованность Я-фигуры в большей степени характерна для рисунков девочек. При этом различий между прорисованностью Я-фигуры у девочек из полных и неполных семей не обнаруживается, соответственно: 38,3% и 39,0%. В то же время сравнение рисунков мальчиков по параметру прорисованности Я-фигуры показывает, что у мальчиков из полных семей прорисованность фигуры проявляется почти в два раза чаще, соответственно: 18,5% и 10,3%.

В совокупности приведенные данные свидетельствуют о сниженном самоощущении, о чувстве своей незначительности и покинутости у мальчиков из неполных семей, в то время как показатели девочек из неполных семей свидетельствуют об их относительном психологическом благополучии.

Рассмотрим теперь эмоциональные характеристики рисунка «Я в детском саду», которые, как и в рисунке своей семьи, оценивались по следующим показателям:

- преобладание теплых тонов;
- наличие улыбки на лицах персонажей;
- наличие символов.

Количественные значения данных показателей в рисунках мальчиков и девочек из полных и неполных семей представлены в таблице 20.

В целом рисунки с преобладанием теплой цветовой гаммы у детей из неполных семей встречаются редко. При этом мальчики из неполных семей гораздо чаще выполняют свои рисунки в черно-белом цвете, чем мальчики из полных семей, соответственно: 53,8% и 39,3% (различия статистически значимы на уровне .05).

Как видно из таблицы, дети из полных семей почти в половине случаев рисуют улыбки, тогда как у их сверстников из неполных семей улыбка на лицах персонажей встречается заметно

Таблица 20. Показатели эмоционального тонуса рисунка «Я в детском саду» (%)

Показатели эмоционального тонуса	Полные семьи			Неполные семьи		
	всего	мальчики	девочки	всего	мальчики	девочки
Преобладание теплых тонов	33,5	26,8	40,4	28,8	31,3	28,6
Наличие улыбки	46,6	43,6	50,2	36,7	31,3	41,7
Наличие символов	35,0	39,0	37,0	26,6	18,7	31,2

реже. Характерно, что мальчики из неполных семей фиксируют улыбку заметно реже, чем все остальные дети.

Та же тенденция прослеживается и при анализе использования символов. В целом дети из полных семей используют их заметно чаще, чем из неполных. При этом наиболее редко используют символы в рисунках детского сада мальчики из неполных семей — 18,7%.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что рисунки на тему «Я в детском саду» у детей из неполных семей отражают их сниженный эмоциональный тонус, причем наиболее низкие показатели эмоционального благополучия обнаружены в рисунках мальчиков из неполных семей.

Таким образом, сравнительный анализ практически всех показателей рисунков детей выявил одну и ту же тенденцию, согласно которой дети, растущие в неполных семьях, имеют менее благоприятную картину эмоционально-личностной сферы, в сравнении с их сверстниками из полных семей. Заметим, что особо уязвимую группу представляют мальчики, живущие с одинокой матерью. Для них в большей степени, чем для девочек из неполных семей, характерны сниженный эмоциональный тонус, трудности в общении, чувство одиночества и отверженности, негативное самоощущение. Учитывая, что эти особенности были выявлены не только в рисунках семьи, но и детского сада, их можно считать достаточно устойчивыми характеристиками, отражающими специфику личностного развития детей.

Интерпретация полученных данных достаточно сложна. С одной стороны, можно предполагать, что у мальчиков, живущих в неполной семье, отсутствует объект идентификации, в результате чего у них наблюдаются проблемы с половой самоидентичностью, что приводит к снижению самоощущению и психологическому дискомфорту. Однако, с другой стороны, выявленные факты могут являться следствием попыток матери заменить ребенку отца. Понимая, что сыну необходим отец, одинокая мать сознательно или бессознательно стремится компенсировать

ребенку его отсутствие и берет на себя мужские функции. В результате мальчик лишается не только отца, но в некотором смысле и матери – материнской любви, терпимости, теплоты и пр. Как известно, именно эти черты материнского отношения в раннем возрасте являются главным условием уверенности ребенка в себе, доверия к окружающим и общего положительного самоощущения.

Естественно, этот путь развития не является обязательным и объективно предопределенным. Однако полученные данные свидетельствуют о том, что мальчики из неполных семей составляют особую проблемную группу, которая нуждается в пристальном внимании не только родителей, но и психологов и педагогов.

Глава III

ОСОБЕННОСТИ ИГРЫ СОВРЕМЕННЫХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Согласно теоретическим позициям отечественной возрастной психологии, ведущей деятельностью дошкольника является ролевая игра. Именно в этой деятельности складываются и наиболее эффективно развиваются главные новообразования этого возраста: творческое воображение, образное мышление, самосознание и пр. Особое значение игра имеет для становления самых разных форм произвольного поведения детей — от элементарных, до самых сложных. Так, в игре начинает развиваться произвольное внимание и память, соподчинение мотивов и целенаправленность действий. Сознательная цель — сосредоточиться, запомнить что-то, сдержать импульсивное движение — раньше и легче всего выделяется ребенком в игре. Л. С. Выготский называл игру «школой произвольного поведения».

Одним из главных оснований психологической концепции игры выдающегося теоретика и исследователя игровой деятельности детей Д. Б. Эльконина является положение о ее социальной природе. Он многократно и убедительно подчеркивал особую чувствительность детской игры к сфере социальных отношений. Игра возникает из условий жизни ребенка в обществе и в свою очередь отражает эти условия. Эти положения стали классическими для отечественной психологии и являются традиционной основой для понимания природы игровой деятельности дошкольника.

Однако исследования игры Даниила Борисовича проводились в 60–70-е годы, когда общественные отношения и общество в целом во многом были другими. С тех пор произошли значительные изменения в нашем обществе, в отношениях между людьми и в условиях жизни детей. Эти изменения не могли не отразиться на игре детей. Характер этих изменений чрезвычайно важно понять по крайней мере по следующим причинам.

Во-первых, особенности игры современных дошкольников отражают своеобразие их психического развития, их интересов, ценностей, представлений и пр.

Во-вторых, игра в силу ее особой чувствительности к сфере человеческих отношений отражает положение ребенка в обществе и специфику самого этого общества.

В-третьих, анализ современного состояния игровой деятельности ребенка чрезвычайно важен для дошкольного воспитания, для построения новых методов педагогики игры. Вместе с тем подчеркнем, что по нашим данным (В. Собкин, Е. Марич, 2000)

лишь каждый десятый (9,1%) воспитатель включает в круг своих обязанностей организацию игровой деятельности с ребенком, что свидетельствует о явном вытеснении игры из целевых задач системы дошкольного воспитания. Система дошкольного воспитания все более переориентируется на подготовку ребенка к школе, когда учебная деятельность вытесняет игровую. Для сравнения: 22,9% опрошенных нами воспитателей именно эту целевую задачу и ставят в качестве приоритетной.

И, наконец, в-четвертых, в предыдущих разделах книги (см. раздел 3.2., Часть I) мы фиксировали значимость совместной игры при общении родителей со своими детьми. Так, 56,0% родителей выделяют игру с ребенком как наиболее привлекательную форму проведения досуга. Кстати и в самих рисунках детей, как мы показали в предыдущей главе, игра занимает заметное место при определении ребенком сюжета рисунка «Моя семья». Поэтому анализ современного состояния детской игры имеет принципиальное значение и для семейного воспитания.

Однако, несмотря на важность этой задачи, серьезные психологические исследования, посвященные специфике игры современных детей, в настоящее время практически отсутствуют. Вместе с тем родители и воспитатели детских садов отмечают, что за последние 5–6 лет произошли определенные изменения в играх дошкольников.

Наиболее явное изменение, которое фиксирует большинство опытных дошкольных педагогов, заключается в том, что дети в детских садах стали меньше играть, особенно сократились (и по количеству, и по продолжительности) сюжетно-ролевые игры. В качестве главной причины обычно называют недостаток времени. Действительно, в большинстве детских садов режим дня перегружен различными занятиями и на свободную игру остается не более часа. Однако и этот час дети, по наблюдениям педагогов, не могут содержательно и спокойно играть — они возятся, дерутся, толкаются — поэтому воспитатели стремятся заполнить свободное время детей спокойными настольными играми и предлагают им различные мозаики, конструкторы и пр.

Вместе с тем следует подчеркнуть вариативность игры и ее зависимость от конкретных условий воспитания. Существуют отдельные детские сады, где игровой деятельности детей уделяется большое внимание и ролевая игра принимает развернутые формы. Дети, живущие в нормальных семейных условиях, как правило, любят и умеют играть в ролевые игры. Однако такие сады и такие условия в настоящее время скорее исключение, чем правило. Нас же интересует более широкая и обобщенная картина того, во что и как играют современные дошкольники.

В этой связи в рамках Программы настоящего исследования было проведено специальное интервью с дошкольниками 5–6 лет, в котором им задавался ряд вопросов, относящихся к игре. Вопросы задавались в свободной, индивидуальной беседе с ребенком и дословно протоколировались интервьюером. Всего было проведено 623 интервью. Каждому дошкольнику были заданы следующие вопросы:

- Какие игры ты знаешь и во что любишь играть?
- Знаешь ли ты правила своей любимой игры?
- Можно ли нарушать правила игры?
- Что будет, если нарушить правила?

Как можно заметить, большинство вопросов относятся к правилам игры. Это не случайно. Правило (или правильная последовательность действий) является смысловым центром игры. Последовательность действий, которую сознательно и добровольно берет на себя ребенок, имеет для него как бы силу «закона», которому он должен подчинять свои действия. Взяв на себя роль в игре, ребенок принимает систему жесткой необходимости выполнения определенных действий в определенной последовательности. Однако именно это подчинение принятому закону доставляет ребенку и максимальное удовольствие. По словам Л.С.Выготского, игра — это «правило, ставшее аффектом». Именно поэтому игра дает ребенку «новую форму желания» и новую форму отношения к действительности. Следовательно, для оценки уровня развития игровой деятельности отношение ребенка к игровому правилу имеет первостепенное значение.

Поскольку опрошенная выборка характеризуется масштабностью, результаты детских ответов могут дать достаточно полную картину игровой деятельности современных дошкольников. Приведем основные результаты.

Первый и наиболее важный аспект анализа полученных материалов связан с выяснением характера детских игр, а именно: во что играют современные дети и какие игры пользуются у них наибольшей популярностью. Для ответа на этот вопрос был составлен список всех игр, названных детьми, и подсчитана частота называния каждой игры. Все игры были расклассифицированы в соответствии с принятой типологией детских игр:

- ролевые игры;
- подвижные игры с правилами;
- игры-драматизации;
- настольно-печатные игры.

Рассмотрим данные, полученные в результате этого анализа. В достаточно обширном перечне детских игр (а этот список состоит из 248 названий) первое место занимают традиционные подвижные игры с правилами. Они составляют почти половину (45%) известных детям и любимых игр. Из них на первом месте и с большим отрывом от других игр идут «прятки» (16%), «салочки» (13%) и «кошки-мышки» (9%). Все остальные подвижные игры («жмурки», «вышибалы», «прыгалки», «замиралки» и пр.) встречаются лишь в отдельных случаях и в сумме набирают лишь 7%.

Второе место (25%) занимают ролевые игры, среди которых на лидирующую позицию вышли традиционные «дочки-матери» (6,2%) и современная разновидность этой игры — «куклы Барби» (5%). Эти игры называли в основном девочки. У мальчиков же наиболее популярными были игры в «машинки» (5%). Все осталь-

ные сюжеты ролевых игр встречаются лишь в отдельных случаях. Так, лишь двое детей упомянули игру в «магазин», трое — в «больницу», в «зайчиков» и «роботов», и один ребенок назвал игру — в «школу». Таким образом, собственно сюжетно-ролевая игра, моделирующая социальные отношения, роль которой специально подчеркивал Д.Б. Эльконин, сегодня явно вычеркнута из игровой деятельности ребенка старшего дошкольного возраста. И это, пожалуй, один из ключевых результатов нашего исследования.

Третье место по популярности у детей занимают настольные и спортивные игры (17%). Сюда относятся многочисленные настольно-печатные игры («Айболит», «Дед Мазай», «Колпачок» и пр.), конструкторы, мозаики, шашки и даже карты. В эту же группу мы отнесли и компьютерные игры для дошкольников («Денди», «Тэтрис», «Марсиане»), которые, кстати, составили весьма немногочисленную группу (всего 3%).

И, наконец, четвертую, самую малочисленную (12%), но самую разнообразную группу составили игры-драматизации. Здесь наряду со старинной «Красной Шапочкой» и «Гусями-Лебедями» значительное место занимают весьма экзотические современные сюжеты, заимствованные в основном с телевизионного экрана (про «Анжелику», «Чип и Дейл», про рокеров, нинзя и др.). Завершая характеристику ответов на этот вопрос, отметим, что около 4% детей старшего дошкольного возраста вообще не смогли назвать ни одной игры.

Итак, приведенные выше результаты свидетельствуют о том, что наиболее популярными у современных дошкольников являются игры с правилами. Ролевые игры почти в два раза отстают от них по своей популярности. Причем сюжеты ролевых детских игр весьма однообразны и ограничены в основном семейной тематикой. «Профессиональные сюжеты» (т.е. игры в повара, шофера, доктора, космонавта, и пр.), которые были весьма популярны 10–20 лет назад, практически отсутствуют в игровой деятельности современных дошкольников. Между тем именно такие игры и такие «профессиональные» роли в наибольшей мере способствуют вхождению ребенка в мир взрослых. Именно игровая роль в концентрированной форме воплощает связь ребенка с обществом. Играя, ребенок не просто называет себя именем соответствующего персонажа (я — доктор, я — космонавт, я — генерал), но и действует, «как взрослый» человек, роль которого он взял на себя. Действуя «как взрослый», ребенок как бы отождествляет себя с ним, моделирует и осваивает жизнь взрослых и отношения между ними. Но для того, чтобы ребенок взял на себя роль какого-либо человека, необходимо выделить у этого человека (в этой социальной роли) характерные признаки, присущие только ему, правила и способы поведения, соответствующие роли. Только в том случае, если ребенок достаточно четко представляет рисунок поведения игрового персонажа, роль может быть принята и реализована в игре. Отсутствие же профессиональных, социальных ролей в детских играх может свидетельствовать о том, что игра перестает быть способом вхождения ребенка в мир

взрослых и освоения социальных отношений. Это, по-видимому, связано с тем, что дети все более отдаляются от взрослых: они не видят и не понимают профессиональной деятельности родителей, плохо знакомы с их трудовыми и личными отношениями. В результате, несмотря на обилие игрушек, у них *отсутствует содержание* для ролевых игр. Вместе с тем полученные данные свидетельствуют о том, что современные дошкольники нередко воспроизводят в своих играх сюжеты, заимствованные из телевизионных фильмов, в которых воспроизводят не профессиональные роли взрослых, а роли телевизионных героев («Анжелика», нинзя, «Чип и Дейл» и пр.) Это может свидетельствовать о том, что дети лучше знакомы с жизнью и отношениями героев фильмов, чем окружающих их близких взрослых. И хотя содержанием таких игр остается деятельность людей и их отношения, слабая представленность ролевых игр и их оторванность от жизни близких взрослых может свидетельствовать о том, что социальная жизнь взрослых перестает быть содержанием детских игр, на чем строились основные концептуальные положения отечественной психологии детской игры.

Вместе с тем игра остается привлекательной и наиболее распространенной формой активности современных дошкольников. Но уже не ролевая игра, а игра с правилом. Как известно, в этих играх действия детей регулируются именно правилами, и поэтому знание правил является совершенно необходимым условием игры. В этой связи рассмотрим, как ответили старшие дошкольники на классический вопрос: «Есть ли в твоей любимой игре правила и знаешь ли ты их?»

Около половины детей (45%) ответили, что они не знают правил игры, в которую играют. Либо они не знают, есть ли правила у этой игры вообще, либо считают, что такие правила есть, но они их не знают (т.е. не могут их сформулировать).

Треть из опрошенных детей (27%) уверена, что у игры никаких правил нет. Остальные же дети в ответ на этот вопрос называли какие-либо правила. Однако большая часть из названных правил вовсе не относилась к конкретной игре, а представляла собой общие «гигиенические» или моральные нормы: «Ничего не ломать и не пачкать», «Чистить зубы каждый день», «Слушаться маму» и пр. Этот факт может свидетельствовать о том, что сам термин «правило» связывается в сознании дошкольников с *требованиями взрослых*, а не с принятым ими самими (самостоятельно и добровольно) порядком игры. И только в 10% случаев были названы правила, действительно относящиеся к игре и отражающие ее суть (например: «не подглядывать», «ты прячешься, а другой человек считает и ищет», «не переступать за черту», «куклу нужно кормить, купать и гулять с ней»).

Таким образом, лишь десятая часть старших дошкольников может более или менее содержательно назвать правила игры, в которую играют.

Рассмотрим теперь, как отвечают современные дошкольники на простой вопрос, непосредственно связанный с положением о нарушении правил: «Можно ли нарушать правила игры?»

Подавляющее большинство ответов (76%) было утвердительным: «Да, можно!» И только 10% детей ответили, что правило игры «нарушать нельзя». Остальные же дети затруднились ответить на поставленный вопрос. Этот результат выразительно свидетельствует о том, что в сознании большинства современных дошкольников правило игры вовсе не является неприложным законом и что отношение к игровому правилу у них достаточно свободное и «несерьезное».

В этой связи показательны ответы детей еще на один вопрос, непосредственно связанный с их отношением к игровому правилу: «Что будет, если нарушить правила игры?». Заметим, что при развитой форме игровой деятельности выполнение правил и отказ от действий по непосредственному импульсу должны приносить детям максимальное удовольствие и, следовательно, нарушение правил должно приносить разочарование, скуку, разрушение игры. Это, кстати, один из ключевых моментов психологической концепции игровой деятельности, который мы уже отмечали выше: «правило ставшее аффектным». Поэтому при сформированной игровой деятельности ответы должны были бы звучать примерно так: «Игры не получится» или «Будет неинтересно». Однако современные дошкольники отвечают иначе.

Большинство из них (62%) связывает нарушение правил с какими-либо санкциями со стороны окружающих. Причем примерно половина из них ожидает «административных» или силовых наказаний: «Директор выгонит из сада», «Арестуют», «Руслан побьет», «Оштрафуют», «Прибьют», «Посадят в тюрьму». Остальные дети непосредственно связывают нарушение правил с игровыми санкциями со стороны сверстников: «Выгонят из игры», «Заставят водить», «Не будут больше играть».

Характерно и то, что значительная часть детей (19%), напротив, считает, что «ничего не будет» или будет «игра без правил», или «все будет хорошо».

И только 5% детей в ходе наших интервью дали адекватный с позиции развитой игровой деятельности ответ: «Игра не начнется (не получится)», или «Придется объяснить еще раз».

Приведенные данные красноречиво свидетельствуют о том, что отношение современных дошкольников к игре (а значит и сама игровая деятельность) существенно изменилось. Несмотря на сохранение и популярность некоторых игровых сюжетов («прятки», «салочки», «дочки-матери»), из игры уходит «правилосообразность», которая непосредственно связана с осознанностью и ответственностью своего поведения. Дети перестают соотносить свое поведение и свои желания с «идеей» — с образом идеального взрослого или образом правилосообразного поведения. А ведь именно это самостоятельное регулирование своих действий и превращает поведение ребенка «из полевого в волевое».

Игра не возникает сама собой, а передается от одного поколения детей другому — от старших к младшим. В настоящее время эта связь детских поколений прервана (разновозрастные детские сообщества — в семье, во дворе, в квартире — встречаются лишь как исключение). Дети растут среди взрослых, а взрослым некогда

играть, да они и не умеют этого делать и не считают важным. Если они и занимаются детьми, то «учат» их. В результате игра уходит из жизни дошкольников, а вместе с ней уходит и само детство.

Сворачивание игры в дошкольном возрасте весьма печально отражается на общем психическом и личностном развитии детей. Как известно, именно в игре наиболее интенсивно развиваются мышление, эмоции, общение, воображение, сознание ребенка. Преимущество игры перед любой другой детской деятельностью заключается в том, что в ней ребенок сам, добровольно подчиняется определенным правилам (открытым или заданным в игровой роли), причем именно выполнение правил доставляет максимальное удовольствие. Это делает поведение ребенка осмысленным и осознанным. Поэтому игра, оставаясь максимально свободной и привлекательной для ребенка деятельностью, становится школой произвольного поведения, учит его добиваться цели (пусть пока игровой), преодолевать свои импульсивные желания. Игра упорядочивает не только поведение, но и внутреннюю жизнь ребенка, помогает ему понять себя и свое отношение к миру. Это практически единственная область, где дошкольник может проявить свою инициативу и творческую активность. И в то же время, именно в игре дети учатся контролировать и оценивать себя, понимать, что они делают, и (наверное, это главное) *хотеть действовать правильно*. Именно самостоятельное регулирование своих действий превращает ребенка в сознательного субъекта своей жизни, делает его поведение осознанным и произвольным.

Конечно, это не означает, что современные дети не овладевают правилами поведения — бытовыми, учебными, коммуникативными и пр. Однако эти правила исходят *извне*, со стороны взрослых, а ребенок вынужден принимать их и приспосабливаться к ним. Главное преимущество игровых правил заключается в том, что они добровольно и ответственно принимаются (или порождаются) самими детьми, поэтому в них представление о том, что и как надо делать, слиты с желаниями и эмоциями. В развитой форме игры дети сами *хотят действовать правильно*. Уход таких правил из игры может свидетельствовать о том, что у современных детей игра перестает быть «школой произвольного поведения», но никакая другая деятельность для ребенка-дошкольника выполнить эту функцию не может. А ведь произвольность — это не только действия по правилам, это осознанность, независимость, ответственность, самоконтроль, внутренняя свобода. Лишившись игры, дети не приобретают всего этого. В результате их поведение остается ситуативным, непроизвольным, зависимым от окружающих взрослых. Наблюдения показывают, что современные дошкольники не умеют организовать свою деятельность, наполнить ее смыслом: они слоняются, толкаются, перебирают игрушки и пр. У большинства из них не развито воображение, отсутствует творческая инициатива и самостоятельность мышления. А поскольку дошкольный возраст является оптимальным периодом для формирования этих важнейших качеств, не стоит питать иллюзий, что все эти способности возникнут сами собой, «потом», в более зрелом возрасте.

Бедность и примитивность игры пагубным образом отражается и на коммуникативном развитии детей. Общение дошкольников происходит в основном в совместной игре. Именно общая, совместная игра — ее правила, ее сюжет, распределение ролей и пр. — является главным содержанием общения детей. Играя и выполняя различные игровые роли, они учатся видеть события с разных позиций, учитывать действия и интересы других, соблюдать нормы и правила общения. Дошкольники, не умеющие играть, не могут содержательно общаться, они не способны к совместной деятельности, не интересуются нуждами и проблемами сверстников. Нарастают проявления агрессивности, отчужденности, враждебности.

Между тем и родителей и воспитателей, как правило, мало волнуют эти проблемы. Главным показателем эффективности работы детского сада и благополучия ребенка в семье считается степень готовности к школе, которая выражается в умении считать, читать, писать и выполнять инструкции взрослого. Такая «готовность» не только не способствует, но и препятствует нормальному школьному обучению: пресытившись принудительными учебными занятиями в детском саду, дети часто не хотят идти в школу или теряют интерес к учебе уже в младших классах. Преимущества раннего обучения сказываются только в первые 2–3 месяца школьной жизни — таких «готовых» детей уже не надо учить читать и считать. Но как только нужно проявить самостоятельность, любознательность, способность решать поставленные задачи и думать — эти дети пасуют и ждут указаний взрослого. Надо ли говорить, что такая пассивность, отсутствие интересов и самостоятельности, «внутренняя пустота» будут иметь весьма печальные последствия не только в школе.

Детство — это не только самая счастливая и беззаботная пора жизни человека. Это еще и период наиболее интенсивного формирования личности. То, что не сложилось в детские годы, уже невозможно вложить во взрослого человека. Надо понимать, что, заставляя маленького ребенка учиться, мы забираем у него игру, а значит, крадем целый мир детских переживаний, стремлений, отношений и лишаем его возможности стать полноценным человеком.

Понятно, что проблематика социологии детской игры в данной книге нами лишь обозначена, и это лишь первый предварительный опыт, скорее проект, дальнейшего специального исследования социологии детской игры.

Заключение

Когда книга написана, кратко пересказывать ее содержание и ставить специальные акценты не имеет смысла. По сути дела, все, что касается эмпирического материала исследования и его интерпретации, должно быть сказано в основном тексте книги. И если основные акценты не расставлены, то это, конечно, наша вина и стоит только извиниться перед читателем. И все же заключение необходимо.

Пожалуй, это единственное место в книге, посвященной изложению результатов научного исследования, где у авторов есть возможность проявить субъективную позицию. И в этом смысле роль «заключения», пожалуй, состоит в личностном отторжении авторами текста, который им уже не принадлежит. Это своеобразное прощание с текстом, к которому не вернешься, не исправишь, не перепишешь — работа закончена. Теперь автор теряет то свое преимущество, которое у него было когда он был «собственником» текста, владел им, — он становится читателем. У автора уже нет, как писал М. М. Бахтин, того «избытка видения», и он становится равноправен читателю. На этом, собственно говоря, авторство и заканчивается.

И вот став читателем, начинаешь думать не столько о содержании самой книги, сколько о том, куда двигаться дальше, по какому пути идти. Рождает ли в этом отношении написанная книга ощущение незавершенности? Возникнет ли после ее прочтения хорошо известный психологам феномен «прерванного действия»? Дает ли материал книги тот импульс, который вызывает потребность вернуться к вновь данной проблематике?

И сейчас, когда мы пишем заключение, пожалуй, основное сожаление возникает по поводу того, что наше исследование было проведено как «анонимное». Мы уже не сможем встретиться с теми родителями, которые отвечали на вопросы нашей анкеты, и теми детьми, которые решали тестовые задачи, рисовали рисунки «Моя семья», «Я в детском саду» и рассказывали нам о том, во что и как они играют. А ведь было бы действительно интересно встретиться с этими родителями и детьми лет через пять-десять, а может быть, и пятнадцать, и двадцать. Но такая встреча не должна быть случайной и не «с пустыми руками». Причем необходимо иметь «в руках» не только анкеты, тесты и другие методики, но, самое главное, иметь «идею в голове». И в этом отношении, конечно, реализованная нами исследовательская программа не предполагает подобного возврата, поскольку изначально она не задумывалась как лонгитюдное исследование. Теперь же об этом можно только пожалеть. Но ведь шесть лет назад, когда только задумывалось это исследование, мы были не только моложе, но нас тогда привлекала совершенно другая идея —

сопоставить мнения родителей и воспитателей детских садов относительно целей, задач, содержания и проблем воспитания ребенка-дошкольника. Именно расхождение этих позиций, на наш взгляд, и задает напряжение, обуславливающее драму социального развития ребенка. Этот основной момент мы и фиксировали в целом ряде наших предыдущих работ [44; 46].

И теперь, уже написав эту книгу, мы можем сказать, что предварительно намеченная задача на сегодня в определенной степени выполнена. Однако сама идея проведения длительного лонгитюда, возникшая по ходу работы над книгой, с привлечением большой выборки детей и родителей становилась все более отчетливой. Сегодня именно она влечет и манит. Пожалуй, этим и стоит заняться. Понятно, что для осуществления подобной новой исследовательской программы нужно и существенно переработать сами анкеты, и тщательно продумать новый пакет диагностических методик, и разработать организационную модель проведения подобного исследования, но, пожалуй, самое главное — необходимо выстроить концепцию детского развития, учитывающую вариативность социальных траекторий развития ребенка. И эта задача является центральной. Действительно, существующие теории детского развития и концепции возрастной периодизации сегодня не учитывают в должной степени культурного своеобразия *социальных ситуаций развития*. А это ключевой, на наш взгляд, вопрос, если мы хотим двигаться к логике социокультурных представлений о «детстве, отрочестве и юности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуализация проблемы воспитания и образования дошкольников: Сб. науч. трудов / Под ред. Поддьякова Н.Н. и др. — М.: АПН СССР, 1985. — 84 с.
2. Арнаутова Е.Л. Основы сотрудничества педагога с семьей дошкольника: Программно-методическое пособие. — М.: ТОО «ИнтелТех», 1994. — 38 с.
3. Аттестация и аккредитация дошкольных образовательных учреждений: Сборник документов по проведению аттестации и аккредитации дошкольных образовательных учреждений / Под ред. Стеркиной Р.Б. — М.: Министерство образования, 1996. — 128 с.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: худ. лит., 1965. — 312 с.
5. Богуславская З.М., Смирнова Е.О. Развивающие игры для детей младшего дошкольного возраста: Кн. для воспитателя дет. сада. — М.: Просвещение, 1991. — 207 с.
6. Болотина Л.Р. и др. Дошкольная педагогика. — М.: Academia, 1997. — 229 с.
7. Венгер Л.А. Восприятие и обучение. (Дошкольный возраст). — М.: Просвещение, 1969. — 365 с.
8. Веракса Н.Е. Особенности преобразования противоречивых проблемных ситуаций дошкольниками // Вопр. психологии. — 1981. — № 3. — С. 123–127.
9. Воспитание дошкольника в семье: Вопросы теории и методики / Под ред. Марковой Т.А. — М.: Педагогика, 1979. — 121 с.
10. Воспитатели и родители: Из опыта работы / Сост. Загик Л.В., Иванова В.М. — М.: Просвещение, 1985. — 96 с.
11. Выготский Л.С. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1984. — Т.4. — 433 с.
12. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. — М.: Издательство «Институт практической психологии» — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. — 480 с.
13. Дьяченко О.М., Веракса Н.Е. Чего на свете не бывает? — М., 1994. — 160 с.
14. Дьяченко О.М. Психическое развитие дошкольников / Дьяченко О.М., Лаврентьева Т.В. — М.: Педагогика, 1984. — 128 с.
15. Захаров А.И. Психотерапия неврозов у детей и подростков. — Л., 1988. — 247 с.
16. Исмагилова А.Г. Индивидуальный стиль педагогического общения воспитателя детского сада: Автореф. ...канд. психол. наук. — М., 1989. — 19 с.
17. Карпова Н.И. Управление учебно-воспитательной работой с детьми в малокомплектном детском саду: Автореф. канд. пед. наук. — М., 1990. — 21 с.
18. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
19. Лисина В.Р. Влияние общения воспитателя с ребенком 5-го года жизни на его эмоциональное благополучие: Автореф. ...канд. психол. наук. — М., 1994. — 24 с.
20. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. — М.: Издательство «Институт практической психологии» — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — 384 с.
21. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения / АПН СССР. НИИ общ. и пед. психологии. — М.: Педагогика, 1986. — 144с.
22. Лобза О.В. Роль близких взрослых в восстановлении эмоционального мироощущения ребенка (в период перехода к школьной жизни) : Автореф. канд. психол. наук. — М., 2000. — 22 с.
23. Методические рекомендации к «Программе обучения и воспитания в детском саду» / Сост. Русскова Л.В. — М.: Просвещение, 1986. — 400 с.
24. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. — М.: Наука, 1988. — 429 с.
25. Мухина В.С. Детская психология. — СПб.: Просвещение. Санкт-Петербург. Отделение, 1992. — 302 с.
26. Мухина В.С. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. — М., 1981. — 239 с.

27. Николаева А.Б. Психологические особенности влияния личности воспитателя детского сада на дошкольников. Автореф. канд. психол. наук. — М., 1985. — 24 с.
28. Нухова М.В. Особенности самосознания личности детей 6–10 лет из полных и неполных семей: Автореф. ... канд. психол. наук. — М., 1996. — 17 с.
29. Обухова Л.Ф. Детская психология: Теории, факты, проблемы. — М.: Три-вола, 1995. — 357 с.
30. Общение детей в детском саду и семье / Под ред. Репиной Т.А., Стеркиной Р.Б. — М.: Педагогика, 1990. — 150 с.
31. Особенности обучения и воспитания детей дошкольного возраста: Сб. науч. трудов / Под ред. Парамоновой Л.А., Кравцова Г.Г. — М.: АПН СССР, 1987. — 132 с.
32. Петровский А.В. Дети и тактика семейного воспитания. — М.: Знание, 1981. — 95 с.
33. Петровский В.А. Феномены субъектности в развитии личности / Междунар. ин-т «Открытое общ-во», Самар. Филиал, Самар. Госуниверситет, Каф. Педагогика и психологии. — Самара: б.и., 1997. — 101 с.
34. Петровский В.А., Калинин В.К., Котова И.В. Личностно-развивающее взаимодействие. — Ростов н/Д.: АО «Цв. печать», 1996. — 85 с.
35. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. — М.: Междунар. пед. акад., 1994. — 680 с.
36. Плезанш Э. Социология дошкольного образования как вклад в социологию раннего детства // Социология образования. Труды по социологии образования. — М.: Центр социологии образования РАО, 1994. — Т. II. Вып. III. — С. 58–65.
37. Поддьяков Н.Н. К вопросу о развитии мышления дошкольников // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии / Под ред. И.И. Ильсова, В.Я. Ляудис. — М., 1981. — С. 207–211.
38. Поддьяков Н.Н. Новые подходы к исследованию мышления дошкольников // Вопросы психологии. — 1985. — 2.
39. Смирнова Е.О. Психология ребенка: Учебник для педагогических училищ и вузов. — М.: Школа-Пресс, 1997. — 384 с.
40. Смирнова Е.О., Собкин В.С. Особенности игры современных дошкольников / / Педагогика развития: Содержание образования как проблема. Материалы 6-й научно-практической конференции. — Красноярск. — 1999. — Часть I. — С. 69–77.
41. Смирнова Е.О., Собкин В.С., Асадулина О.Э., Новаковская А.А. Ребенок в неполной семье: половые различия в эмоциональном благополучии (на материале анализа детских рисунков) // Школа здоровья. — 1999. — №1. — С. 81–89.
42. Смирнова Е.О., Собкин В.С., Асадулина О.Э., Новаковская А.А. Специфика эмоционально-личностной сферы дошкольников, живущих в неполной семье (на материале детских рисунков) // Вопросы психологии. — 1999. — № 6. — С. 18–28.
43. Собкин В.С., Кузнецова Н.И. Российский подросток 90-х: Движение в зону риска. Аналитический доклад. — М.: ЮНЕСКО, 1998. — 120 с.
44. Собкин В.С., Марич Е.М. Воспитатель детского сада: жизненные ценности и профессиональные ориентации. По материалам социологического исследования. Труды по социологии образования. Том V. Выпуск VIII. — М.: Центр социологии образования РАО, 2000. — 165 с.
45. Собкин В.С., Марич Е.М. Жизненные ориентации родителей детей-дошкольников // Вопросы психологии. — 2002. — № 6 (в печати).
46. Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ, Москва-Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. — М.: Центр социологии образования РАО, 1994. — 151 с.
47. Собкин В.С., Эльяшевич Е.К., Марич Е.М. Еврейский детский сад в России: проблемы, противоречия, перспективы. По материалам социально-психологического исследования. Труды по социологии образования. Том VI. Выпуск IX. — М.: Центр социологии образования РАО, 2001. — 120 с.
48. Стеркина Р. Б. О развитии новых форм дошкольного образования // Дошкольное воспитание. — 1999. — Часть I. — № 10. — С. 2–6.

49. Франк С. Смысл жизни. — Брюссель, 1992. — 132 с.
50. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — 140 с.
51. Фрейд З. Очерки по психосексуальности. — М.-Пг.: Госиздат, 1924. — 189 с.
52. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. — М.: Прогресс-Академия, 1992. — 464 с.
53. Хоментausкас Г. Семья глазами ребенка. — М.: Педагогика, 1989. — 154 с.
54. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды /Под ред. Давыдова В.В., Зинченко В.П. — М.: Педагогика, 1989. — 554 с.
55. Эриксон Э. Детство и общество. — СПб.: ИТД «Летний сад», 2000. — 415 с.
56. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996. — 340 с.
57. Юнг К.Г. Конфликты детской души // Юнг К.Г. Собр. Сочинений. — М.: Канон, 1995. — 333 с.

***Собкин Владимир Самуилович
Марич Екатерина Михайловна***

**СОЦИОЛОГИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ:
ДОШКОЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ**

Труды по социологии образования. Том VII. Выпуск XII.

Редактор — *О. В. Шапошникова*
Оформление — *А. Пожарский*
Компьютерная верстка — *А. Пожарский*

Лицензия ИД № 01374 от 30.03.2000 г.

Центр социологии образования РАО,
119905, Москва, ул. Погодинская, д. 8.

Подписано в печать 25.11.2002 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Формат 60×84 1/8. Печ. л. 31. Тираж 500 экз.
Заказ 3998.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП
«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86.

Собкин Владимир Самуилович (1948 г.р.) окончил факультет психологии МГУ в 1972, доктор психологических наук, академик Российской Академии Образования. Автор 9 монографий и более 250 научных работ, часть из которых переведена и опубликована за рубежом. Основной круг интересов: социология образования; детская, возрастная и педагогическая психология; психология искусства. В настоящее время руководит Центром социологии образования РАО. В 1998 году награжден медалью К.Д. Ушинского; награжден премией Президента Российской Федерации в области образования за 2001 год.

Марич Екатерина Михайловна (1976 г.р.) в 2000 году окончила МГОПУ и социально-психологический факультет ЕУМ. Автор двух монографий и ряда статей в области социологии дошкольного воспитания. В настоящее время научный сотрудник и аспирант Центра социологии образования РАО. Награждена премией Президента Российской Федерации в области образования за 2001 год; в 2002 году стипендиат Фонда Спенсера (США).

ISBN 5-901289-05-6

9 785901 289051 >